

Сергей Черемнов

ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ

очерки

зарисовки

статьи

эссе

Книга вторая

г. Кемерово
2022

Новая книга «Творческие люди. Книга вторая» Сергея Черемнова – это ещё один сборник очерков, зарисовок, статей и эссе о журналистах, а также – писателях и поэтах, учёных и путешественниках Кузбасса. Издание продолжило серию изданий по истории журналистики Кемеровской области, которую многие годы исследует автор. К этому циклу относится его книги «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса» (г. Владимир, 2020 г.), первый выпуск издания «Творческие люди» (г. Кемерово, 2022 г.). Также он был соавтором и главным редактором книг «Журналистика Кузбасса: строки истории» (Кемерово, 2008 г.), о СМИ Кемеровской области; «Овеянные славой дороги в сорок пятый» (Кемерово, 2010 г.), о журналистах Кузбасса – участниках Великой Отечественной войны.

12+

Творческие люди. Очерки, зарисовки, статьи, эссе. Книга вторая
С. Черемнов. – Кемерово, 2022. – 256 с.

Глава 1.

Мастер дела

Ипостаси Евгения Красносельского

Порой трудно было понять, что за кавардак в его голове. Казалось, она набита самыми невероятными знаниями, собранными из всех возможных и невозможных сфер жизни. Одно слово – эрудит! И он любил выдать-щегольнуть чем-нибудь таким, чтобы поразить собеседника. Он был настоящей ходячей энциклопедией – но не книжной, а живой, почти всегда бодрой и оригинальной.

Помню, как-то ещё в самом начале нашего знакомства Евгений продекламировал:

«В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что *опа есть...»

Потом спросил с серьёзным видом:

– Знаешь, кто это написал?

Я порылся в памяти, беспокоило так помялся-потоптался.

– Нет, – говорю, – не знаю. А что, должен?

– Конечно, – хитровато глянул Красносельский. – Ты же филфак кончал. Это же твой лучший друг-поэт написал.

Тут я совсем смутился. У меня из знакомых друзей-поэтов тогда были только двое – мои вчерашние однокашники Олег Курочкин и Женька Худобин. Кто-то из них? Не знаю. Стою, соображаю...

– Ну, старик, ты даёшь! – засмеялся Евгений. – Это же Пушкин! Это его эпиграмма на Дондукова-Корсакова. Тот в министерстве просвещения работал, был вице-президентом Академии наук, в Главном управлении цензуры трудился. Говорят, был homo sapiens... Не путать с homo sapiens...

И он от души расхохотался своим замечательным смехом, который ни с каким другим не перепутаешь – баритональный, с брутальной хрипотцой.

1.

Узнал о нём вначале заочно. Как-то читая номер молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса», наткнулся на материал на военно-патриотическую тему, подписанный «Е. Красносельский». Прочитал с удовольствием, да и фамилия запомнилась.

Не вспомню точную дату, когда мы увиделись с ним впервые. Определённо отложилось в памяти только, что Евгений с первой минуты знакомства взял такой тон, будто мы знакомы долгие годы. После этого жизнь действительно надолго связала нас вместе.

Он был старше меня на два года с небольшим – родился 12 ноября 1953-го. Но старшинством не кичился, держался на равных. И это давало психологическое спокойствие, уравнивало наши возможности, поддерживало в работе и в дружбе.

Мне случилось не просто знать, но и несколько лет поработать с Евгением Красносельским. Часто вместе ездили в командировки по Кузбассу. Больше других территорий он любил наезжать в Мариинск. Потому что там была его малая родина, жили его родители, друзья детства и юности.

Отсюда начинался путь Евгения Борисовича в журналистику. К газете его тянуло ещё со старших классов. Хотя и в точных науках, в математике неплохо преуспевал. В местной газете несколько раз публиковали заметки старшеклассника-юнкора Красносельского. Поэтому после окончания в 1971 году мариинской средней школы № 7 для него не стоял вопрос: кем быть? Дальнейшую учёбу решил продолжить в Иркутске.

– С Евгением я учился с пятого по десятый классы. Все эти годы сидели за одной партой, дружили, поделился воспоминаниями о Евгении его школьный друг Гриша Ханзяров. Теперь, конечно, он Григорий Александрович. – Интерес к будущей профессии и у Евгения, и у меня зародил учитель рисования Иоганн Иозефович Баухник, который вёл ещё и два кружка – по краеведению и фотокружок. Нас с Евгением привлёк последний.

Но Женя потом ещё увлёкся и писаниной и стихи начал писать. Несколько раз в неделю после школы мы с нашей окраины доезжали с ним до центра города

Мариинска. Отсюда Женя шёл в «Студию молодого литератора», а я во Дворец пионеров, где кружок вели профессионалы фотодела.

После школы он поехал поступать в Иркутский государственный университет. Я на тот момент решил отслужить в армии, в Забайкалье. В тех краях и произошла наша с Евгением встреча, когда я заехал к нему в Иркутск. О той поре на память сохранились снимки.

Я вернулся в родной город и связал свою жизнь с профессией фотографа. Работал в городской газете «Вперёд» и три десятка лет в Мариинском лесотехническом техникуме. Евгений же пошёл по журналистскому пути. Его любовь к Слову ещё тогда, во время занятий в фотокружке, перевесила интерес к фотографии. А, может быть, этот интерес определили встречи и общение с земляками, оказавшимися в Мариинске волею судеб, и Евгению захотелось постичь их жизненные истории и рассказать о них, используя и слово, и фотографию. Теперь с высоты своих лет могу уверенно сказать: мы с моим школьным другом Евгением Красносельским в профессии состоялись. Жаль только, что отмерено ему жизни было немного. Он любил людей: и родных по крови, и друзей, и тех, о ком ему довелось рассказывать на страницах газет...

По журналистским меркам Женя получил хорошее образование. При этом диплом ИрГУ по специальности «журналистика» № 301450, который ему вручили 1 июля 1976 года, был красного цвета – с отличием.

Не надо забывать и другое: в ходе обучения студент Красносельский проходил практику в родном Мариинске, в городской газете. Осваивал здесь, так сказать, прикладные основы профессии.

Хочу отметить, что это старейшая – среди городских и районных – газета в Кузбассе. В разные годы она выходила под разными названиями. Как только ни именовалась: «Известия Мариинского ревкома», «Луч красного солнца», «Пахарь», «Знамя коммунизма», «Заря»... Ныне – муниципальная газета «Вперёд». (Уверен, Женька не раз сострил по поводу этого имени, типа: вперёд – это вам не назад!).

Редакция в Мариинске – с устоявшимися газетными традициями. А как же! Первый номер «Известий Мариинского ревкома» вышел ещё в конце 1919-го. Её первым редактором был Павел Андреевич Аниконов. Уроженец Орловской губернии в 1897 году был сослан в Сибирь, и суровый край стал его второй родиной. Здесь Павел Андреевич создал первый на кузбасской территории народный театр, с местными энтузиастами ставил на сцене произведения Л. Андреева, М. Горького, Г. Успенского.

В 1909 году он издавал рукописный литературно-художественный, иллюстрированный альманах «Окрошка», где публиковались рассказы местной интеллигенции, учителей Мариинска.

Из известных лично мне именитых журналистов в мариинской редакции когда-то начинал лауреат многочисленных областных и республиканских творческих премий, многие годы отработавший потом в «Кузбассе», Александр Гаврилович Зайцев. Здесь в своё время «оттачивали перья» супруги Локоновы – Валерий и Нонна. Это они затем стали ведущими газетчиками и руководителями СМИ в

Белово. Здесь сформировался легендарный редактор газеты города Берёзовского Владимир Денисович Чворо. Здесь начинали профессор, доктор философских наук Виктор Александрович Колеватов, редактор Новосибирского книжного издательства Яков Мефодьевич Кузнецов, социолог и публицист Владимир Николаевич Колюбакин. И известный мариинский поэт и писатель Иван Иванович Ефремов, и бывший редактор «Призыва» Михаил Александрович Подгорный, и ветеран журналистики Валентина Александровна Сеет, и многие другие.

Вот где огранялся талант Евгения Красносельского! Он пришёл сюда в те времена, когда мариинцы всем городом и районом читали свою любимую газету. В самобытной провинциальной окраине она была вне всякой конкуренции. Евгений вникал в секреты профессии, многому учился у мастеров пера старшего поколения.

Районным газетчикам в те годы дремать не давали: не менее 200 строк надо было ежедневно приносить в секретариат редакции. Бывало, если Евгений уезжал за материалом на весь день, то вечером привозил новостей на пару солидных корреспонденций и на три-четыре подборки типа «У нас в Благовещенке», «Вчера в Колеуле» или «В посёлке Дальнем», «Приметкино...», «Константиновке...», «Суслово...»

Редактор то «бросал» молодого практиканта на премьеру заезжей труппы, то – на село или стройку. И чаще всего у парня получалось хорошо выполнить задание, написать свежо и нестандартно. Как считают журналисты-районщики, в такой «потогонной» обстановке, хочешь-не хочешь, обретаешь навыки профессионала-универсала.

Ветераны мариинской журналистики не зря отмечают, что в их редакции корреспондентов «смолоду приучали быть всегда и везде честными, порядочными, не боящимися ради правды лезть на рожон».

Вот что вспоминает Юрий Михайлович Усольцев, ветеран Кемеровского областного радио, которого называют «золотым голосом Кузбасса»:

– Ещё во времена нашей учёбы в Кемеровском институте культуры Володя Павлов познакомил меня с удивительным человеком – у них тогда в мариинской газете «Вперёд» проходил журналистскую практику студент Иркутского университета Евгений Красносельский. А с ним просто невозможно было не подружиться, что, конечно же, и произошло. Женя был страшно талантливым человеком, а вдобавок – отличным организатором. Он постоянно генерировал новые идеи и при этом просто вспыхивал ими, буквально как спичка!..»

Он искренне любил свою малую родину, её особый, неповторимый колорит, хорошо знал городскую историю, гордился ею.

Мариинск – сам по себе город интересный, архаичный. Выбивается из череды угольных поселений Кузбасса. Пошёл от Кийского села, которое насчитывает почти три с половиной столетия от роду. В 1856 году Кийский городок переименовали в честь Марии, жены российского царя Александра II. Император и сам побывал в этом месте, находясь ещё в статусе цесаревича.

Город стоит на оживлённом Транссибе. По красоте и самобытности он сродни деревянному Томску или даже Иркутску. Здесь что ни дом – то целая повесть.

Редакцию газеты в доме № 9, что на главной городской улице имени Ленина, в Мариинске знает каждый. Двухэтажное каменное здание конца XIX века. Когда-то оно принадлежало купцу Гуревичу. Евгений обожал бывать здесь.

– Смотри, – показывал он мне на главный фасад дома. – Видишь, какая симметрия?! А фронтоны – просто красавцы! А оконные наличники! Умели строить купчихи...

Когда мы с Красносельским бывали в Мариинске, всегда заходили в редакцию. По всему видно было, Евгения здесь любили, считали своим птенцом, высоко взлетевшим из мариинского гнезда. Местный творческий люд расспрашивал о столичных новостях, и Евгений с удовольствием, образно, как умел только он, расписывал подробности кемеровской жизни. А хлебосольный редактор Миша Подгорный, Михаил Александрович, никогда не отпускал без товарищеского ужина.

Семью Жениных родителей в Мариинске хорошо знали. В один из приездов Евгений затащил меня к ним. Обычно я отнекивался, останавливался в местной гостинице, отговаривался, что неудобно, мол, хлопотно, зачем беспокоить стариков...

– Кончай свои китайские церемонии, – однажды отмахнулся он от моих доводов. – Я им про тебя давно всё рассказал, как сообща работаем, передачи ведём. Они обижаются, что не заходишь в гости. Хотят хоть раз увидеть, кто это такой трудится вместе с их сыном-охламоном...

Так я оказался в гостях у Красносельских-старших. Впрочем, отыскать их дом было несложно. Всякий, кто хоть раз заезжал в Мариинск со стороны Кемерово, обязательно заметит две кирпичных пятиэтажки 1960-х годов постройки, справа, рядом с поворотом главной мариинской улицы – имени Ленина – в центр города. В одной из этих пятиэтажек и располагалась их простая, но уютная квартира.

Евгений гордился своими родителями и не стеснялся этого. Его мама, Тамара Ивановна всю жизнь отдала преподаванию в школе. Комфорт и чистота в доме – её трудолюбивых рук дело. Как, впрочем, и праздничный стол со всякими вкусностями и разносолами, что в начале 90-х было не так-то просто. Отец Борис Александрович – участник Великой Отечественной войны. Офицер, служил авиатехником в лётных войсках и полностью лишился зрения. Но это не мешало седому ветерану-орденоносцу находиться в курсе всех событий в стране, области, городе.

Посидели мы на славу. Подробно и обстоятельно обсудили с Красносельским-старшим и негодную политику, и развалившуюся экономику, и наши творческие телевизионные усилия, с помощью которых мы пытались помочь людям выжить в тех непростых условиях безденежья и бескормицы.

А пока мы – мужики – судили-рядили обо всём, мама Евгения всё поглядывала на сына с любовью, и если вставала из-за стола, то обязательно старалась прикоснуться к нему, положить добавки в тарелку.

– Кушай, Женя, кушай, сынок...

Трудные были в стране времена. Ветераны тогда остались без сбережений, которые откладывали всю жизнь, их пенсии тоже обесценились и приходили с опозданием. Работный люд оказался без дела и без зарплаты.

Выживать помогали по-советски скромные мичуринские участки, которые многие жители громко именовали дачами. Был такой участок и у Жениных родителей. В нём-то и заключался главный секрет их хлебосольства. Да ещё им помогали мариинские друзья Евгения. Один из них – директор опытно-производственного хозяйства «Кийское» Салим Исмагилович Миникаев. Забегая вперёд, скажу, что он не оставил Женину маму и после того, как и мужа, и Евгения не стало. Помогал в уходе за посадками, поддерживал её, как мог...

Родина и родители – это для Евгения было свято. «Помнится, – поделилась ветеран журналистики Татьяна Павловна Микельсон, – Евгений не раз приходил на радио в отдел писем, в котором я тогда работала, с просьбой: поздравить отца-фронтовика с днём рождения или Днём Победы: «Старуха, прими мою заявку для концерта. Найди душевную песню для отца», – шутливо просил он».

2.

На старших курсах Евгений проходил практику уже в престижном издании – в «Комсомольце Кузбасса».

– Я тогда работал в отделе спорта у Льва Попова, – вспоминал заслуженный журналист, ветеран Кемеровского областного телевидения Геннадий Леонидович Мызин. – Приехал новый практикант, и начальник послал его в командировку в Междуреченск. Что это было! Женя, как человек впечатлительный, настолько очарован был всем, что увидел: и Поднебесными зубьями, и удивительными туристами, и фигурой главного местного турорганизатора Михаила Шевалье. Когда он вернулся, его просто невозможно было остановить – беспрерывно строчил тексты большими полосами формата А2.

Для тех, кто не знает: формат А2 – это газетная страница, размером со старую советскую газету «Правда», вмещает, наверное, не меньше полутора тысяч строк.

Очевидно, поэтому молодого выпускника ИрГУ и распределили в областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса». В августе 1976 года его зачислили в штат редакции, и стал он специальным корреспондентом.

У кузбасской «молодёжки» в те годы был очень высокий рейтинг среди подобных региональных изданий, выходящих за Уралом. Редактор «КК» тех лет Борис Васильевич Синявский уточняет: «Это была крупнейшая за Уралом областная молодёжная газета. Тираж её был 140 тысяч, годовая подписка стоила 3 рубля 12 копеек – как бутылка ординарной водки».

Здесь тогда трудились признанные мэтры пера: Люда Якубик. (Б. Синявский: «Когда она представилась: «Якубик», меня так и подмывало ответить: «А я шарик!», – еле удержался, она выпускница журфака МГУ, строгая и требовательная»); Катя Печуркина; всегда полная идей и прямолинейная Вера Карзова; философски настроенный Евгений Багаев; удивительный Валерий

Пирожников. И фотограф Василий Кафо. Кстати, с лёгкой руки Красносельского фамилию Кафо в редакции расшифровывали: «Качественная фотография»...

Общительный Женька в редакции быстро «пришёлся ко двору». Лёгкий на подъём, он никогда не отказывался от сложных тем или расследований по письмам читателей. Героями публикаций Красносельского становились спортсмены и артисты, шахтёры и хлеборобы, студенты и ветераны войны – всех и не перечислить. Писал и писал, зарабатывая, как говорится, имя настоящего газетчика. Читатели с первых же публикаций заметили его интересные, злободневные размышления, образный слог. Благодаря таланту и организаторским способностям в 1981-м его повысили до заведующего отделом рабочей молодёжи «Комсомольца».

Экс-редактор «Комсомольца Кузбасса» Борис Синявский в статье «Три моих кита», опубликованной в книге «Журналистика Кузбасса: строки истории», писал:

«...Женя Красносельский. Балагур, весельчак с очень острым словом. Когда Катя Печуркина назвала его «Сельский», он возмутился. Катя возразила: «Но ведь так короче». На что получила мгновенный ответ: «Тогда и я тебя буду называть коротко – Чуркина»...

Я же пока учился на филфаке Кемеровского университета и тоже мечтал о журналистской стезе, нередко сотрудничал с нашей «молодёжкой», выполнял задания суровой, но справедливой Людмилы Якубик. Это были репортажи о студенческих стройотрядах, заметки из университетской жизни, отчёты с комсомольских собраний.

Красносельского знал чисто визуально, сталкивался с ним в редакционных коридорах, но подойти не осмеливался. Поближе мы познакомились, когда он в начале 1984 года перешёл в главную областную газету – «Кузбасс», прочно «осел» в отделе тяжелой индустрии.

Я к этому времени уже успел поработать в прокопьевской горгазете «Шахтёрская правда» и с 1982-го стал собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району.

Нас, соборов, было у «Кузбасса» восемь. Таштаголец Вениамин Иванович Лебедев, которого все почему-то звали Геной, междуреченец Петя Шабрихин, новокузнецане Александр Антонов и Анатолий Цыряпкин, беловский Валера Локонов, ветераны – юргинец Геннадий Петрович Задорожный и мариинец Владимир Андреевич Карманов, кемеровчанин Валентин Алексеевич Калачинский и прокопчанин – я.

Руководил группой соборов заместитель редактора Анатолий Игнатьевич Бельчик. Примерно раз в квартал он вызывал нас «с мест» в Кемерово на день-два – для подведения итогов работы.

Бельчик раздавал нам таблицы, где были сосчитаны наши газетные строчки за прошедший период и определено место каждого из нас в негласном соревновании соборов. Хвалил, незлобиво критиковал, разбирая наши публикации. Давал новые задания. Наконец, отпускал «побродить по редакции».

Мы ходили по кабинетам, встречались с теми журналистами, кто работал непосредственно в «конторе», выслушивали их пожелания. Вот тогда-то мы и познакомились как следует с Женей. Он к этому времени основательно обосновался в отделе, который возглавлял Александр Гаврилович Зайцев. Мы, собкоры, работали с этим отделом теснее всего, практически ежедневно передавали сюда информацию «с сельских нив и угольных полей», как любил подчёркивать сам Александр Гаврилович.

А вечером, в гостинице, собкоры ещё дополнительно «укрепляли» отношения за общим столом. Там мы и сошлись с Красносельским ближе. Кажется, это он как-то раз назвал Александра Гавриловича «Гарилычем», вот и повелось. Мэтр не обижался, а только посмеивался и, предлагая очередной тост, частенько скрашивал его журналистской байкой, коих в житейском арсенале Зайцева было не счесть. Но и Евгений балагурил на журналистском застолье так, что будь здоров!

Позже он представился и моей второй половине – жене Галине. Этот случай запомнился хорошо. В начале 1986-го Союз журналистов СССР выделил нам бесплатную семейную путёвку на отдых в Международном доме журналистов – на берегу Чёрного моря в болгарской Варне. (Были в застойные годы в Советском Союзе такие льготы для пишущей братии).

Я тогда опять работал в «Шахтёрской правде», но уже главным редактором. А загранпаспорта надо было оформлять в Кемерове. В тот день мы с женой набегались по инстанциям, проголодались и решили поесть в столовой «Жаворонок», где давали комплексные обеды – на Советском проспекте, рядышком с нынешним Союзом писателей Кузбасса. Только присели за столик, слышу:

– Привет, старик! – Женя подходит к нам с подносом. – Позволишь?

Уселись, едим. А он же, обычно, не может долго молчать, даже с полным ртом. Тем более, рядом – такое прекрасное соседство. Начал острить, рассказывать что-то интересное, смешное. Мы зафыркали от смеха. А он мне:

– Не познакомишь со своей красивой спутницей? А то, как говорит твой близкий друг: «И своя жена вольная, и чужая жена вольная – как подойдёт!»

– Познакомься, – отвечаю ему. – Моя жена Галина. Галя, а это Женя Красносельский. Известный журналист, да ты его читала. А ещё он, как видишь, поговорить любит.

– Это бесспорно, – невозмутимо откликается жена. – А про какого такого близкого друга вы, Евгений, вспоминаете? – она-то ещё не знает приколов Красносельского.

– Как? – почти естественно удивляется Женька. – Да это же Михаил Евграфович написал, сам Салтыков-Щедрин. Ещё в 1876 году, в «Благонамеренных речах». Обязательно почитайте! – и смеётся, довольный произведённым впечатлением.

Мы в своё время познакомились и с его женой Татьяной, дочерью Ириной, маленькими сыновьями-близнецами Андреем и Евгением, встречались семьями. И всякий раз вспоминали этот Женькин «литературный приём»: «Как говорит (или

считает, утверждает, заявляет – в зависимости от обстоятельств) твой друг...» И следом за цитатой он называет известное имя кого-либо из великих мира сего...

Красносельский в «Кузбассе» был на хорошем счету. К этому времени в журналистской среде он заработал репутацию опытного «многостаночника» – это когда автор умеет отлично написать как большой очерк, так и любой другой материал, независимо от темы. Его часто посылали туда, где в Кемеровской области трудно продвигалось строительство очередного крупного объекта, или в отдалённый уголок, откуда пришло тревожное письмо и надо тщательно разобраться, чтобы помочь людям. Если нужно было написать толково и быстро – тоже поручали Евгению...

Когда в середине 1980-х в «Комсомольце Кузбасса» началась очередная смена поколений, областной комитет комсомола рассматривал несколько кандидатур на руководство редакцией. Такова уж участь «молодёжек»: здесь молодой пишущий люд быстро «подрастает и опережается», желает «перетечь» в более солидное издание. Ничего не поделаешь, это жизнь с её творческими амбициями.

Борис Синявский возглавлял «КК» с октября 1979-го. Через пять лет в обкоме ВЛКСМ почувствовали, что пора ему «шагнуть» дальше – и в июне 1984 года он перешёл в «Кузбасс». Редактором «Комсомольца» поставили Петра Бугаева. А через три года место редактора «КК» снова оказалось вакантным.

Вот тут-то в комсомольском обкоме и родилось решение назначить на этот пост Евгения Красносельского. А что? Возраст – самый подходящий: чуть за тридцать. Имеет хороший опыт: если считать мариинскую газету, успел уже поработать в трёх редакциях. Хорошо пишет. Пользуется авторитетом среди коллег. Ну, как-то так...

И в мае 1987 года Евгений стал редактором областной газеты «Комсомолец Кузбасса». Но решения «области» было недостаточно. Редакторов региональных «молодёжек» утверждали в Центральном комитете ВЛКСМ.

Именно этот эпизод отложился в памяти Татьяны Микельсон:

– Евгений подружился с моим мужем (Александром Юльевичем Микельсоном) на почве любви к спорту. А конкретно – к футболу. Иногда они с парнями собирались на школьном поле недалеко от нашего дома и играли в футбол. Бывало, к этой команде примыкал Олег Курочкин. После матча они приходили к нам домой играть в карты. Во что играли конкретно, не знаю. Но запомнилось выражение, которое время от времени повторял Евгений: «Сороковка, Шура, она и в тундре сороковка».

Когда Евгения утверждали главным редактором газеты «Комсомолец Кузбасса», он для солидности попросил у моего мужа бережно хранимый портфель студенческих времён, чтобы съездить с ним в столицу. После утверждения в Москве Женя принёс портфель назад, предварительно позвонив мне и попросив спуститься во двор: «Заодно и мальчишек моих посмотришь». Родившиеся недавно в семье Красносельских сыновья-близняшки дружно посапывали в коляске...

3.

С приходом Красносельского областная «молодёжка» получила новый импульс.

– Женька всерьёз взялся за «перестройку» работы редакции, – восстанавливает в памяти заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин Кемеровской области Юрий Васильевич Дьяконов, который в ту пору работал в секретариате газеты «Кузбасс». – Он попросил меня провести анализ вёрстки и композиции «Комсомольца», помочь сделать газету более современной и востребованной...

В редакцию по приглашению Красносельского стали часто заходить известные в стране и области люди. Благо у Евгения было много друзей среди актёров, музыкантов, писателей, художников, учёных, спортсменов. Например, водил дружбу с артистом Николаем Караченцовым. Чаепития и беседы журналистов со знаменитостями в редакции при нём вошли в моду. Как-то в редакции я увидел певца Гарика Сукачёва, который выходил из кабинета Красносельского. После этих встреч газета печатала интересные материалы.

Вторая половина «восьмидесятых» – это сплошная перестройка, объявленная М. С. Горбачёвым. Страна забурлила, понеслась в «горбачёвском ускорении» в неведомое будущее. Новому генсеку единственной в СССР партии первое время верили, думается, многие и журналисты. Всё острее, всё хлестче становились публикации в газетах и передачи по телевидению. Теперь в прессе открыто писали о том, о чём молчали предыдущие десятилетия. Хорошо запомнил эту эйфорию, сам испытал её. Журналисты бесконечно обсуждали пути и возможности вывода страны на новый уровень развития. Ведь на первых порах было абсолютно непонятно, что вслед за «перестройкой» последует полный развал.

Я переехал в Кемерово в июне 1987 года, на волне перестройки. Из редакторов «Шахтёрской правды» перевели в заведующие сектором печати, теле- и радиовещания Кемеровского обкома КПСС.

Партия ещё держала в своих руках рычаги политической и экономической власти в стране. Поэтому со знанием дела могу назвать точное число средств массовой информации, которыми в то период располагала Кемеровская область. Областных газет – две: партийная и комсомольская. Городских и районных газет – 30, все – печатные органы горрайкомов партии, горрайисполкомов и горрайсоветов. Многотиражек – 99, это газеты крупных предприятий, организаций и учреждений. Телевидение одно – областное Кемеровское ТВ. Ровно столько же радио.

И вся эта идеологическая база вскоре «затрещала по швам». Особенно это было заметно по областным редакциям. Внутри творческих коллективов часто шли жаркие дискуссии о партийности, о роли СМИ, о социализме и капитализме. Некоторые коллеги начали заявлять: надо выходить из партии, создавать альтернативную прессу. Конечно, эти процессы не могли обойти стороной и кузбасскую «молодёжку».

Интересными воспоминаниями поделилась моя землячка-прокопчанка Надежда Малашенкова. Ветеран журналистики, она сегодня проживает в Белоруссии:

«В 1978 году я прибыла на практику в «Комсомольце Кузбасса» (училась на отделении журналистики в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ). В здании на Ноградской иду по длинному коридору. Вдруг, словно вихрь, проносится мимо паренёк с футбольным мячом.

Многих сотрудников редакции знала давно, ещё будучи корреспондентом газеты «Сельская новь» Прокопьевского района сотрудничала с «молодёжкой». «Футболиста» же видела впервые.

Оказалось, это Женя Красносельский. Его энергия была ключом, а футбол уже тогда был в приоритете. Конечно, не предполагала, что в будущем он станет редактором «КК», а я его заместителем.

Вместе мы работали недолго. Запомнилось: Евгений фонтанировал идеями, не любил сидеть на месте, часто ездил в командировки. И не только по Кузбассу. Когда в 1988 году разгорелся конфликт в Нагорном Карабахе, он, не раздумывая, поехал туда. Вернулся полный впечатлений, опубликовал корреспонденцию. Чувствовалось, печальные события принял близко к сердцу.

В стране шла перестройка, рушились привычные ориентиры, очень сложно было оставаться равнодушным, тем более ему. Кроме того, далеко не все перемены его радовали. И всё же он оставался оптимистом, видимо, следуя изречению: «Мир принадлежит оптимистам, пессимисты – всего лишь зрители».

По моим наблюдениям, Женя был прирождённым репортёром, обладал острым пером. Но административная работа не была его «коньком». И он, может быть подсознательно, иногда отстранялся от неё, отдавая предпочтение журналистике...»

Летом 1989-го в Кузбассе начались массовые забастовки шахтёров. Угольные предприятия встали. Площади горняцких городов заклокотали так, что мало никому не показалось. В солнечный июльский день с гранитного крыльца здания, где нынешняя администрация Кемеровской области, я видел, как площадь Советов заполняется людьми в чёрных шахтёрских робах.

Потом горняки уселись прямо на горячий от солнца асфальт и начали митинг. И казалось, это «вечере» будет идти бесконечно. Много дней подряд слушал митинговые переключки, маты, жаркий обмен мнениями, слышал, как освистывают разнокалиберных ораторов...

Под выражением «атмосферная турбулентность» обычно понимается ситуация, в которой самолёт начинает очень сильно трясти. Так вот самолёт по имени КПСС на полной скорости приближался к этой самой турбулентности.

Поскольку, я сам в этот период работал в обкоме КПСС, видел всё это, что называется, изнутри, отмечал, как кое-кто из работающих здесь, срочно подыскивает другое место работы...

Тем неожиданней прозвучала для меня в декабре 1989 года новость: Евгений Красносельский покинул редакторское кресло «Комсомольца Кузбасса» и перешёл на должность заведующего сектором партийной информации отдела организационно-партийной и кадровой работы Кемеровского обкома КПСС.

4.

Вскоре после этого мы встретились с ним в коридоре обкома. Он был серьёзным, даже непривычно хмурым.

– Ты тоже думаешь, старик, что я зря ушёл из газеты? – спросил он.

– Да нет, – уклончиво ответил я и пошутил. – Ты же взрослый мальчик, сам решаешь, как жить.

– Да, – согласился Евгений. – Устал я от той работы, решил переменить.

– Нашёл же ты тихое место! – снова подначил я.

Он заулыбался, однако не «завёлся», не стал, как обычно, спорить и доказывать свою правоту. Поговаривали, что из «Комсомольца» Красносельский ушёл в результате конфликта в редакции. Не в курсе, не знаю...

Знаю другое: организационно-партийная и кадровая кабинетная работа ему разонравилась очень быстро. Он начал часто пропадать в кабинетах нашего сектора печати. Тут мы обсуждали последние новости из жизни СМИ. И планы строили.

После шахтёрских забастовок, которые основательно «тряхнули» СССР, партия решила создавать в обкомах пресс-службы. Была задача – через СМИ активнее рассказывать людям о политике перестройки, о переменах в стране, о работе партийного и советского руководства. Пресс-службу Кемеровского обкома партии поручили возглавить мне. Дело было абсолютно новое, ведь тогда – это не сейчас – пресс-служб ещё вообще нигде не существовало.

Узнав об этом, Женька тоже загорелся этим проектом. Тем более, предстояло снова стать ближе к привычной ему прессе. Он убедил руководство своего отдела, что в пресс-службе обкома от него будет больше пользы.

И должность мы ему придумали звучную: главный редактор пресс-центра ОК КПСС. Правда, с началом весны 1990-го в нашей пресс-службе трудились всего три человека, но зато каких: Евгений Красносельский, Александр Даньшин, ну, и я, конечно.

Заметки о партийной жизни, которые мы принялись писать для газеты «Кузбасс», уже ничего никому не могли дать. Люди их не читали. Зато рабочие комитеты начали большим тиражом издавать «Нашу газету», у народа она оказалась востребованнее других газет.

Тогда мы предложили идею: дайте нашему пресс-центру время на областном ТВ, чтобы выпускать регулярную информационную передачу. Ведь телевидение у населения пользуется большой популярностью.

Первый секретарь обкома Александр Григорьевич Мельников поддержал, похлопотал, и нам выделили полчаса эфирного времени в неделю, купили любительскую японскую видеокамеру формата VHS (типа – домашнее видео) и закрепили автомобиль для поездок на съёмки.

И ещё: закрепили за нами информационную «десятиминутку» раз в неделю, – на ОблРадио. Её, кстати, помогала готовить к выпуску редактор областного радио Тамара Зиндович: материалы наши, а обрабатывала и начитывала их для эфира

– она. Тамара Алексеевна обязательно требовала, чтобы кроме сухих пресс-релизов мы в каждый выпуск присылали один-два «живых» репортажа.

– Учти, передачи должны быть интересными, – напутствовал меня Мельников. – Чтобы люди смотрели. Думайте самостоятельно, контролировать вас некому, да и некогда...

А нам и самим хотелось, чтобы было интересно. И мы с Красносельским и Даньшиным старались, как могли, делали еженедельную информационно-аналитическую передачу со странным названием «10 + 20». По задумке: десять минут новостей, в остальное время – интервью, комментарии, мнения. Причём, репортажи должны быть из самых разных точек Кузбасса.

Тутгодились и связи Красносельского, и его знание региона. Носились мы с ним по области, как угорелые: два-три дня в дороге, съёмки, день – на сценарий выпуска, ещё день – на монтаж передачи. И снова в дорогу.

Женька мог уговорить на интервью любого, даже того, кто категорически против ответов на вопросы. Тематика передач была самая широкая: политика, экономика, культура. И просто жизнь обычных людей с их проблемами и радостями. Монтировать программу нам неизменно помогала режиссёр Кемеровской студии телевидения Валентина Фёдоровна Кротенко.

Помню, как-то приехали с Красносельским в отдалённую татарскую деревню Серебряково, что в Тисульском районе, на самой границе Кузбасса с Красноярским краем. Побывать здесь посоветовал Женькин знакомец – кандидат экономических наук, преподаватель Вахит Шайхуллович Курмашев, который был родом отсюда.

Наснимали кадров большого, ухоженного поселения, его крепких крестьянских семей. Не хватало особой изюминки. И тут услышали про местного муллу. Решили – вот она хорошая «точка» для нашего «партийного ТВ-выпуска». Красносельский – за микрофон, я – за камеру. Нашли муллу – древнего, седого, бородатого старца. На эту почётную для деревни должность его избрали односельчане.

«Какая главная мысль заложена в Коране для верующего человека? – спрашиваем у него. «Молись и трудись», – отвечает 90-летний деревенский философ...

– Потрясающая концовка для выпуска! – как ребёнок радуется Евгений.

Так и вышло в эфир...

Нашу передачу заметили. О ней стали говорить и зрители, и специалисты. В исследовании рейтингов программ областного телевидения, которое провела социологическая лаборатория КемГУ, по опросам телезрителей передача «10 + 20» заняла третье место по «смотрибельности» – после новостей «Пульса» и чего-то там ещё.

«Комсомолец Кузбасса» сразу отреагировал на это. Обозреватель «КК» Дмитрий Сагара в газетном телеобзоре назвал нашу программу «Этот «жёлтый» телевизор», порассуждав с ехидцей, имеет ли право «партийное ТВ» позволять

себе «общечеловеческие вольности». А мы-то всего лишь старались донести до зрителя принципы добра, трудолюбия, любви к родине и к ближнему.

Впрочем, и партийную тематику мы не выпускали из поля зрения. Например, многие партийцы возлагали надежды на последний – 28-й съезд правящей КПСС, который состоялся во Дворце съездов (сейчас – концертный зал Московского Кремля) в июле 1990 года. Нам с Александром Даньшиным случилось работать в пресс-центре этого события. Вели специальные радио- и телерепортажи для Кузбасского государственного теле- и радиовещания. Удалось даже записать телеинтервью генерального секретаря Центрального комитета КПСС М. С. Горбачёва, который, отвечая на наши вопросы, дал слово приехать в Кузбасс, к шахтёрам. Слова не сдержал...

Съезд шёл почти две недели. Женя оставался в Кемерове, делал всё, чтобы передачи пресс-центра выходили без срывов. Один работал за троих. «Как я вам завидую!» – кричал нам в трубку телефона.

Было чему завидовать. В те летние дни в Москве у нас с Александром получилось пообщаться со многими интересными людьми, с руководителями страны. Побывали в Белом Доме на пресс-конференции председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина. Он прямо на съезде КПСС заявил о выходе из партии. По этому поводу собрал журналистов в Белом доме на Краснопресненской набережной (сейчас Дом правительства РФ), в котором тогда размещался Верховный Совет.

В ту пору этот Дом ещё не был расстрелян танками, не было вокруг него никакого забора. И мы совершенно спокойно попали туда...

5.

Многое в передаче «10 + 20» мы делали по наитию – так, как мы сами представляли себе новое телевидение. Нам хотелось учиться мастерству у специалистов современности. Однако телеакадемии ещё не изобрели, и телеакадемиков ещё не было.

Но лучшим среди лучших информационщиков страны по праву считался ленинградский журналист Александр Невзоров с его ежевечерними новостными выпусками «600 секунд». Их транслировали не только в Ленинграде, но иногда и в Москве. Народ «Секунды» обожал. И среди журналистов о них ходило много разговоров.

Говорили, когда наступало время вечернего эфира Невзорова, ленинградские улицы пустели: люди садились у телевизоров, чтобы послушать очередные откровения ведущего о событиях прошедшего дня. Всего за десять минут он успевал откровенно рассказать о «новом беспределе чиновников», обо всех авариях и пожарах, случившихся в городе за сутки, о новостях предпринимательства, при этом – «втиснуть» и комментарии местных депутатов, экспертов, очевидцев событий.

У кого же ещё учиться современному телеремеслу?! И мы с Красносельским в октябре 1990-го выпросились в Ленинград. Благо, через Кемерово проходил регулярный авиарейс Владивосток – Ленинград.

Хочу подробнее рассказать про эту поездку, чтобы прочувствовать, как жила в те дни страна.

Из нашего обкома позвонили в Ленинградский обком, договорились, что нам в обкомовской гостинице бесплатно предоставят места. А на питание суточные выделили. Скромные, конечно, но с голоду умереть не успеешь.

Тяжёлые времена не щадили и наш «Аэрофлот». Через полстраны летели несколько часов. Но на борту выдали лишь по пачке сухих галет и по крохотной упаковочке сока. «Горячее мы давали где-то в районе Читы. Придётся вам потерпеть», – сообщила нам стюардесса. Что ж, мы к этому были готовы. Пересели в пустом салоне на задний ряд и достали свои домашние припасы...

Вечером, пока добрались до гостиницы, что на площади Пролетарской диктатуры – рядом со Смольным, начались «600 секунд». Стоим у стойки администратора, слышим, как телек голосом Невзорова рассказывает: «Сегодня председатель Ленсовета Анатолий Собчак отбыл с очередным визитом за границу. Поэтому нам не удалось найти на рабочем месте ни одного народного избранника, чтобы взять комментарий по поводу случившегося ЧП. Оно и понятно. Как гласит пословица: «Кот из дома – мыши в пляс».

«Вот даёт!» – думаем.

А администраторша нам недовольным голосом: подождите, мол, сейчас передача закончится.

Утром пошли в Смольный – в Ленинградский обком КПСС – он совсем рядом. Погода – дрянь: ветер задувает, мокрый снег идёт. Хотя, место грандиозное, историческое. Напротив входа бронзовый Ленин стоит на броневике, в левой руке зажал кепку, правую вскинул вперёд. На одной из боковых площадок центральной аллеи – бюст Карла Маркса, слева от него – бюст Фридриха Энгельса. Женька не может без острот: «Борода у Карла побогаче будет».

Внутри широкий, бесконечный коридор, уходящий, кажется, за горизонт, с кабинетами по обеим сторонам. Ищем нужную дверь. Красносельский опять:

– У меня такое ощущение, что вот-вот откуда-нибудь покажутся Троцкий, Каменев или Зиновьев...

Не соскучишься с ним.

Нашли вход в музей-квартиру, где первое время жил руководитель Советской республики Ленин. Снимаем на видео широкий двухтумбовый письменный стол с зелёным сукном, лампу с зелёным колпаком абажура, бумаги, исписанные стремительным, малоразборчивым почерком вождя, односпальную кровать, печь...

– Можно, я сяду за стол, а Сергей меня снимет? – спрашивает Евгений у хозяйки музея.

Та чуть в обморок не упала:

– Ни в коем случае!

Красносельский разворчался: «Лучше бы не спрашивал. Сняли бы по-тихому».

Первый вопрос, который мы задали Юрию Павловичу Белову, секретарю Ленинградского обкома по идеологии:

– Как вы тут только работаете – среди всей этой истории и теней прошлого?

А он нас просит подробнее рассказать о шахтёрских забастовках. Потом резюмирует:

– Шахтёры всю страну всколыхнули. Ясно дают понять, что надо ускорять перестройку. Трудности переживём. Уверен, они – временные. Партию надо реформировать. А следом и страну...

Ладно, дискутировать не стали. Попросили помощи, чтобы попасть к Невзорову. И он помог: созвонился, договорился и машину выделил.

В ленинградском телецентре нас встретили, как родных, провели в редакцию передачи «600 секунд». Правда, предупредили, что у нас минут двадцать, ну, от силы, тридцать. Что вообще-то Александр Глебович редко встречается с коллегами, не любит давать интервью. Что работы много, ведь готовится вечерний эфир.

Сам Невзоров – молодой, лет тридцати, выше среднего роста. Вышел из-за стола представился, чаю предложил. Поговорили с ним о передаче, поснимали его ответы.

– Я поставил перед командой задачу: завоевать информационное пространство, – поделился он. – Поэтому у нас в эфире идут и убийства, изнасилования, организованная преступность, фальшивомонетчики. До нас в стране это ещё не показывали...

Особо подчеркнул, что на всю катушку использует объявленную Горбачёвым политику гласности. Сообщил, что «Секунды» особенно не любит председатель горсовета Анатолий Собчак. При этом «600 секунд» нередко помогают людям решать их проблемы, добиваются отставок негодных руководителей. Нам показали дверь, на которой, как на фюзеляже истребителя, можно увидеть звёздочки. Ими обозначают высших чинов, которых убрали с должностей после выхода сюжета в «Секундах».

Над выпуском постоянно работают сразу несколько съёмочных групп. Норма в день для выпуска – 7-8 сюжетов. Сюжеты монтируются быстро. Тексты начинают писать уже в машине...

Первое время многих интересовала фишка с таймером на экране, который ведёт обратный отсчёт времени. Даже спорили – успеет ли ведущий закончить прежде, чем на экране появятся четыре нуля. Поэтому многое приходится сокращать в угоду формату. Зато, в одну программу по 18-20 информации и сюжетов втискивают...

Высший класс! – оценили мы. Есть чему поучиться, хоть и коротким получился визит.

Отправились к выходу, спустились на первый этаж. Движемся мимо входа в главную студию, он – на первом этаже. Видим, возле большой массивной двери с круглым окном-иллюминатором толпится человек десять, большинство – в

пиджаках и при галстуках. Наверное, здесь кто-то из высоких гостей? – предполагает сопровождающая нас помощница режиссёра. Отошла узнать. И вскоре подводит солидного мужчину.

– Председатель Ленинградского комитета по телевидению и радиовещанию Борис Михайлович Петров, – представляется тот. – Из Сибири, говорите? Из глубины сибирских руд, так сказать... Как у вас там, в провинции, работает телевидение? Наверное, спокойно и размеренно?

Мы ему: всяко бывает. Забастовки шахтёров, наверное, видели? Всю страну всколыхнули! Если судить по магазинам, то, как и у вас, ничего нет...

Оказалось, что у них сегодня на эфире – первый секретарь обкома партии Борис Вениаминович Гидаспов. Мы про него слышали – легендарный мужик, химик, академик, доктор наук, членкор. В 1986-м был на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Говорят, схватил там лишнюю дозу...

А Петров предлагает нам посмотреть, как у них работает главная студия.

– Сейчас, – говорит, – я вас представлю, подождите.

Через мгновение мы оказались перед статным человеком, поёживаясь под его внимательным взглядом. Руки Гидаспов держал за спиной.

– Как настроение у шахтёров? – спросил он.

– Настроение – не очень, – отвечаем.

– В капитализм их тянут, в рынок. А он в нашей стране невозможен, – уверенно заявил первый секретарь. – Задурили мужикам головы... Ладно. Как вам у нас? Может, просьбы есть какие?

Тут Красносельский, не раздумывая:

– Помогите съездить в Кронштадт! Это ведь закрытый город.

И на другой день мы гуляли по территории военно-морской базы, куда в те времена попадали только по спецпропускам...

На улице было холодно, северный ветер гнал по небу рваные низкие облака. Ночью шёл снег, под утро растаял, но кое-где белел на кромках луж. Сначала обкомовская «Волга» долго везла нас по набережным Ленинграда, пока не выбралась на Приморское шоссе.

Примерно через полчаса «уткнулись» в опущенный шлагбаум на КПП перед въездом на насыпную дамбу, которая уходила в водные дали Финского залива (тогда на остров ещё не было сегодняшнего великолепного асфальта). Патрульные с «калашниковыми» тщательно проверили письмо из партийного обкома, наши паспорта.

Слева и справа от дамбы, до горизонта, бежали волны Балтийского моря. И от этого казалось, что море может легко размыть эту неширокую полосу рукотворной дороги. Даже в салоне машины чувствовалось, что здесь холоднее, чем в Ленинграде.

В Кронштадте водитель показал нам на купол большого собора: «Это Морской Никольский собор. Его отовсюду видно. Городок небольшой, не заблудитесь. Машина будет ждать вас здесь часа через четыре».

Огромное тело собора производило гнетущее впечатление: купола были начисто лишены не только позолоты, но и крестов. Ободранные снаружи и внутри стены сооружения говорили о том, что оно давно переживает тяжёлые времена. Вход разбит, никаких дверей или входных ворот будто и не существовало.

Внутри было светло и пусто, холодный сквозняк лихо закручивал мелкие бумажки, сор и пыль. Пол завален обломками кладки, мусором, не было и намёка на иконы или иконостас на алтаре. Сквозь облупившуюся штукатурку стен кое-где угадывались грустные святые лики, проступали цвета росписи. Было ясно, что все реликвии и церковное имущество из храма давно исчезли. Мы достали камеру и снимали собор внутри и снаружи. Остро чувствовались разруха и запустение в самом крупном когда-то морском соборе Российской империи.

Женька всё восхищался и досадовал:

– Вот это махина! Зачем же её разрушили?!

Вышли к памятнику Петру I. Фигура российского императора стоит спиной к городу – лицом к морю. Надпись на постаменте «Петру Первому – основателю Кронштадта».

Красносельский тут же вспомнил:

– Говорят, его взгляд направлен на Стокгольм. Я где-то читал об этом.

Стоим, обсуждаем: надо бы корабли поснимать. Всё же город военных моряков...

– Кто вам разрешил здесь снимать?!

Смотрим, к нам подступает тройка военных в морской форме. Повязки с надписью «Патруль», чёрные шинели в талии перехвачены ремнями. У офицера на голове фуражка с «крабом», на погонах – три звёздочки. У матросов на бескозырках надпись «Военно-морской флот». Суровые лица не обещают ничего хорошего.

– Кто такие? Почему ведёте съёмки? Кто дал разрешение?

Думаете, Евгений испугался? Ничего подобного! Он «сделал лицо» под простака и начал ёрничать:

– Господин офицер! Считайте нас простыми сибирскими валенками...

А «старлей» обиделся на такое обращение, резко поправил:

– Не господин, а товарищ офицер! – потребовал. – Ну-ка, предъявите документы.

Матросы потянули с плеча карабины.

– Всё-всё, парни, – Женька полез в карман за паспортом.

Офицер долго рассматривал наши паспорта, вглядываясь в наши лица, проверил прописку.

– Вижу, приехали из Сибири, – убедился. – А как проникли в закрытый город?

Начали объяснять, что мы – тележурналисты, находимся в Ленинграде в командировке по приглашению обкома КПСС. Разрешение на поездку в Кронштадт дал первый секретарь обкома Гидаспов, если знаете такого... Приехали сюда на обкомовской машине. На ней же и уедем обратно. Вот наши редакционные удостоверения.

Старший вроде бы немного смягчился:

– Ладно. Но всё равно, у вас нет разрешения на съёмку в закрытом городе. А корабли – это вообще военные объекты.

– Кто должен дать такое разрешение?

Старлей слегка растерялся:

– Ну-у-у, хотя бы председатель Кронштадтского горсовета Виктор Леонидович Суриков. Он из военных моряков. Если он разрешит, тогда другое дело. А пока требую засветить плёнку!

Я быстро сообразил, что к чему, подмигнул Красносельскому и заявляю:

– Сейчас, сделаем!

Открываю камеру, достаю видеокассету, открываю её крышку под внимательными взглядами военных: «Всё, плёнка засвечена! Вы только сориентируйте нас, в какой стороне искать этого Виктора Леонидовича?»

Лейтенант начертил нам ботинком на тротуаре, как пройти в горсовет. И патруль удалился. А меня Евгений насмешил, не забуду!

– Серёга, видеоплёнку же невозможно засветить...

Я ему:

– Догони, расскажи им. Я же сразу понял, что он видеотехнику в глаза не видел, – вот мы поохотали.

Нашли горсовет, приёмную председателя с улыбочивой секретаршей. Евгений её тут же обаял. И она призналась, что Виктор Леонидович занят, ведёт очередную сессию с депутатами. Мы сообщили, кто мы и откуда, что дело у нас срочное, а времени в обрез. Короче, с нас требуют разрешения городского начальника на видеосъёмку. Уговорили девушку настрочить и занести начальнику записку.

Через тридцать секунд она вернулась в приёмную:

– Сейчас сам выйдет!

Следом из кабинета к нам вышел высокий, широкоплечий, крепкого телосложения мужик. Про таких говорят: настоящий богатырь. Даже в короткой стрижке сразу угадывается «военная косточка». Спрашивает басом:

– Это вы – сибиряки? – и протягивает широкую ладонь. – Какие проблемы? Чем помочь?

Услышал наш рассказ, пожал плечами:

- Сроду никто таких разрешений не спрашивал. Давайте так договоримся – снимайте всё, что нужно. Если ещё кто-нибудь у вас разрешение будет спрашивать, скажите, что я лично вам разрешение дал. Пусть сюда звонят. Договорились?

И тут мне идея пришла:

– Вы же – военный?

– Ну, да. В отставке.

– А форма у вас имеется?

– На работе только китель с фуражкой. Брюки я домой унёс. Вам зачем?

– Мы должны взять у вас интервью. И надо, чтобы вы обязательно надели форму...

– А как же без брюк?

– Мы будем вас снимать до пояса, не о чем беспокоиться.

– Сдаюсь сибирякам, – он дурашливо поднял руки вверх. – Правда, раньше двух часов я не освобожусь.

А мы в один голос:

– Идёт! Только снимать будем на берегу, чтобы было море и корабли, – и договорились, где встретимся.

Наснимали мы в Кронштадте! Дом, где жил изобретатель радио Попов, где проживал моряк – герой-подводник Маринеско, памятник исследователю Новой Земли Пахтусову, Итальянский дворец с Итальянским прудом, одноэтажное здание Голландской кухни, корабли на рейде в Петровской гавани, башню маяка и много чего ещё...

Потом на безлюдной гранитной набережной расположились у бетонного куба, на котором стояли два перекрещенных корабельных якоря. Я только успел выстроить кадр с видом на военные корабли, подоспел Суриков. Он был хорош! Чёрный китель сидел на нём, как влитой, на голове капитанская форменная фуражка с якорем, позолоченным кантом на околыше и золотым ободком на козырьке. На плечах – золотистые погоны, на каждом – по три больших звёздочки. Только брюки, серые, «гражданские», вносили лёгкий диссонанс.

Он прошёл путь от курсанта училища имени Фрунзе до капитана 1-го ранга. Военно-морскому флоту отдал 30 лет, 8 лет возглавлял особый отдел в Кронштадте. В нём чувствовалась сила духа человека, который готов нести ответственность за свои поступки и слова.

Беседу вёл Красносельский, я – снимал.

– У нас говорят: город-форт, город-флот, – отвечал Суриков. – Поэтому в Кронштадте, как на корабле, должны быть порядок, чистота. Нам говорят – в бюджете нет денег. Мы предлагаем: давайте создадим свободную экономическую зону, она позволит привлечь в город инвестиции. На ремонт дорог асфальт возим из Ленинграда, а нужен свой асфальтобетонный завод. Новая котельная нужна. Нужен пункт сбора нефтеразливов, сейчас с кораблей всё в море сливают. Но это же наше море, нам здесь жить! А сколько у нас соборов, в каком они состоянии, видели?! Хотим привлечь средства коммерческих структур для возрождения в Кронштадте православных святынь. Они же – душа нашей родины...

– А можете что-нибудь сказать нашим шахтёрам?

– Товарищи шахтёры, горняки! – торжественно начал было Суриков. Потом махнул рукой, улыбнулся. – Мы, кронштадтцы, – с вами! Понимаем ваши требования. Надо что-то менять в этой жизни. Только просим вас об одном: про себя обязательно надо помнить, но и о родине не забывать!

Обратный рейс у нас был вечером. В последний день этой памятной поездки мы долго гуляли по городу, по его центру. Прошли вдоль канала Грибоедова, где сквозняк гонял обрывки газет, пустые пластиковые бутылки, мелкий сор. Храм

Спаса на Крови высился в конце улицы и было видно, как плотно скрывают его леса реставрации.

На фоне Казанского собора Женька задумал сделать стендап. Взял микрофон, я включил запись. Он энергично, с пафосом пересказал кое-что про наше путешествие. А закончил монолог, неожиданно продекламировав:

– А зодчий не был итальянец,
Но русский в Риме, – ну так что ж!
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портиков идёшь...

Эффектно выдержал паузу, махнул рукой: «Это Осип Мандельштам. Вспомнилось внезапно. Выключай камеру...»

По дороге в аэропорт, умудрённые жизненным опытом, решили «затариться». Нашли «Гастроном «Петровский». Выбор товаров здесь был явно бедноват. Высились унылые горки консервов из перловой каши с мясом и «Завтрака туриста», тянулась цепочка трёхлитровых банок с томатным соком. В стеклянной витрине прилавка лежала картонная ячейка с тремя десятками ослепительно белых яиц по 80 копеек за десяток. И надпись рядом с ними: «Яйцо по талонам».

Две тушки синих куриц по рубль шестьдесят за килограмм тоже снабжены предупреждением «Куры по талонам». Только обезглавленный минтай по 35 копеек за кило без ограничительной надписи. Ещё хлеб без талонов.

Евгений к продавщице:

– А если мы сегодня улетаем на другой конец страны, что вы нам с собой в самолёт посоветуете?

– А ничего, – охотно ответила та. – Вон инструкция, читайте.

На стене листок с заголовком «Выписка»: «Решением городского исполнительного комитета с 1 июля 1990 года реализация спиртного в торговых учреждениях Ленинграда переведена на талонную систему. На один талон полагается одна бутылка водки и две бутылки вина».

– А если у нас нет ваших талонов? Мы – приезжие. Может, как-то договоримся?

– Не договоримся! – твёрдо заявила продавщица. – Вас тут много, а я одна. И местом своим дорожу... Так что летите себе спокойно.

В общем, взяли мы хлеба, «Завтрак туриста» и – в аэропорт. В самолёте Евгений порылся у себя в заглазнике. Вытащил завернутый в тряпицу кусок солёного сала, перочинный нож, бутылку «Портвейна 777». Стаканчики без проблем принесла стюардесса. Выпили, закусили и уснули.

...Не знали, что эта осень для Ленинграда станет последней. 6 сентября 1991 года решением Президиума Верховного Совета РСФСР городу вернут его историческое название Санкт-Петербург...

6.

Наши информационные выпуски заметили. Успех нас вдохновлял. Нам очень хотелось сказать новое слово в кузбасской журналистике. В какой-то момент в

нашей пресс-службе начались разговоры о возможности создать свой областной телеканал – первое в Кузбассе негосударственное ТВ. Идею подсказал директор Кемеровского областного радиотелевизионного передающего центра (ОРТПЦ) Шая Гершкович Гандельман.

Если кто помнит, тогда в стране было всего два ТВ-канала – оба принадлежали Центральному телевидению (Москва). На них же выходила в эфир и областная государственная редакция ТВ – в отведённое ей вечернее время. Другого телевидения не было.

А Кузбассу повезло: директор ОРТПЦ Шая Гершкович – до своей эмиграции в Израиль (где его теперь уже не стало... Дай, Бог, светлой памяти!) – за счёт средств ОРТПЦ начал создавать третий, не зависящий от Москвы, областной канал ТВ-вещания. И построил. Но создал только техническую часть третьего канала ТВ. То есть новый канал имелся, но простаивал, так как транслировать по нему было нечего.

Мы с Евгением Красносельским и Александром Даньшиным решили взяться за это дело. Вскоре зарегистрировали Товарищество с ограниченной ответственностью «Агентство информации Кузбасса» (ТОО АИК, название придумал А. Даньшин). Также к нам активно подключился руководитель кемеровского корпункта Западно-Сибирской студии кинохроники Юрий Романов.

Директором первой областной негосударственной телекомпании стал Евгений Михайлович Баранов, бывший замуправляющего делами Кемеровского обкома КПСС. Поначалу мою должность в АИКе называли «Главный редактор телепрограмм». Но потом решили, что такие же должности будут и у Евгения, и у Александра. Чтобы демократия и равенство торжествовали у нас безо всяких ограничений и обид.

Кстати, хочу отметить, что без помощи обкома партии АИК мог бы не состояться. Под нашу телекомпанию выделили часть пятого этажа в главном здании обкома – на проспекте Советском, 62 (сейчас там располагается департамент информационной политики правительства Кемеровской области). Однако главная сложность у АИКа заключалась в том, что для производства телепрограмм не было профессионального оборудования. Пока что АИК «держался» лишь всё на той же единственной видеокамере бытовой формата и паре бытовых видеоманитов с самодельным монтажным пультом.

Обком обещал помочь с оборудованием. Хотя решить эту проблему оказалось нелегко. Технику можно купить только в Японии, но необходима валюта: несколько десятков тысяч американских долларов, например. Один доллар стоил чуть больше 60 копеек, однако валюту тогда в СССР свободно не продавали.

Где её взять?

«Ни один банк не даст такой кредит нашей компании!», – кипятился директор АИКа Евгений Михайлович Баранов, обходя в обкоме кабинет за кабинетом с заветным списком техники и доказывая бывшим коллегам, что только они могут помочь. «А где мы такую кучу долларов возьмём?», – разводили те руками.

Решение пришло неожиданно. В наш регион с инспекцией собрался секретарь Центрального комитета КПСС Олег Дмитриевич Бакланов. Он курировал космическую отрасль страны и предприятия оборонной промышленности, которых в Кузбассе было немало. И тогда первый секретарь обкома Мельников пообещал директору АИКа:

– Я попрошу его помочь вам с покупкой оборудования. Валюта у его ведомств есть, имеется и разрешение на выход на японский рынок. Но в ответ вы должны взять у Олега Дмитриевича большое толковое интервью и показать его, пока он будет здесь, чтобы он сам увидел...

– Сделаем! – обрадовался Евгений Михайлович. – Назовите время и место.

Провести судьбоносное для нашей компании интервью поручили мне. В обкомовских кабинетах составили вопросы, они были сухими и официальными. Мне они не очень понравились, хотел добавить кое-что от себя. Но директор отговорил в интересах дела. Впрочем, секретарь ЦК отвечал на все вопросы многоречиво и обстоятельно. Словом, помощь АИКу пришла: деньги нам выделили безвозмездно, заказали оборудование в Стране восходящего солнца, оплатили заказ валютой.

Баранов, завхоз АИКа Сергей Шатилов и я дважды ездили в порты Владивосток и Находка за японской видеотехникой. Потом мы её смонтировали, опробовали. Радости не было конца! Наконец-то АИК заключил с Кемеровским ОРТПЦ договор (о государственно-частном партнёрстве, как назвали бы его сейчас) на трансляцию готовых передач. И мы начали готовиться к запуску передач нового телеканала. При этом параллельно продолжали делать и «10 + 20»...

Когда в самом конце декабря мы на работе провожали 1990-й, Евгений, помнится, сказал тост:

– Год был тяжёлый, но интересный. Хочу, чтобы Новый год тоже был интересным, но полегче!

Мы все на это надеялись. Только не угадали.

7.

АИК начал теле вещание сразу на всю область: Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, Киселёвск, Берёзовский и другие города получали устойчивый видеосигнал на «третьей кнопке» ТВ.

Первый раз в телеэфир мы вышли к лету 1991-го. Большую и разнообразную программу называли «Вечерний видеоканал «Для вас». Здесь были новости, телеочерк, мультик, художественный фильм. Помню, как мы намучились с этим выпуском: трое суток не выходили из монтажной. Наснимали километры материала, и хотелось всё это «впихнуть»...

Всё делали неформально, учились на ходу. Например, перебивки с названием разделов программы писали на листе фломастером от руки, наклеивали лист на бок пластикового кофра и снимали перебивку. И она шла в эфир. Примитивенько? Да. Но необычно для времени, когда всё было до невозможности регламентировано.

Потом дело пошло быстрее. Передачи шли раз в неделю, длились по несколько часов.

Наверняка у кого-то из кузбассовцев остались в памяти позывные и логотип телекомпании «АИК», выходившей в эфир по субботним вечерам в начале 1990-х годов. Казалось, это смотрел весь Кузбасс. Нас, телеведущих Е. Красносельского и С. Черемнова, узнавали на улицах и в общественном транспорте!

Помню, однажды в Новокузнецке стоим мы с Евгением на трамвайной остановке недалеко от кинотеатра «Коммунар», разговариваем. Вдруг женщина с противоположной стороны улицы кричит:

– Вот они, голубчики! – и прямиком к нам. – Мы их по телевизору ждём, а они по нашему городу ходят спокойненько. Вы только посмотрите!

На её возгласы начал подтягиваться народ. Пришлось нам, не дождавшись вагона, ретироваться пешком...

Наше телевидение на экранах региона, действительно, становилось альтернативой надоевшему официозу всесоюзных каналов. Нам с Евгением нравилось делать программы, где почти не было политики. В городах и районах мы находили и снимали талантливых, творческих людей, профессионалов своего дела. Делали репортажи, очерки, сюжеты о событиях культуры и искусства в Кузбассе, музыкальные передачи, телепоздравления, телевикторины для детей – это далеко не полный перечень разноплановых и занимательных проектов, известных телезрителям АИКа.

Завершались все наши вечерние программы мультиком и художественным фильмом из советской коллекции. И это смотрели. Семьями!

Однажды Кузбасская православная епархия передала нам мультсериал «Библия для детей». Гос-ТВ отказалось его показывать, а мы взяли с удовольствием. Да ещё с благословения епархии объявили детскую викторину по этому мульту. Начали получать вороха писем от кузбасских ребятишек. Епархиальные «батюшки» с трудом перелопатили всю эту почту, чтобы установить победителей.

Простые рабочие и жители села – рядовые кузбассовцы, политики и артисты, служители культа были героями и участниками наших программ. Мы находили таких комментаторов событий, которых официальное ТВ себе не могло позволить, даже если бы и захотело. Хотя и чиновников привлекали к телепередачам, требуя от них только одного – говорить со зрителями не штампами, а простым и понятным языком.

АИК, нащупал свою нишу, у зрителей начал появляться интерес, в редакцию пошли звонки и письма нам, ведущим нового ТВ.

Нам говорили, что мы хорошо дополняем в эфире друг друга. Зрителям казалось, что спокойный Сергей и взрывной, начитанный Евгений сжились так, что водой не разольёшь. Хотя, перед любой передачей мы кропотливо разбирали предстоящий эфир, спорили до хрипоты, порой ссорясь и называя друг друга последними словами. Но перед телекамерой демонстрировали полное взаимоуважение.

Мы с Евгением вели новости, делали «стендап-переходы» от одного раздела программы к другому. Просто свободно разговаривали перед камерой, предваряя

сюжеты, художественные фильмы и даже детские «мультки». Со стороны казалось, что импровизации не было конца. Хотя мы каждый раз осознанно выбирали тему. И часто придумщиком идей становился Красносельский, а вот «расписывать» их в сценарий приходилось мне, так как он не любил возиться с бумагами, считал это черновой, ненужной работой. Но ведь без «бумажной» подсказки, бывало, не обойтись.

Кстати, у нас была своя, очень своеобразная телестудия: небольшая комната под самой крышей здания обкома. Мы соорудили для неё выгородки. Здесь записывали комментарии наших гостей. Иногда – и ведущих видеоканала – Евгения и Сергея...

Только чаще старались всё делать не так, как принято на традиционном гос-ТВ. В наших программах не было устоявшихся теледогматов и помпезности. Иногда площадкой для нас – ведущих – становились то крыша здания обкома партии, то воды реки Томи с соответствующей пляжной экипировкой, то просто городская аллея. Один раз мы вели программу верхом на лошадях на ипподроме в Топкинском районе.

Кандидат наук Владимир Александрович Мирошник, а тогда просто Володя, прямо с кемеровской площади Советов давал для наших телезрителей экономические и политические прогнозы о развитии страны и области. И ему ничего за это не было...

Огромная популярность имела у нашей рубрики «Глубинка». Мы постоянно выезжали с Женькой в сельские районы и малые города, «откапывали» там необычных, интересных людей – мастеров любого интересного ремесла и через их судьбы рассказывали об истории и добрых традициях их малой родины.

Всё время искали какие-нибудь «изюминки». Красносельский без этого просто не мог. Интервью у председателя райисполкома (по-нынешнему – главы райадминистрации) Чебулинского района мы брали в жарко натопленной бане и в соответствующем бане виде. Пару дней пришлось уговаривать чиновника...

Директор картофелеводческого совхоза «Гурьевский» рассказывал нам на видеокамеру о своём житье-бытье за чистой картошкой. Целое ведро начистил, пока Красносельский вопросами душу ему «вынимал».

А сколько самодеятельных творческих коллективов мы записали и показали по АИК-ТВ! Им в те годы было ой как несладко. Многих бросили на произвол судьбы: мол, кому нужны ваши песни и танцы, когда страна трещит по швам?! Не хватало у области денег на их поддержку... Как же эти люди были благодарны АИКу! Чаще всего, мы снимали их выступления на природе – на живописном берегу, на лесной поляне, среди белоствольных берёз. Они наряжались в забытые, казалось бы, концертные костюмы. Чтобы было по-настоящему красиво! Мы убеждали их: держитесь, вы очень нужны Кузбассу!

Однажды к нам в АИК пришёл директор студии Кемеровского областного гос-ТВ Геннадий Михайлович Митякин. Долго ходил по нашим кабинетам, рассматривал технику, наблюдал за монтажом передач. Вздыхал:

– Вам-то хорошо... Вот если бы нам так разрешили работать...

В АИКе с удовольствием трудились телеоператоры Сергей Кузьмин, Валерий Макаров, Борис Зайченков. У нас начинали свою творческую карьеру тележурналисты Виталий Блынский, Слава Рыжевалов, режиссёр Надежда Разжигаева. Трудились режиссёр Александр Каретин, инженеры Виктор Петрович Скороходов, Пётр Рожнёв.

Помню, к нам заглянул радиожурналист Сергей Салтымаков, предложил создать в АИКе радиоканал. С его лёгкой руки и блестящего таланта АИК стал телерадиокомпанией. Под Сергея Николаевича оборудовали радиостудию. Его душевная радиопрограмма «Завалинка» собирала большую аудиторию.

Ради необычного кадра Евгений иногда придумывал такие трюки, которые и выполнить-то было трудно. Но если он чем-нибудь загорался, отговорить невозможно. Его упрямству, как и работоспособности, порой, не было предела.

Однажды в начале осени мы снимали сюжет об умельце из Яшкинского района, который своими руками построил быстроходный речной катер. Дело было ранним, очень прохладным утром. Мастер дал интервью на берегу Томи. Мы поснимали со всех сторон его катер. Потом он вдруг предложил:

– Может, хотите на водных лыжах прокатиться? Так у меня они есть. Предлагаю...

– Нет-нет, что вы! – поёжились мы с оператором Сергеем Кузьминым от утренней свежести и категорически отвергли любезное предложение.

– Как это – нет?! – вскинулся Евгений. – Я хочу! Серёга,ними меня как следует. Обязательно возьмём эти кадры в передачу.

Он разделся тут же, на каменистом берегу. Получил от мастера необходимые инструкции, уселся на деревянные мостки, которые вели к реке, опустил ноги в воду. Надел лыжи, взялся рукой за трос, другой – помахал нам на прощание и по плечи опустил в холодную воду.

– Готов? – послышалось с катера сквозь рокот мотора.

– Давай! – бодро крикнул Евгений.

Катер медленно отправился вперёд, трос натянулся, сдвинув Евгения с места. Тело его неловко мотнулось над водой и исчезло в пучине Томи. Это было так безумно комично, что мы с Сергеем упали от хохота на гальку. Хорошо, что камера стояла на штативе, а то технике пришёл бы конец... Хорошо, что и лыжи не тонут. Я думал, надорву живот от смеха.

Думали, холодная ванна Женьку успокоит, и он откажется от своего замысла. Куда там! Он влез на мостки, встряхнулся, снова всунул ноги в лыжи. Катер тем временем сделал круг, снова принял исходную позицию в воде. Женька опять весело помогал в объектив рукой, трос натянулся, сдернул лыжника с места, и тот снова полностью исчез в волнах. Мы – хохотать. А упрямый Красносельский не сдаётся – идёт на третью попытку.

В общем, он сделал шесть или семь таких рывков. И – о чудо! – заскользил-таки за катером по водной глади. Сделал круг и снова упал возле самого берега. Но кадр вышел на славу. Когда мы просматривали эти съёмки в студии, народ угорал от смеха. И все пожали руку упорному герою сюжета Красносельскому. А я всё удивлялся: как он не заболел? Наверное, молодость брала своё...

8.

А страну лихорадило...

Правительство пыталось приспособить плановую экономику СССР к мировым тенденциям. Но ничего хорошего из этого не получалось. Плановый социализм порождал всё больше проблем, вместо намеченного ускорения большинство советских предприятий или «тормозили», или вообще останавливались. Чтобы хоть как-то выживать, заводы и фабрики, перешли на натуральный обмен товарами. Зарплату то и дело задерживали. В моду вошло слово «бартер».

Особенно болезненными были сбои с продуктами и ширпотребом. У магазинов стали привычными длинные очереди или пустые прилавки. Если что-нибудь и попадало в продажу, покупатели буквально «сметали» любой товар. На продукты и спиртное ввели талоны. На водку, например, давали два талона в месяц на одного взрослого. Впрочем, умеренно пьющим, как мы определяли свои потребности, хватало.

Народ в открытую костерил партию и правительство, система трещала по всем швам.

Нам и нашим семьям в этот период помогали выжить постоянные командировки в сельскую местность. Нашим детям: троим Красносельским-младшим и двоим младшим Черемновым, – постоянно требовалась еда, чтобы расти и развиваться. В ходе поездок нам удавалось купить в деревне то пороссячий бок или говяжью лодыжку, то банку мёда или молока, продукцию птицефабрики или овощеводческого совхоза.

В эти поездки Евгений всегда брал с собой огромный рюкзак. Вскоре об этом тряпичном, мышиного цвета, чуде Красносельского начали слагать легенды. В необъятного размера рюкзаке, кажется, умещалась вся его жизнь, всё, что необходимо человеку на все времена года: куртки, ботинки, валенки, чашки, ложки.

Чего там только не было?! Женькин рюкзак часто выручал нас в дороге. Если хотели есть, Женька запросто «откапывал» в нём кусок сала и булку чёрного хлеба. Если сильно старался, то находил в нём даже заветную «полулитровую ёмкость» с крепким напитком. Соответственно, он складывал в рюкзак весь свой натуральный «улов», который удавалось получить в очередной поездке. Так что этот рюкзак, как правило, занимал едва ли не половину багажника нашей машины. Зато семья в нелёгкое время чувствовала его постоянную заботу.

Вообще 1991 год для нас был наполнен событиями, работой, эмоциями и разочарованиями.

В центральной прессе только и разговоров было о том, что дальше так жить нельзя, что хочется жить по-другому. На окраинах страны полыхали кровавые конфликты. В ряде республик начали делать всё, чтобы выйти из СССР.

Но 17 марта 1991 года в референдуме «О сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик» приняли участие 112 миллионов жителей Союза. И большинство сказали Союзу «да». Мы с

Красносельским проголосовали также. Посвятили референдуму несколько программ АИКа. И пусть в Армении, Грузии, Латвии, Литве, Эстонии и Молдавии проголосовали по-другому, – всё равно не верилось, что после однозначного волеизъявления людей страна развалится, разбежится по «своим» квартирам.

В этой связи вспоминаются ещё несколько наших с Евгением необычных командировок, в которые буквально «оттиснулись» беспокойные дни 1991-го.

...Кстати, некоторые из наших совместных с ним поездок позже стали сюжетами моих литературных новелл. Имена героев в них, конечно, изменены, но они очень узнаваемы. Один из таких рассказов называется «Глубинка» – о том, как в мае 1991 года мы побывали в Риге...

9.

Поездку в Латвию организовал начальник управления культуры Кемеровского облисполкома Владимир Иванович Бедин. Каким-то образом в те дни ему удалось организовать Дни культуры Кузбасса в Латвии. Собрали большую делегацию. В её официальную часть вошли директор Театра оперетты Кузбасса Владимир Юдельсон, председатель областной организации Союза театральных деятелей, актёр Кемеровского драмтеатра Аркадий Дахненко. Была большая ватага: юные артисты из новокузнецкого театра детского творчества «Юность» со спектаклем «Питер Пэн», которых возглавлял руководитель театра Олег Павловец, и группа кузбасских предпринимателей, большинство которых я не знал, – эти сначала ехали отдельно от нас.

До Москвы мы долетели самолётом и там соединились со всей остальной делегацией, пересев на поезд «Москва – Рига».

Для меня до сих пор загадка: почему Бедин в качестве ТВ-журналистов пригласил нас с Евгением, а не бригаду, скажем, с областного гостелевидения. Бедин сказал, что ему виднее. Он был уверен, что никто лучше АИКа не снимет передачу про эту поездку. Владимир Иванович наобещал нам встречи и интервью: с министром культуры Латвии – своим другом Раймондом Паулсом, с народной артисткой СССР Вией Артмане, с вдовой писателя Валентина Пикуля, съёмки детского спектакля на сцене Рижского русского театра имени Михаила Чехова. И много чего ещё, что сами «нароем». У нас слюнки текли от предвкушения.

Первые признаки развала СССР мы увидели ещё в поезде. Под утро нас разбудил внезапно зажёгшийся яркий свет в нашем купе. Дверь резко открылась, и вошёл высокий молодой человек в незнакомой тёмной форме с большим фонарём в руке. Мы подскочили на полках, а он приказал с характерным прибалтийским акцентом в голосе:

– Приготовьте документы для проверки! – строгий, светлые волосы, холодные глаза.

Спрашиваем его: «Что это? Зачем?»

А он нам:

– Вы пересекаете государственную границу Республики Латвия! – отчеканил ночной гость. – Приготовьте документы или придётся пройти для выяснения личности...

А ведь мы не выехали за пределы СССР! Но кому же охота «пройти для выяснения...» Достали паспорта. Проверяющий неторопливо открывал один за другим наши документы, долго и придирчиво рассматривал, потом беспардонно направлял фонарик в лицо хозяину документа, сравнивая фото с оригиналом.

– А какая станция? – спрашивает Евгений, чтобы как-то разрядить возникшее напряжение.

Проверяющий направил на него фонарь: «Зилупе будет», – отвечает, делая ударение на первом слоге названия.

– А можно ещё спросить? – не унимается Красносельский. – Какая в Латвии сейчас валюта? Ну, то есть, какие деньги в магазине принимают?

– А у вас с собой какая валюта? – отвечает тот вопросом на вопрос.

– У нас советские рубли...

– Рубли принимают, – кивает проверяющий. – Есть ещё латы – это наша национальная валюта, – на слове «наша» он делает ударение.

Вот как...

Второй «звоночек» прозвенел следующей ночью.

Приехали в Ригу, разместились в гостинице «Латвия», ничего такого не заметили – встречают вроде бы доброжелательно. Собрались в нашей комнате на семнадцатом этаже, посидели долго и хорошо, «отметили» приезд. Евгений с Аркадием Дахненко, соревнуясь, бесконечно травили то журналистские истории, то театральные байки. Из окна любовались красивыми видами городских крыш. А потом решили погулять по городу. И никого не смутило, что уже второй час ночи.

Идём – куртки нараспашку – по ночному городу, пахнущему речной свежестью близкой Даугавы. Громогласно общаемся. Рассматриваем аккуратные улочки центра, вымощенные булыжником. Обсуждаем, что ночным улицам не хватает света тусклых фонарей. Вышли на площадь к Домскому собору. Бедин с Юдельсоном рассказывают про Ригу. Первый здесь часто бывал, у второго близкие родственники до 1940 года имели здесь в собственности неплохую недвижимость.

Вдруг слышим властный окрик:

– Вы что, с ума сошли?!

Стоят двое военных в советской форме: невысокий, кряжистый полковник и худой, высокий с погонами подполковника.

– А что такого мы делаем? – сразу заерепенился Евгений. – Никого не трогаем! Ходим себе, смотрим, обсуждаем.

– Вот именно, обсуждаете! – соглашается полковник. – Вы же говорите по-русски. Разве не знаете, что сейчас – 1991 год, и небезопасно в Латвии говорить на русском, да ещё так громко, ночью? Вам местные головы открутят, шлёпнут, и никто не найдёт!

Это оказались замкомандира рижского гарнизона советских войск Прибалтийского военного округа и его помощник. Возвращаются со службы домой. Рассказывают нам, что здесь сейчас много злых на Союз. Что у себя в гарнизоне они увольнения в город отменили. Офицеры ходят с работы домой по двое – по трое. «И вот с этим, – показывает полковник на висевшую на ремне кобур. – Вот до чего дошло после зимних событий!»

Мы, конечно, струхнули. Рассказали, кто мы и зачем приехали. Далека, оказывается, Сибирь от местных проблем. Попросили проводить до гостиницы. И пока шли, военные поведали, как год назад Латвия объявила о независимости, а Москва, кажется, так ничего и не поняла. Их гарнизон в Риге оставили, никаких указаний из Москвы не дают: какой у наших военных теперь статус, как себя вести с местными властями?

– А мы перед поездкой в МИД обращались. Нас уверили: езжайте, там всё нормально, – удивляется Бедин.

– Как же! Нас здесь иначе, как оккупантами, не называют... – докладывают военные. – В прошлом году в Латвии создали параллельное правительство, декларацию о независимости приняли. И получилось двоевластие: они свои структуры назначили, и советские органы тут тоже продолжают действовать.

МВД Латвии подчиняется новому руководству, а вот рижский ОМОН сохранил лояльность Советскому Союзу. Из штаба Прибалтийского военного округа гарнизону твердят одно: не вмешивайтесь. А Верховный Совет РСФСР во главе с Ельциным сделал вместе с Латвией заявление: признаём, дескать, государственный суверенитет друг друга, готовы оказать конкретную помощь в случае необходимости. Какой там референдум о сохранении СССР?! Страна разваливается на глазах...

Несмотря на поздний час, военные зашли к нам в номер, и Красносельский уговорил их на небольшое интервью. Я снимал на видеокамеру.

«Питера Пэна» новокузнецкие дети играли при битком набитом зале Русского театра, что на улице Калькю (по-русски – Известковая). В большом, мест на пятьсот, зале яблоку негде было упасть. Все ряды заняты, в проходах наставили приставных стульев, всё равно всем желающим мест не хватило, и люди стояли вдоль стен. Нам с Евгением достался один стул на двоих. И мы по очереди снимали фрагменты постановки, рукоплещущий зал, крупным планом – радостные лица.

Зрители были самые разные. Одни разодеты в строгие костюмы и платья по моде, другие в демократичных свитерах и джинсах. Было немало детей. И все активно переживали за сценическое действо.

На выходе из театра нас окликнула немолодая женщина, которая сидела за столом под вывеской «Вахтёр».

– Вы откуда будете, голубчики?

– Из Сибири, – с охотой ответил Евгений. – Вот со спектаклем к вам в гости приехали.

– Хорошо, молодцы, – кивает вахтёрша. – Нас тут Москва совсем забыла. От местных только и слышим: «Захватчики!». А ведь я здесь родилась... Говорят, что и театр наш закроют, – чуть не шёпотом сообщает.

(Слава Богу, театр жив до сих пор...)

Вечером спрашиваем Бедина: как удалось полный зал собрать, тут без рекламы не обойтись?

– Вот именно, – ответил довольный Владимир Иванович. – А всё Раймонд!

И показал пачку газет, некоторые пестрили непривычными заголовками на латышском языке. Паулс дал команду местной прессе опубликовать объявление. Да ещё радио подключил. Молодец!

Потом Владимир Иванович договорился, и у нас получилось побывать в Минкульте Латвии.

Помню, мы с Женькой вошли следом за ним в огромный просторный светлый кабинет, в дальнем углу которого за широким столом сидел человек и что-то писал. Раймонд Паулс! В другом углу стоял чёрный рояль. На вид министр выглядел моложавее своих пятидесяти пяти. Невысокий, плотный, в строгом костюме тёмно-серого цвета, волосы аккуратно уложены. Он пожал нам руки и с приятным латышским акцентом, чуть замедленно произнёс: «Готов ответить на ваши вопросы».

Мы с Евгением заранее договорились: я снимаю, он ведёт беседу. Усадили министра так, чтобы он был напротив объектива.

– Можно узнать, где вы это показывать будете? – спросил он, прежде чем Красносельский успел задать ему первый вопрос.

– Только у себя в области, по местному телевидению, – заверили мы его.

– Тогда спрашивайте. Только о политике не хотелось бы...

Первые вопросы Евгения были традиционными: где родился, когда начал заниматься музыкой? Паулс отвечал охотно, чувствовалось, что он уже не раз рассказывал свою историю. Вспоминал детство, юность, учёбу.

– Известность пришла ко мне, когда Лариса Мондрус спела русский вариант моей песни «Синий лен» – имя певицы он произнёс на латышский манер «Ларыса».

Сочинял для кино: фильмы «Три плюс два» помните? Или «Долгую дорогу в дюнах»? В семидесятые уже больше в Москве работал – с Ротару, Леонтьевым, Гнатюком, Лаймой, Пугачёвой... В середине восьмидесятых по инициативе Раймонда появился международный конкурс молодых исполнителей «Юрмала».

Министр разговорился, и Красносельский не пытался ему помочь, чтобы не спугнуть атмосферу этого монолога. Женька умел уловить это настроение в разговоре с собеседником, когда надо только кивать и поддакивать. Не лез с вопросами, не напирал на человека, как это теперь нередко принято в современной тележурналистике.

А вот когда Паулс высказался, приступил Красносельский. Спрашивал его о работе, о сегодняшней должности, о недавнем 55-лети. О том, как рождается у композитора музыка.

– Я к сочинительству отношусь с лёгкостью. Подхожу к роялю, наигрываю, импровизирую и нащупываю определённую тему. Это у меня с молодости, когда увлекался джазом. По нотам играть не люблю.

А Красносельский его понемногу к политике подводит: это же важно!

– Благодаря вашей заботе артисты Латвии получают поддержку. Помнят ли они, чем вам обязаны?

– Чепуха это всё, – засмутился министр. – Мне от них ничего не надо. Хотя стараюсь в нашей сегодняшней сложной ситуации защитить своих коллег – работников культуры.

Красносельский:

– Раймонд Паулс, наверное, всегда будет любимым композитором Советского Союза. Две премии Ленинского комсомола, народный артист СССР и Латвийской ССР. Не возникает ли у вас в порой ностальгии?

– Я всегда о советском говорю с уважением, – ответил Паулс. – Я исколесил весь СССР. И везде принимали хорошо! Мне нет никакого дела до рассуждений, какая там система? Для меня всё это на втором плане. Я так понимаю, национальная или политическая ограниченность не пойдёт на пользу ни латвийской культуре, ни народу нашей республики. Я прошёл через огонь, воду и медные трубы. Поэтому в рамках политических обстоятельств веду себя, прежде всего, как порядочный человек. И стараюсь не делать того, что бы мне претило...

Потом как начал нахваливать:

– Ленинград – колыбель латышской культуры! Из него вся наша консерватория вышла: в Санкт-Петербурге учился Язеп Витолс – композитор, музыкальный педагог, основатель нашей национальной оперы и Латвийской консерватории. Там жил, работал и писал гимн Латвии композитор Карлис Бауманис...

Тут Евгений и подловил его «на эмоции». Примерно так:

– Раймонд Вольдемарович, можно представить, сколько у вас работы! Остаётся время для музыки?

– Очень мало. Но я всё равно сочиняю, выступаю, стараюсь выкраивать для этого время.

– А всё-таки, у вас есть мелодия для души?

– Наверное, это мелодия из фильма «Долгая дорога в дюнах».

– А сможете прямо сейчас что-нибудь сыграть?

И что вы думаете? Паулс отвечает:

– Для вас – можно.

Встал, снял пиджак, подтянул вверх рукава сорочки, чтобы не мешали. Присел к роялю, открыл крышку, тронул несколько клавиш. Его руки замерли над инструментом. Я в эти несколько мгновений переместился на новую точку съёмки и успел записать первые ноты знакомой мелодии нашумевшей в начале 1980-х многосерийной теледрамы...

Класс, а не материал! Но не всегда и у Евгения выходило гладко.

Вия Фрицевна Артмане пообещала дать интервью прямо у нас в гостинице. Мы с Евгением головы «сломали»: как встретить знаменитую актрису, куда усадить, как снимать? В номере обстановка не годится. Забраковали и гостиничный холл, и ресторан. Вышли на улицу. Здесь светило майское солнышко. И неожиданно обнаружили чудесный скверик с кустиками, скамейками и красивой клумбой.

Решили, что без цветов никак нельзя. Недалеко в стеклянном киоске продавали только красные гвоздики. Взяли пять штук: три – как-то несолидно. Стоим на ступеньках гостиницы, посматривая по сторонам. И не заметили, как она подошла. Мы-то ожидали увидеть разодетую королеву советского экрана и театральной сцены, а она – в обыкновенном платье, светлые волосы гладко зачёсаны назад. На первый взгляд, ничем не выделялась в толпе. Пока она не спросила: «Вы не меня ждёте?» – этот голос, практически лишённый местного акцента, был знаком каждому взрослому жителю Союза. Мы тут же узнали её красивое немолодое лицо без косметики. Выше среднего роста, статная – типичная прибалтийка.

Перед этим мы поспорили: кто будет задавать вопросы, а кто – снимать. Женька упёрся в то, что всю свою журналистскую карьеру мечтал взять интервью у народной артистки СССР. Думаю, ладно, опять уступлю.

Уселись они на скамейке. Женька неловко вручил ей цветы. Я камеру установил, в видеоискатель вижу, взгляд у актрисы тревожный. Такая вся напряжённая, серьёзная. Спрашивает:

– А вы с какого телевидения?

– Мы из Сибири.

– Из Союза, значит, – наша гостья вроде бы расслабилась.

Евгений начал с комплиментов. Типа: вы – талантливая актриса, открытки с вашим фото продаются во всех киосках «Союзпечати». Как вы сами относитесь к своей славе?

Артмане выразительно на него посмотрела:

– Да? Вы всерьёз считаете меня талантливой? – и замолчала, опустив глаза.

Красносельский попробовал зайти с другого бока: мы все хорошо знаем ваши великолепные роли в фильмах «Родная кровь», «Никто не хотел умирать», «Сильные духом». Как вам удаётся создавать такие разные артистические лики?

Она отвечает:

– Не всегда роли, которые пользуются успехом у зрителей, у меня любимые, – и снова замолчала.

Мы с Женькой переглянулись. Он растерялся – не клеится разговор. Тогда я предложил по-быстрому поменяться, ему встать к аппарату. Она с удивлением наблюдала за нашими перемещениями. Я тогда ей сходу:

– Вия Фрицевна, мы понимаем, вас что-то смущает в нашей встрече, наверное, мы что-то делаем не так? Помогите понять...

– А вы разве не читаете латвийских газет? Или делаете вид, что ничего не знаете?

– Откуда? Мы никогда раньше не были в Риге. И по-латышски читать не умеем. Мы тут всего третий день... А у нас в Сибири вас просто боготворят!

Она вздохнула, слёзы в глазах. Говорит, думала, что знаю себе цену, что высоко летаю... Так меня сейчас опустили на грешную землю. Почти год – ни одной главной роли...

– Почему?

– Я не жалуюсь, – отвечает. – Наверное, получаю то, что заслужила. Хотя я тоже люблю Латвию. Но, наверное, не так, как они, по-своему.

– Кто – они?

– Те, кто пришёл сейчас к власти. Не могут простить мне советского прошлого. А что в нём было плохого? Мы хорошо жили вместе. Теперь осуждают в газетах за то, что я народная артистка СССР, что при Советах возглавляла Союз театральных деятелей Латвии, была депутатом Верховного Совета республики, кандидатом в члены ЦК партии... Намекают, чтобы уезжала в Москву. А я никуда не поеду. Моя родина здесь!

Да, она играла и Екатерину Великую, и Елизавету английскую. И простых женщин. Только в кино больше сорока ролей! Люди должны это помнить, ценить!

– А мне говорят: «Мало ли что. У нас теперь другие законы!» А куда я, кроме театра, пойду?

И это интервью у нас состоялось. Хоть разговор вышел тяжёлый. Артмане поделилась мыслями о себе и творчестве, о доме и семье. О муже Артуре, который тоже был артистом, скончался около пяти лет назад. О сыне Каспаре, доставлявшем немало хлопот из-за выпивки. «Теперь, к моей радости, всё позади, он пишет музыку, тянется к Богу. А моя дочь Кристиана хорошо рисует, хочет быть художником». О друзьях и коллегах поговорили, которые не бросают, поддерживают в трудную минуту. Постепенно на её лице снова засветилась известная всему миру улыбка:

– Латвия – моя родина. Я её очень люблю. И очень люблю Союз, Россию. Спасибо вам, люди, что помните меня. Низкий вам поклон!

Евгений радовался за меня, как ребёнок. Он умел радоваться за успехи друзей. И за себя – тоже, за то, что всё записал и кадр не испортил.

А вот вдову Пикуля нам застать не удалось. И улицу нашли, и дом, и квартиру. Однако хозяйки не было. Мы её напрасно прождали несколько часов.

Улицы города, конечно, наснимали, архитектуру зданий столицы Латвии. Побывали на рижской телебашне. Там располагался ресторан, где прошёл заключительный ужин Дней Кузбасса в Латвии.

Потом в АИKe вышла наша передача под рубрикой «Глубинка». Мы так решили с Красносельским: по ассоциации с окраиной когда-то Российской империи, Прибалтикой, на всех парах рвущейся «в Европу».

...Совсем недавно – 12 января 2022 года – Раймонд Паулс отметил 86-летие. Я увидел постаревшего маэстро по телевизору. Он то ли возмущался, то ли ворчал о любимой Латвии: «Знаете, у меня такое ощущение, что мы стали глухой провинцией – не только для Запада, что само собой понятно, но и для Востока»...

10.

И всё же мы верили, что СССР выкарабкается.

Помню, возвращались из Риги в поезде и спорили об этом до хрипоты. А потом постепенно нить разговора взял в свои руки Аркадий Дахненко. Взялся рассказывать про свою жизнь и судьбу. Родился на Украине – в станице Зимняя Днепропетровской области. Учился в России – в Ярославле. Работал сначала в Севастопольском театре, потом – в Краснодарской драме, в Омской, Тбилисской... Образно излагает, сочно, остроумно. Все хохочут. Когда ещё такое услышишь?! У нас с Красносельским профессиональный симптом одновременно срабатывает. Он мне шепчет: включи камеру, а я давно её не просто так на коленях держу – Аркадия втихаря записываю...

Важные события в 1991 году сыпались, как из рога изобилия.

12 июня 1991 года выбирали первого президента России – РСФСР. Кандидатов было несколько. Я голосовал за председателя исполнительного комитета Кемеровского областного Совета народных депутатов Амана Тулеева. Красносельский, кажется, тоже был за него. Выборы выиграл Борис Ельцин.

Как говорится, не успели остыть от предвыборных баталий, стали готовиться к подписанию нового Союзного договора, который предполагал вместо СССР создание Союза Суверенных Государств. Событие должно было состояться в августе 1991-го в Москве.

Вместо этого 18 августа случилось ГКЧП.

Было воскресенье. По Центральному телевидению долго «гоняли» балет. Мы созванивались с Евгением, с Евгением Михайловичем, с нашими ребятами: что происходит? Что будет дальше? Как будем жить? Кто-то надеялся сохранить страну в прежнем виде, другим хотелось обновления. Настроение в дни ГКЧП было подавленное. Войны боялись. Гражданской войны...

Её удалось избежать. Гэкачепистов хватило всего на три дня. Подготовить «августовский путч» они толком не сумели, зато дров наломали.

Однако были потери и громкие отставки с назначениями.

Про московские отставки не буду. Напомню про наши, кузбасские. Ельцин отстранил Тулеева от должности предоблисполкома – руководителя Кузбасса, назначив 27 августа 1991 года главой Кемеровской области Михаила Кислюка. Тот в дни ГКЧП оказался в Москве – на крыше здания, где располагался Ельцин. Получилось, защитил президента с автоматом в руках от возможных нападений гэкачепистов.

И вот президент России объявил демократические реформы и настоящую свободу слова. Может быть, поэтому Кислюк сразу же принял решение о закрытии и ликвидации нашего АИКа.

Эта информация прозвучала, как гром среди ясного неба.

Как нам передали, Кислюк повелел прикрыть нашу компанию в ответ на трансляцию первого Всекузбасского съезда народных депутатов всех уровней,

который организовал Тулеев с единомышленниками. «Новость» нам принёс руководитель ОРТПЦ Гандельман. Он получил команду лишить АИК эфира. Он развёл руками: а что я могу? Это приказ сверху...

Кроме того, нам сообщили, что директор Кемеровской студии областного гос-ТВ Митякин договорился (с кем?), что оборудование АИКа у нас будет изъято и передано областному гос-ТВ.

Что делать?

Мы срочно, за пару часов, всё демонтировали, упаковали в коробки и ночью Красносельский, Даньшин, Черемнов и иже с нами – через «задний выход» – вынесли всё оборудование из здания обкома, вывезли и спрятали по квартирам, мичуринским садам, гаражам.

Евгений Михайлович Баранов пошёл к Кислюку на переговоры. С неделю нас «мурыжили». Всё утряслось только после наших заверений, что в политику лезть не будем. Новый глава области самолично пришёл в АИК, выслушал наши обещания и «великодушно» разрешил продолжить...

И мы продолжили.

Снова начались командировки, передача за передачей. Больше того, у АИКа появились заказчики, которые готовы были платить за наши репортажи, документальные фильмы, за рекламу продукции и услуг. Наш директор договаривался о съёмках, а мы ехали и снимали. Постепенно начал выстраиваться наш непростой телебизнес. Но время было труднейшее, широко развернуться не получалось.

Хотя, справедливости ради, отмечу: в городах Кузбасса стали одно за другим появляться новые СМИ: газеты, журналы, радио. Свои городские телекомпании начали активно вещать в Новокузнецке, Юрге, Кемерове...

А вскоре страна окончательно распалась. 8 декабря 1991 года Борис Николаевич с тремя коллегами подписал соглашение о прекращении существования СССР и создании СНГ. 25 декабря уgomонился и сложил свои полномочия первый президент СССР Михаил Горбачёв...

В последний рабочий день декабря в АИКе по традиции накрыли праздничный стол, чтобы проводить 1991-й.

Тосты запивали спиртом «Royal» (Рояль) – неимоверной крепости не то немецкого, не то польского происхождения и закусывали «ножками Буша», как народ прозвал куриные окорочка, которые во множестве теперь импортировали в нашу свободную страну из США. Настроение было...

Ну, какое тут может быть настроение?!

11.

А ведь самое трудное было ещё впереди. И заключалось оно не только в том, чтоб надо срочно переделывать учебники по географии и карты.

2 января 1992 года в России завязалась экономическая реформа правительства Егора Гайдара, получившая название «шоковой терапии».

Впрочем, было ясно, что одному Гайдари не под силу сломать основы советской экономики и промышленности. Ему на помощь пришёл Чубайс. Первое, что они сделали – отказались от государственного регулирования цен, предоставили право производителям устанавливать их самостоятельно. Президент подписал Указ «О свободе торговли». И началось: неуправляемый рост цен и безудержная инфляция.

Бывало, утром перед работой заглянешь в магазин – хлеб продаётся по одной цене, вечером идёшь с работы – цена на хлеб уже выше. Так что продукты стали покупать с утра.

Хотя угадать трудно, кисло шутили мы с Евгением: может «они» ночью стоимость продуктов накручивают?

В Кемеровской области, как грибы, выросли торговые точки. Теперь, куда бы мы ни приехали на съёмки, повсюду в глаза бросались свежее испечённые лотки, прилавки, киоски, базарчики, рынки и большие базары – на площадях, вдоль автотрасс, у остановок, перед магазинами, на стадионах и спортплощадках, в кинотеатрах, дворцах культуры.

Складывалось впечатление, что на производстве никого нет – все только торгуют. И неважно при этом – инженер ты или рабочий, учитель, врач или журналист, нет у тебя диплома или три высших образования. Сберкассы переименовали в Сбербанк, а советские сбережения, которые граждане хранили в них, просто «обнулили».

Новый российский рубль «измельчал» до такой степени, что Центробанк начал печатать новые купюры с немыслимым количеством нулей. В АИКе зарплату стали выдавать толстыми пачками денег, которых едва хватало на неделю. Благодаря гиперинфляции мы все враз стали миллионерами. «Нищие миллионеры» – как вам такое словосочетание?

Как-то надо было выживать.

Большинство наших людей умели быстро приспосабливаться к трудностям, выживая назло «строителям» рыночного капитализма в интересах тонкой «прослойки». Народ активно сеял и выращивал всё, что только можно: кур и кроликов – на балконах, поросят и бычков – в сараюшках, овощи и картошку – в садах и огородах, если есть, или – на колхозном поле, если своей земли не было.

...Конечно, большинство семей страны выращивали картошку испокон века. Я, выросший в своём доме в шахтёрском Прокопьевске, сколько помню себя с раннего детства, видел, как родители на любом свободном клочке огорода закапывали картофельные семена. А на исходе весны обязательно ездили садить картошку на поле. Отцу на шахте, где он работал подземным электрослесарем, как и другим шахтёрам, выделяли на колхозном поле делянку – обычно пять-шесть соток.

Не оставляли мы с женой картофельную страду, переехав в Кемерово. Красносельские тоже сами выращивали овощи для семейного стола. В общем, глядя на «разгул» ново-рыночной экономики, мы с Евгением решили весной

посадить побольше картошки за городом. И чтобы делянки наши были рядом. Пошли с предложением к директору АИКа. Вскоре он сообщил, что с землёй договорился.

– Заводу одному на лето поле под картошку выделили, а мы старые знакомцы с их генеральным. Я ему про вас сказал, он «за». Только сюжетик про завод сделаете...

Я взял себе пять соток: хватит нам урожая на зиму. Евгений решил засеять десять соток.

– Излишки всегда можно продать, – философски прикинул он. – Да и детей кормить надо три раза в день!

Стали ждать весну, продолжая «делать эфир» АИКа. Следили, конечно, за мировыми и российскими новостями. 1 февраля 92-го года Ельцин и президент США Джордж Буш-старший подписали Декларацию о прекращении холодной войны. Тогда нам казалось, что это всерьёз и надолго.

К весне подковёрная борьба между Верховным Советом и президентом-правительством России перешла в открытую фазу: депутаты в открытую критиковали рыночные реформы Ельцина-Гайдара, считали их неприемлемыми. Поговаривали, что президент должен или подмять парламент страны под себя, или распустить непокорных депутатов.

Жизнь простых людей от этого не становилась лучше. Оттого в конце мая мы семьями выехали на поле.

Посевная прошла без особых приключений. Водитель АИКа Алик на редакционном «москвиче»-каблучке отвёз на место. На поле, размеченном деревянными колышками, отыскивали свои делянки. На колышках химическим карандашом незнакомая рука старательно вывела наши фамилии. Наши участки, как и просили, расположились рядом.

Женька на посевной приотстал. Во-первых, участок у него в два раза больше. Во-вторых, он же был, если кто помнит, большой любитель разговорного жанра. А тут, на поле, пусть маленькая, но стабильная аудитория, хоть и своеобразная – пятными точками кверху, но уши-то у нас имеются. И вот Евгений – то налегает на лопату, то бросит её, увлекательно повествуя очередную историю, вычитанную в газете или подслушанную по телевизору. Излагает с юмором, с остротами. Мы с Галиной хохочем, а жена Евгения, Татьяна подгоняет мужа...

Сибирское лето пролетело быстро. У нас с Красносельским шли бесконечные съёмки, монтаж передач, командировки.

А ближе к концу августа у нас намечилось необычное путешествие: снова предложили посетить за границу. Хоть и бывшую республику Советского Союза, но всё же! А дело было так.

Позвонил помощник начальника Кемеровской железной дороги Сергей и сказал, что с нами хочет встретиться начальник дороги Анатолий Михайлович Корячкин. Я, да и Евгений, этого Серёгу знали давно – товарищ он серьёзный, зря звонить не будет. Не откладывая, прибыли в высокий кабинет железнодорожного начальства.

Корячкин – немолодой симпатичный мужик в тёмно-синей с иголки формы с золотистыми звёздными нашивками на рукавах – налил чаю с печеньками. И когда мы приступили к чаепитию, произнёс: «Помогите!»

Он коротко обрисовал проблему и предложил нам, тележурналистам, бесплатное путешествие на поезде в ближнее зарубежье – за счёт Министерства путей сообщения. В ответ мы должны снять что-то вроде фильма-репортажа о творящемся в этом самом зарубежье беспределе. Дело в том, что пассажирские поезда с российской территории, а конкретно, из Кузбасса, в республики Средней Азии уходили, надраенные, блестя стеклами вагонов, а возвращались обратно с разбитыми окнами, сломанными дверьми и полками, избитыми проводниками.

– С этим надо что-то делать! – удручённо говорил начальник дороги. – Мы несём огромные убытки, люди не хотят идти в рейсы, увольняются, а руководство страны не принимает мер. Однако тут нужны меры международного плана. Ваши съёмки должны дать понять, что нам самим с этим беспределом не справиться.

Договорились, что мы с Евгением выезжаем в начале сентября на поезде «Новокузнецк – Ташкент». В нашем полном распоряжении будет купе в резервном вагоне, где нет пассажиров и отдыхают свободные от смены проводники.

Первые сутки ехали тихо-спокойно. По очереди снимали на видеокамеру порядок в вагонах, пейзаж за окном, чёткую работу проводников. Записали небольшое интервью с начальником поезда, проводниками, несколько реплик пассажиров, многие из них ехали, в основном, в гости к проживающим в Казахстане или Узбекистане родственникам, которые теперь оказались за границей.

Как только отъехали от станции Локоть, что в Алтайском крае, и пересекли российско-казахскую границу, проводники забежали по составу, готовясь к худшему. Никаких пограничных пунктов тогда ещё не было и границу пересекали свободно, безо всяких задержек. Начальник поезда – с седыми висками, в форменной фуражке – заглянул в наше купе, тревожно вздыхая, сказал:

– Скоро начнётся! Вы уж не высовывайтесь на всякий случай. Мы ваш вагон открывать не будем, пассажиров сюда не пустим.

– А как же договор? – напомнили мы. – Мы же по заказу дороги едем, Должны снять фильм, как разбивают российские поезда...

– Парни, вы о здоровье и безопасности прежде думайте! – перебил он. – Не снимите, и ладно, главное, чтобы головы были целы.

– Неужели так серьёзно? – спросил Евгений.

– Сами всё увидите...

Первая станция на казахской земле называлась Аул. Подъезжая к ней, машинист дал протяжный гудок, и резко затормозил состав. Мы «прилипли» к окну в проходе. Видим, на перроне толпа местных жителей. В основном молодые парни с раскосыми глазами, многие в тёмных кожаных куртках. Размахивают руками, громко кричат. Женька приподнял стекло. Я взял камеру, осторожно приставил к окну, начал снимать.

Видим, как проводник соседнего вагона, у которого вчера брали интервью, пытается что-то объяснить наседавшим на него парням, загораживая вход в

вагон. Те его медленно оттирают от входа, окружают со всех сторон и начинают бить. В воздухе мелькают кулаки, железные пруты. Слышим звон разбиваемых окон, в том числе у нас в вагоне. Местные кричат:

– Это наша земля! Нам не нужны билеты на этот вонючий поезд! Нам надо ехать, и мы поедем!

Местные штурмовали вагоны, по одному просачиваясь внутрь. Мы заметили, что некоторые из нападавших начали присматриваться к закрытым дверям и нашего вагона, осторожно закрыли окно. Вернулись в купе, заперев дверь на замок. Из коридора доносился звон разбиваемых стёкол, гул толпы. Неприятные ощущения...

Через несколько минут раздался гудок электровоза, состав двинулся вперёд. Мы боимся нос высунуть. Минут через десять в дверь купе постучали. Мы молча смотрим друг на друга. Потом слышим скрежет ключа в дверном замке и... на пороге начальник поезда. Вид у него взъерошенный: фуражка на затылке, волосы всклокочены, галстук сбился в сторону, ворот рубашки надорван.

– Ну что, видели?! – возмущался он. – Опять всё разбили, билетов ни у кого нет! Шестерых проводников избили... Понабились в вагоны. До Семипалатинска будут ехать или до Аягоза. И никакой милиции! Кому нужна такая работа? Сколько на «железке» служу, никогда такого не было...

– Да, – ответили мы. – Видели. Даже снимали кое-что...

Вышли в коридор: под ногами хрустит битое стекло, в разбитые окна дует ветер. В соседних купе обрабатывают ссадины пострадавшим проводникам.

Спустя некоторое время я осторожно прошёл по вагонам. Молодые люди восточной внешности заполнили нижние полки. Кузбасские пассажиры испуганно жались друг к другу, тайком поглядывая на владельцев независимой республики. А те громко что-то обсуждали на родном языке, громко хохотали и вызывающе поглядывали вокруг. Кое-кто даже курил, выпуская дым в потолок.

Мы с Женькой почти не выходили из купе. Снимали пейзажи за окном, питались домашними припасами и обсуждали, что страна на удивление быстро разбежалась по своим национальным квартирам, и ездить в ближнее зарубежье вообще стало небезопасным.

...К середине вторых суток проехали Капчагайское водохранилище, на десятки километров раскинувшееся в широкой степи. На краю горизонта красиво белели снеговые вершины гор. Казалось, что они висят в прозрачном воздухе, лишённые всякой опоры...

В Алма-Ате состав стоял минут сорок. Здесь вовсю жарило солнце. Мы походили вдоль вагонов, сняли кадры пустых вагонных глазниц и пробитых в стекле дыр с паутиной трещин. Записали эмоциональные мнения пассажиров-очевидцев и пострадавших проводников. Удалось записать возмущённый монолог машиниста, который очень переживал за техническое состояние поезда.

До конечной точки – Ташкента – добрались без приключений. На земле Узбекистана никаких эксцессов не произошло. Нам сказали, что состав на четыре часа поставят на запасной путь. За это время поездная бригада проверит

техническую часть, получит продукты для вагона-ресторана и постельное бельё, сделает уборку в вагонах, наскоро залатает разбитые окна.

– Давай устроим путешествие под Ташкентом, – предложил Женька...

Вывеска гласила «Ташкентский метрополитен имени Ленина». В кассе приняли наши российские рубли, на которые выдали жетоны для прохода. Станций вроде бы немного, всего на двух ветках – синей и красной.

Прошли на платформу станции «Ташкентская». Она выглядела грязновато, темновато и малоллюдно, однако отделана красиво, с вычурной вязью мозаики восточных узоров на стенах и потолке.

Думаем, надо поснимать. Только начали расставлять наш небольшой штатив, подошёл милиционер, козырнул и вежливо предупредил на чистом русском, что снимать в метро запрещено. Осталось нам просто прокатиться на электричке. Едем, слушаем, смотрим. Некоторые станции носят привычные названия – «Комсомольская», «Пушкинская». На стенах станции «Дружбы народов» гербы всех пятнадцати – ещё совсем недавно – союзных республик СССР.

Катанием в метро наше знакомство с Ташкентом и закончилось.

Не обратном пути мы сначала доехали до Капчагая, где задержались на пару дней у моих родственников, проживавших в ту пору в Казахстане. Они поведали, что город Капчагай покинули все военные российского гарнизона. В их доме проживало много семей офицеров – теперь все они выехали, бросив жильё, мебель и другие пожитки. Квартиры стоят пустые, их грабят банды из местной молодёжи, ломают замки, выбивают стёкла. Часть пустых квартир самовольно заняли семьи местных.

– На работе тоже неладно, – вздыхала наша тётушка. – На нас местные смотрят искоса. Говорят, мы – захватчики, что Россия много лет выкачивала отсюда все богатства. Многих наших увольняют с работы, особо тех, кто занимал хоть маломальскую должность. Люди теряют работу и бегут в Россию. Мы тут десятки лет живём, честно работаем. Среди местных столько друзей было! Сейчас никого нет, отвернулись. Мы и сами начали подумывать: переехать в Россию... Только тут работа, дом. А там что? Кто нас ждёт? Бросила нас Россия...

Через два дня мы, «отягощённые» капчагайскими фруктами и овощами, погрузились в состав «Ташкент – Новокузнецк». Начальник этого поезда, моложе прежнего, высокий мужчина в своём купе угостил нас чаем и рассказал, что наша с Евгением поездка уже дала результат. Хотя мы ещё и домой не успели вернуться.

Оказывается, именно в день нашего отъезда из Новокузнецка Министерство путей сообщения России подписало соглашение с Казахстаном о взаимной охране пассажирских поездов. Составы теперь впервые сопровождает служба охраны. Вроде бы приступила к делу и казахская транспортная милиция. Инциденты, правда, были, но порядка за эти несколько дней сразу стало больше: окна почти не бьют, проводников не трогают. А бесплатный проезд своих граждан на наших поездах казахские власти теперь не приветствуют, так как деньги-то пошли в их казну...

Говорит:

– У нас в отделении дороги про вашу командировку все знают. Все считают, мол, это телевизионщики помогли проблемы исправить. Вроде как с вашей лёгкой руки.

– Да мы ещё ничего не сделали, – смущённо разводим мы руками. – Нам чужой славы не надо!

А он нам:

– У нас говорят, если бы наш начальник дороги не пригрозил показать документальный фильм на всю страну, ничего бы не изменилось.

Вот такой итог получился у нашей командировки.

К сожалению, она стала последней нашей большой совместной с Евгением поездкой. И не менее интересной, чем многие предыдущие. Через два месяца наши трудовые стёжки-дорожки разошлись.

Но мы ещё пока не знали об этом. И вскоре после возвращения из зарубежья поехали семьями копать картошку. Ведь сентябрь уже перевалил за середину, и нормальные граждане собрали картофельный урожай.

Я ушёл из АИКа в ноябре 1992 года.

Как это бывает в жизни, в нашей телерадиокомпании начались перемены. Первым перешёл на другую работу Александр Даньшин. Потом Евгению Михайловичу Баранову предложили вновь встать на путь чиновника – возглавить управление делами областной администрации, и он согласился.

В нашем творческом коллективе возникли проблемы – начались разногласия с новым руководством. В результате и я тоже ушёл из компании, с тяжёлым сердцем покинул любимое детище. После этого занимался рекламой и маркетингом в ВАО «Кузбассимпэкс», которым руководил известный Михаил Иванович Найдов.

В отделе рекламы этого внешнеэкономического акционерного общества работал популярный журналист Виктор Иванович Сохарев. Он предложил мне совместно организовать выпуск спортивной информационной телепередачи для Кемеровской студии телевидения. Я согласился. Передачу мы называли «Овертайм»...

С Красносельским виделись теперь редко. Иногда созванивались. Причём, всё время повторяли в телефонном разговоре одну и ту же устоявшуюся подначку, которую когда-то придумал Женька. Если он звонил мне, то, придавая голосу иностранный акцент, вкрадчиво приветствовал:

– Здравствуй, Сергей Иоганович (?!)...

Если звонил я, то говорил ему, слегка картавя:

– Пгиветствую, Евгения-таки Богисовича!

Мы смеялись, довольные этим дурачеством.

Евгений продолжал трудиться в АИКе ещё два года – до перехода в городскую газету «Кемерово».

Я почти не помню телепередач, которые он делал в одиночестве. Разве что телеочерк памяти Аркадия Дахненко, заслуженного артиста РСФСР, актёра

Кемеровского драмтеатра, умершего 7 апреля 1993 года, с которым мы вместе ездили в Ригу. Женька на полную катушку использовал те сокровенные видеокадры, которые мы снимали в Латвии и в купе поезда. Очерк вышел душевным, тёплым, пронзительным и насыщенным по содержанию, как это умел делать Красносельский.

Потом покинул АИК и Женя. После этого Агентство информации Кузбасса ещё некоторое время как-то просуществовало и тихо прекратило свою деятельность...

12.

Вспоминая о Красносельском, нельзя не вспомнить о его любимых занятиях.

Одним из них была любовь к общению с людьми. Я уже упоминал об этом. Но разве всё передашь в одном-двух абзацах, чтобы понять, насколько это было интересно, необычно и полезно?! Не побоюсь утверждать, что эта тема заслуживает отдельной главы.

Об этой черте Женькиной натуры среди коллег ходили разные курьёзы. Например, он мог запросто подойти к любому незнакомцу или известному человеку, хлопнуть по плечу и заявить ему, ошарашенному такой фамильярностью, что-нибудь типа: «Как считает твой лучший американский друг Марлон Брандо, все коренные американцы – это выходцы из Германии. Твои предки, наверняка, тоже были немцами. Не веришь?! Хочешь, докажу?» – и полчаса доказывал ему, ошеломленному, что его предки могли попасть в Сибирь только из Поволжья.

В дальних поездках он так увлекался, расписывая невероятные, часто смешные истории, что мог часами говорить без умолку, порой перескакивая с одной темы на другую. Про эту его особенность среди знакомых работников «пера и микрофона» ходила шутка: если едешь в командировку в одной машине с Красносельским, радио можно не включать. И будьте уверены, вся кампания в автомобиле, включая водителя, хохотала от души, слушая его остроумные «были и небылицы». Такой уж характер: ему всегда нужны были свободные «уши», неважно, внимают они его сентенциям или нет...

Между прочим, его любовь к «устному творчеству», бывало, и пользу приносила. Татьяна Красносельская, вспоминая о совместных с мужем студенческих годах, делилась в одной из газетных публикаций:

«Обожала Женю за ум, за готовность протянуть руку, когда человек в отчаянии. Однажды вечером, когда он шёл в свою комнату студенческого общежития, увидел в коридоре парня. Лицо его... Скорее, не было лица. Всё сразу ясно: плохо человеку. Женя задержался. Стал рассказывать, какие люди есть на свете. Какие были. Читал ему стихи. Он будто бы боялся замолчать и стать неинтересным парню. Но нет, парнишка стал преображаться. У меня прошёл сон, сама заслушалась. К утру парень воспрял духом, согласившись, что самое страшное – это смерть. Все остальное – относительно. Они разошлись. Парень – спать. Женя – на экзамен. Я часто говорила своим детям, что, наверное, проще откупиться или

выглядеть добреньким, дав денег взаймы. Труднее, когда ты отдаёшь душу. Папа – отдавал...»

Вспоминая его неимоверную общительность, умение обаять любого собеседника, тоже восстановил в памяти один случай, который, кстати, мы с Бединым до сих пор вспоминаем с добрым юмором.

Когда наша рижская командировка в мае 91-го подходила к концу, Евгений неожиданно предложил сдать в пункт приёма пустую стеклотару, которая скопилась за время нашей командировки в туалете нашего гостиничного номера. Мы с Владимиром Ивановичем Бединым не смогли его отговорить. Все наши аргументы – про Ригу и про пустые бутылки из-под спиртного – разбивались о его железобетонное упрямство: не пропадать же «добру»?!

Если помните, была такая традиция в СССР – сдавать стеклопосуду. Ничего постыдного в то время в этом не было. Короче, нагрузили пустыми бутылками сумки и пошли: Красносельский впереди, я и Бедин – за ним.

Нашли один пункт приёма – закрыт. Идём дальше. Обнаружили другой – не принимают, ящики кончились. Выявили третий – берут только молочные стеклотары. Бутылки.

Евгений не сдаётся. Взял за фалды какого-то мужичка, поведал ему про нашу нужду.

– Знаю! – встрепенулся мужик. – На улицу Негю, на Центральный рынок ехать надо. Там идеальная точка, всегда принимают, – и начал сбивчиво объяснять, как доехать до заветного места. – На трамвае! Тут недалеко десятый номер останавливается. В полчаса доберётесь. Там павильоны, в них не ходите. Рядом есть открытая территория. Вот тут и спросите...

Бедин кричит:

– Парни, давайте вернёмся, пока не поздно!

Женька отмахнулся. Короче, рванули на остановку. Бело-голубой рижский трамвай, действительно, домчал нас до места. Центральный рынок Риги – это грандиозное сооружение из пяти огромных полукруглых павильонов. Возле крайнего павильона большая площадка огорожена забором, на ней – цепь палаток и забегаловок с овощами, фруктами, одеждой, цветами, сувенирами, спиртным. Везде скамейки. В самом конце площадки мы обнаружили искомый объект. Вывеска двери одного из павильонов утверждала «Приём стеклотары». А очередь из трёх человек давала надежду на благополучное завершение предпринятой Евгением операции. Мы сумки на землю поставили.

– Я пойду к воротам, – решил Бедин, кисло улыбаясь. – Дурак я старый, что ввязался! В общем, у тебя, Жень, на всё про всё двадцать минут, иначе мы из Риги сегодня не уедем.

Он направился к выходу, я за ним. Вышли на площадь перед рынком, осмотрелись. Огромные павильоны впечатляли своими размерами, у каждого из них толчея. Самый крупный рынок Прибалтики.

Владимир Иванович без конца поглядывал на часы:

– Ну что он там тянет. Опоздаем на поезд... – и вдруг как захохочет. – Бегаем по Европе с пустыми бутылками... Ха-ха-ха... А у них тары нету... Ха-ха-ха...

А Женька всё не появляется.

– Сходи-ка ты за ним, – послал меня Бедин. – Пусть он, бросает к чёрту эту затею. Иначе опоздаем.

Я помчался к пункту приёма. Подбегаю и с удивлением обнаруживаю, что на входной двери висит замок. Осматриваю окрестности, вижу: знакомый затылок торчит из-за спинки ближайшей скамьи. Обогнул скамейку и увидел картину: Красносельский сидел вместе с долговязым парнем, который стоял впереди него в очереди. На лицах – благодушные улыбки. Между ними лежит газета, на ней наполовину пустая бутылка портвейна, два бумажных стаканчика, половинка сырка «Дружба» и остатки белого батона. Асфальт перед скамейкой заставлен пустой стеклотарой. Женька энергично размахивал руками перед лицом собеседника: «Если к нам приедешь, я тебе...»

Я ему:

– Ты что, забыл, нам же срочно надо ехать!? Там Бедин весь на нервах...

А он:

– Погоди-ка. Знакомься, это – Василий. Вася, это Сергей, мой товарищ и коллега, – вид у него расслабленный, будто торопиться некуда.

Я озверел было. А он:

– Погоди, сядь. Я контролирую время. Послушай лучше, что Вася рассказывает. А сам не даёт ему рта раскрыть:

– Мы же не просто так сидим! Здесь тоже ящики закончились. Хорошо, Василий нас выручил и взял всю нашу посуду оптом. Правда, чуть подешевле. Васе – спасибо! Кстати, он – из местных, родился здесь. На автозаводе «РАФ» работает слесарем. Сейчас, говорит, только и разговоров о выходе из Союза. Латыши – за, русские – кто как! Думают, что с Европой лучше жить станут. А Василий считает, что превратятся они в никому не нужную европейскую глубинку. Уже сейчас у завода проблемы начались – заказов всё меньше...

Видно, что собеседника он успел обаять по полной. Вася смотрит на Евгения влюблёнными глазами.

– Понял, – киваю. – Только нам надо бежать, опаздываем!

– Согласен, – говорит Женька. – Разливай, Вася, по последней. Чур, ты первый, – и подаёт мне свой стакан.

Я попытался увернуться.

– А вот тут ты не прав, – настаивает он. – Давай-ка, выпей за Василия, за то, чтобы у него всё было хорошо. За это ты не имеешь права не выпить!

Делать было нечего... В общем, гостиницу мы прибежали минут за двадцать до отправления автобусов с нашей делегацией...

Евгений серьёзно увлекался литературой, много читал, умело цитировал прочитанное. Со школы писал стихи. Не оставлял стихосложение, став взрослым. А это говорит о многом.

В середине 1980-х он написал строчки «Гимна кузбасских журналистов», посвящённые памяти редактора газеты «Кузбасс» Анатолия Игнатьевича Бельчика:

«О том, что жизнь борьба,
 пусть голоса политики,
У нас с тобой судьба
 едина
 – журналистика.

И заповедь чиста,
 как слеза на щеке:
Сегодня – со щитом,
 а завтра – на щите».

Когда работал в «Комсомольце Кузбасса», Евгений регулярно ходил на заседания литературной студии «Притомье», которая начала действовать с октября 1979 года. Об этом в своих мемуарных записках вспоминает известный кузбасский поэт и писатель Геннадий Евлампиевич Юров. Он-то и приравнял поэтические «выплески» Евгения к литературному творчеству, а самого Красносельского к «третьему поколению писателей Кузбасса» – воспитавшемуся в «Притомье».

В самые первые недели образования литстудии, здесь вели тетрадь, где записывали информацию о заседаниях. Юров тетрадь сохранил:

«Храню в своём архиве «Бортовой журнал» студии, общую тетрадь в клеточку, где заполнены лишь несколько первых страниц, – пишет он в своих записках «История общения друг с другом (три фрагмента воспоминаний)» в журнале «Огни Кузбасса» за 2007 год, № 2. – Жанр документа и отчёта как-то у нас не прижился. Мечтаю подарить эту тетрадь молодым литераторам будущего поколения, если они студию сберегут. А сейчас интересно вернуться к истоку – обратиться к этим первым записям в «Бортовом журнале», ставшем историей.

...Следующая запись в «Бортовом журнале» сделана рукой поэтессы Нины Павлушиной. На заседании 19 ноября 1979 года отчитывался руководитель кемеровской литгруппы Владимир Ширяев, актёр В. Мирошниченко призывал писать для театра, лектор В. Плющев рассказал о международном положении... Читали стихи Виталий Крёков, Геннадий Чупин, Александр Катков, Владимир Советов, Семён Печеник. Евгений Красносельский порадовал своими пародиями...»

Вот так: «Порадовал своими пародиями». Ни больше, ни меньше!

Газета «Московский комсомолец» в Кузбассе» в 2019 году – к 40-летию рождения «Притомья» выпускала на своих страницах литературный разворот «Родная литература». В феврале, в первом выпуске – стихи. Литературную студию представили те, кто застал её начало и становление: А. Глазырин, Р. Евсеенко, Т. Рубцова, Е. Красносельский.

«И в поэзии Женя был своим человеком, – уверен ветеран журналистики, поэт Олег Курочкин. – Хотя старался этого не афишировать».

Отмечу, что подвизался Евгений и в прозе. Я вычитал на одном из интернет-сайтов, что он – автор написанного в 1981 году фантастического рассказа «Последний солдат». Но найти рассказ мне не удалось...

13.

Ещё одной его страстью был спорт. И не только шахматы, в которые он при случае с удовольствием играл. Больше других он любил игровые виды спорта. Прежде всего, конечно, футбол. Женька гонял мяч с детства – во дворе, на улице, возле школы. Причём, его действия на поле часто напоминали работу капитана и играющего тренера: расставлял игроков, руководил действиями команды. На поле он обычно становился лидером.

Ветеран газеты «Комсомолец Кузбасса» Владимир Михеев в эссе «Курсом первого капитана» написал о Евгении Красносельском: «Организатор и вдохновитель всех наших побед и ряда поражений, первый на Евразийском пространстве капитан-редактор, имея мариинскую закваску, обрёл почётное звание и олимпийский характер... В пылу борьбы капитан умел дойти до каждого и найти действенные слова».

Вадим Антонов, спортивный обозреватель газеты «Кузбасс»:

– Евгений Красносельский – игрок по натуре, а настоящий игрок на дух не переносит чиновничества, не лебезит, не признаёт формальные авторитеты, в его табели о рангах равны и начальник, и работяга. Его работа в газете, футбол в его исполнении – большая игра с корневыми шутками-прибаутками: «Десять лет Бутырки, старичок!» – фраза уроженца Мариинска, где открыт музей истории ГУЛАГа, не о сроке наказания, пусть и виртуальном, а о бесстрашно-философском отношении к жизненным катаклизмам.

Подлинную известность – уже в масштабе всей страны – принесла неистощимому на выдумки, настоящему любителю спорта Красносельскому идея проведения спартакиад журналистов Сибири.

Первая из них прошла в мае 1984 года. Её организаторы и участники до сих пор не забыли, сколько было приложено усилий и задействовано служб, чтобы в Кемерове, на спортивной базе производственного объединения «Азот», вступили в борьбу команды Барнаула, Новосибирска, Томска, Омска, Кемерова и даже Кургана! Волейбол, футбол, шахматы – такова была программа этих игр. И, конечно же, профессиональный конкурс кто лучше напишет репортаж обо всём происходящем. Первым победителем в этой номинации стал... Евгений Красносельский.

Кто только из легендарных кузбасских журналистов не соучаствовал в памятной спартакиаде. Редактор газеты «Кузбасс» Анатолий Бельчик вместе с тогдашним председателем областной организации Союза журналистов Виталием Банниковым командовали парадом открытия. Им активно помогали заведомо «Кузбасса» Виктор Моисеев, в то время собкор ТАСС Виктор Кладчихин и ещё многие. Евгений в эти дни старался успеть всюду.

Потом эстафету журналистского братства подхватили работники пера и микрофона Новосибирска, Омска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Томска. Командировки с состязаниями профессионального сообщества продолжались в течение шести лет. Увы, в лихие «девяностые» о спартакиаде журналистов Сибири пришлось забыть. Последняя состоялась в 1989-м. Не до неё стало. Постепенному возрождению журналистских спартакиад предстоит начаться гораздо позже...

Ещё одно спортивное детище Красносельского, о котором, уверен, в Кемеровской области знают все журналисты – футбольная команда «Гонорар-82».

Вот как об этом рассказывает активный участник игровых баталий, спортивный журналист, сотрудник газет «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Кемерово», «Земляки» Олег Курочкин:

– В начале мая 1982-го в одном из прокуренных кабинетов на седьмом этаже, где располагалась редакция газеты «Комсомолец Кузбасса», произошло событие, ставшее знаковым. Поиграв как-то в футбол на асфальтированной площадке редакционно-издательского корпуса «Кузбасс», группа журналистов: Евгений Красносельский, Лев Попов, Владимир Михеев, Константин Крекнин, Евгений Худобин, Александр Недашковский и автор этих воспоминаний, – пришла к мысли создать команду. Генератором идеи выступил Женя. Именно с его подачи и родился «Гонорар» с пометкой «82». А тесное содружество журналистов и полиграфистов (ныне, к сожалению, забытое, вытесненное новыми технологиями производства газет) привело в команду и работников издательства.

«Боевое крещение» журналистской дружины состоялось 15 июня 1982 года на стадионе «Химик» – в матче с артистами Государственного академического Малого театра Союза ССР. Подобные матчи-шоу становятся традиционными. Спустя год соперником «Гонорара-82» стал другой столичный гость – Государственный академический театр имени Моссавета.

Особняком надо выделить поединок 14 июля 1986-го со знаменитым «Ленкомом», который прибыл на гастроли в Кемерово. Известные московские актёры Евгений Леонов, Олег Янковский, Николай Караченцов, Александр Абдулов и другие вышли на поле, чтобы сразиться с кузбасскими журналистами.

Кстати, желание организовать матч с этим театром возникло у Евгения Красносельского ещё и потому, что работники «Ленкома» – и артисты, и работники технических служб – в начале 1980-х тоже организовали свою футбольную команду «Авось» (по названию постановки «Юнона и Авось»). Даже несколько раз занимали первые места в турнирах между командами других театров.

И вот кузбасские журналисты вызвали «Авось» на игру.

– Помню в холле гостиницы «Кузбасс», – продолжает Курочкин, – встречу капитанов команд – Красносельского и Абдулова – накануне матча. Это была остроумная словесная перепалка двух темпераментов, достойная масляковского КВНа. Продолжилась она и в игре, между прочим, корректной. И после – во время «третьего тайма»...

А это – строки из публикации о памятном матче, которые написал для газеты «Кузнецкий рабочий» ветеран новокузнецкой журналистики Михаил Гревнёв:

«Гастрольный график «Ленкома» был плотнейший – по одному-два спектакля ежедневно. Но – по инициативе журналистов – театру удалось устроить и спортивные представления... «Ленком» приехал в Кузбасс в ранге не только самого популярного театра Москвы, но и чемпиона столицы по футболу среди театральных коллективов. «Гонорар» тоже был не лыком шит – победил на спартакиаде журналистов Сибири. Поединок двух чемпионов, как говорится, был неизбежен, тем более ленкомовцы, как выяснилось, и спортивную форму с собой прихватили – «на всякий случай».

Инициативу проявил известный журналист капитан «Гонорара» замечательный, фееричный Евгений Красносельский. Он написал несколько рецензий на ленкомовские спектакли и по-человечески сошёлся, а затем и подружился с Николаем Караченцовым, который и помог Жене организовать те матчи.

...Сам я матч не видел, потому живописать его не буду. Скажу только, что – по рассказам коллег – получился он очень упорным и завершился ничьей и что не последние роли в «Гонораре» играли новокузнецчане – вратарь Сергей Чугурян и нападающий Валерий Немиров, забивший один из голов».

Матч состоялся на кемеровском стадионе «Химик».

Погода тогда выдалась жаркой. Игрокам пришлось трудно – бегать по большому полю, обливаясь потом, забивать и защищаться, не имея при этом профессиональной подготовки. Хотя, как вспоминал потом капитан команды под странным номером «99» Александр Абдулов, их команда часто тренировалась в Москве после спектаклей на футбольном манеже «Спартак».

– Поначалу возникли разногласия с директором стадиона «Химик», – вспоминает актёр, член команды «Авось» Игорь Фокин. – Он не хотел выпускать нас на ухоженное зелёное поле, предназначенное только для игр команд мастеров. Капитан «Гонорара» Красносельский пытался уговорить директора, но без толку. Наконец были выдвинуты условия: определённое количество билетов на каждый спектакль. И конфликт был улажен.

Было очень интересно наблюдать за великими артистами. Играли они в полную силу, не халтурили. Евгений Леонов вводил мяч в игру – первым делал удар. Но потом на поле не играл, а сидел с Татьяной Пельтцер и Марком Захаровым на трибуне. Оттуда они и другие работники театра болели, кричали, поддерживали коллег.

Комментировал матч журналист, режиссёр, спортивный обозреватель Илья Ляхов. Смешно импровизировал, шутил, зрители постоянно хохотали.

Как гласит футбольная летопись, счёт открыл кузбасский журналист Олег Курочкин. Но затем два гола подряд в ворота соперников забил работник сцены театра Александр Стаханов. Равновесие восстановил новокузнецчанин Олег Бизянов. Третий гол в ворота ленкомовцев забил журналист Валерий Немиров. А выравнивал счёт Александр Абдулов. В основное время результат – 3:3. Серия пенальти тоже не выявила победителя – 4:4.

Капитаны команд Красносельский и Абдулов снова и снова вели своих игроков в атаку. Абдулов был очень раскрепощённым на поле. Брал игру на себя, но и мяч частенько терял. Александр Гаврилович так яростно хотел выиграть, что спорил и с судьями, и с соперниками, и с собственными товарищами. А по окончании ничейного матча расстроился до слёз.

После футбола игроки, как водится у профессиональных клубов, обменялись футболками. Пот соперника – это святое. Решили, что нужно сыграть ещё одну игру. На этот раз матч состоялся на поле у кемеровской школы № 62.

– Абдулов и Алфёрова привезли с собой в Кемерово крохотную собачонку Авоську. И так получилось, что весь матч она была за воротами нашего вратаря Валеры Качина и яростно его облаивала, – воскресил тот день в памяти Владимир Михеев. – Не знаю, раздражало это Качина или нет, но он пропустил в игре два мяча именно от Абдулова. Но победа тогда осталась за нами!

Женька не скрывал радости. Он ведь тоже не любил проигрывать. Нигде и никогда. Будь то футбольное поле, волейбольная площадка или шахматный столик, не говоря о сугубо профессиональном соперничестве.

Он играл так же, как работал, – неистово, отдаваясь делу без остатка, не щадя своего сердца...

Неудивительно, что в память о Евгении Красносельском, организаторе и капитане уникального «Гонорара-82», в Кемерове ежегодно проводятся футбольные матчи. В них, продолжая семейную традицию, не раз участвовали в майках «Гонорара» и сыновья Красносельского – Евгений и Андрей.

14.

Первая половина 90-х годов для многих оказалась сложным временем разочарований, метаний и перемен. Вспоминать про эти трудные годы очень непросто. На таких сломах истории, которые выпадают на твою жизнь, очень явственно ощущаешь, как тесно судьбы людей увязаны с судьбой государства.

Помню, как в «Кузбассимпэксе» получал миллионы рублей, которые не позволяли дотянуть семье и до следующей получки. Гиперинфляция была такой, что цены просто «галопировали». Как в конце 1992-го всем нам, гражданам России, выдали приватизационные чеки (ваучеры), чтобы «каждый гражданин мог приобрести часть какой-либо госсобственности и от своей доли получать дивиденды». Нас обманули, как всегда. Очень скоро на ваучер можно было купить только пару бутылок водки.

Федеральные телеканалы твердили о кризисе верховной власти. Верховный Совет России требовал импичмента Ельцина. Летом 1993 года на территории страны отменили деньги Банка России образца 1992 года. Законным стал только рубль образца 1993-го. Разве в этих условиях можно было хоть что-нибудь скопить?!

В октябре 93-го в Москве начались боевые действия между сторонниками парламента и президента. Танки стреляли по верхним этажам российского

парламента. Были десятки погибших. Президент победил депутатов и начал готовить референдум по проекту новой Конституции РФ.

Молодой российский бизнес «трясло и плющило». И в «Кузбассимпэксе» приняли решение о ликвидации отдела рекламы – моего трудового «прибежища» после АИКа.

Евгений тоже не чувствовал спокойствия в «Агентстве информации Кузбасса». Подумывал о перемене места работы. Осенью 1993 года у него состоялась встреча с мэром Кемерово Владимиром Васильевичем Михайловым, на которой Евгению предложили возглавить кемеровскую городскую газету.

Издание было новое, его надо было «раскручивать». Для Красносельского с его опытом – дело знакомое. И он согласился.

Первая городская газета в истории кузбасской столицы увидела свет 9 февраля 1991 года. До этого у города никогда не было собственного периодического издания, а кемеровские события в основном освещала областная газета «Кузбасс». Между тем, все остальные города и районы Кузбасса имели свои газеты.

Решение об учреждении городской газеты было принято на сессии Кемеровского городского Совета народных депутатов 21-го созыва.

Вот мнение Владимира Михайлова, тогда его должность называлась – председатель кемеровского горисполкома:

– Время было... непростое. Хотя, наверное, каждый период можно так охарактеризовать в той или иной степени. Но тогдашние политические, экономические реформы многое переменили в стране и, конечно, в городе Кемерово. Рыночные отношения, приватизация жилья, массовый отказ предприятий от ведомственных детских садов и других социальных объектов... Людей нужно было постоянно информировать об очень насущных вещах: о ситуации с продуктами, тепло- и водоснабжением, о принимаемых органами власти решениях.

Так родилась идея создать своё, городское печатное средство массовой информации. Не бюллетень или многотиражку, которые были бы доступны только ограниченному кругу кемеровчан, а полноценную газету – профессионально сделанную, интересную, а главное, приносящую пользу людям...

К тридцатилетию газеты «Кемерово» её журналисты Лора Никитина, Надежда Горбачёва, Сергей Волков подробно рассказали историю своей редакции. Первый номер «Городской газеты» – так она сначала называлась – это синтез официального подхода к подаче информации и того самого драйва девяностых, который ни с чем не перепутаешь.

Здесь нет классических советских передовиц и скучных отчетов о заседаниях. А есть – живое интервью с первым лицом горсовета, заметки, написанные депутатами, и статьи на актуальные городские темы: работа транспорта, разбор читательских писем и подробные ответы на вопросы.

Первым редактором газеты «Кемерово» назначили журналиста Владимира Павлова. Он набирался опыта в топкинской районной газете «Ленинский путь»,

затем в газете «Голос труда» механического завода и «Заря» Кемеровского района. Вскоре его на этом посту сменила Тамара Хаистова, которая тоже прошла школу «многотиражной» журналистики: в газету «Кемерово» она пришла из «Заводской правды» – многотиражки завода «Прогресс»...

22 ноября 1993 года номер газеты подписал редактор Евгений Красносельский. Его совершенно справедливо представили коллективу, как одного из самых талантливых и известных медийщиков Кузбасса.

Женя взялся за дело энергично. Чувствовалось, что соскучился по настоящей работе, что не растерял редакторского опыта. «Харизматичный, инициативный, темпераментный, зажигательный», – так вспоминают о Красносельском ветераны газеты.

– Газета сразу сильно преобразилась, Красносельскому удалось вдохнуть в неё новую жизнь, наполнить энергией. Такой уж это был человек – умевший вдохновлять, – отметил Геннадий Перекрыстов, в 1993-м году исполняющий обязанности управляющего делами администрации города Кемерово.

– Именно с его приходом газета обрела своё настоящее, узнаваемое лицо, – считает Григорий Шалакин. – В работу коллектива Красносельский внёс очень много нового. Сам работал отлично, и учил этому других.

В апреле 1994 года я перешёл в пресс-службу первого созыва Законодательного Собрания Кемеровской области. Председателем ЗС был, как известно, Аман Тулеев. Для областного парламента я начал делать новую еженедельную телепередачу под названием «Форум». Узнав о моём новом месте работы, Евгений стал «поддевать» меня своими шутками. Однажды мы встретились на пресс-конференции председателя ЗС:

– Старик, ты опять в чиновники подался?

Как мог, я отшучивался, спрашивал, как идут дела у него в редакции.

А редактор Красносельский сам горел новыми идеями и зажигал ими других. Он умел мотивировать команду, вспоминают ветераны «Кемерово». Умел приободрить того, кто слегка приуныл, своим знаменитым: «Старичок, не переживай!» На страницах «Кемерово» публиковались добротные репортажи, выходили рубрики «Экология души» и «О сокровенном». Журналисты шли на работу, как на праздник, и тиражи росли.

Основные газетные «перья» были настоящими мастерами журналистики Кузбасса. Про бизнес и экономику писал Пётр Лавлинский. Блестящие материалы делали Василий Попок, Stanislaw Поляков, Владимир Шишватов, Анатолий Паршинцев, Андрей Воропаев, Владимир Соколов, Татьяна Красносельская. Людмила Ольховская вела рубрику «Арабески» – страничку, посвящённую искусству.

Красносельский задавал тон этому созвездию. К примеру, 30 декабря 1993 года увидела свет первая в истории газеты колонка редактора.

«Мы все с одной планеты» – такой у неё был заголовок. Вот о чём писал в ней Евгений Красносельский:

«...Подобную (как 12 апреля 1961 года, когда Юрий Гагарин отправился в космос) радость я ощутил через двадцать лет, когда из материала астронома Евгения Долгих узнал, что открытая учёными Крымской обсерватории новая малая планета получила имя Кемерово.

С того времени многое переменилось. Не стало «братского содружества социалистических государств», перестал существовать СССР.

И лишь когда, устав от выборов и споров, выйдешь на балкон и долго смотришь в вечернее небо, вдруг начинаешь ощущать: где-то там вдалеке есть маленькая планета Кемерово, которая одинаково щедро дарит нам свой свет. Для неё есть просто люди со своими достоинствами или недостатками.

И, вспоминая о ней, понимаешь, как важно сохранить единство на Земле.

Наша газета не претендует на звание региональной, республиканской, межпланетной. Но, как та малая планета Кемерово, мы хотели бы на своих страницах собрать тех, кто не стыдится назвать себя КЕМЕРОВЧАНИНОМ. Мы будем продолжать уже полюбившуюся старую рубрику «Люди нашего города» и новую «Город и я», где будем выступать с конкретными предложениями, как улучшить Кемерово и нашу жизнь...»

В своей колонке редактор представил планы редакции в наступающем 1994-м. Советы по хозяйству («Как починить...»), подборки рецептов («10 блюд из капусты»), календарь и месяцеслов, гороскопы, кроссворды, афиши...

Но команду редактора Евгения Красносельского никогда не подводило чувство меры. Выживание – вот что интересовало людей сильнее всего. Где найти работу? Где заработать на жизнь? Каждый номер газеты старался помочь людям выжить...

– Главную задачу мы видим в том, чтобы газета «Кемерово» вошла в дома горожан не боевым листком, а газетой для всех, способной собрать вокруг себя как можно больше земляков, – писал редактор. – Ведь мы с вами люди одной планеты – Кемерово.

Ему не суждено было реализовать все свои планы и задумки.

8 августа 1994-го весть о кончине Евгения будто током ударила. Как же так?! Несправедливо! Ведь никакой долгой и продолжительной болезни... Сердечный приступ оборвал яркую жизнь.

Женька прожил всего 40 лет, но так полноценно, что хватило бы на десяток жизней.

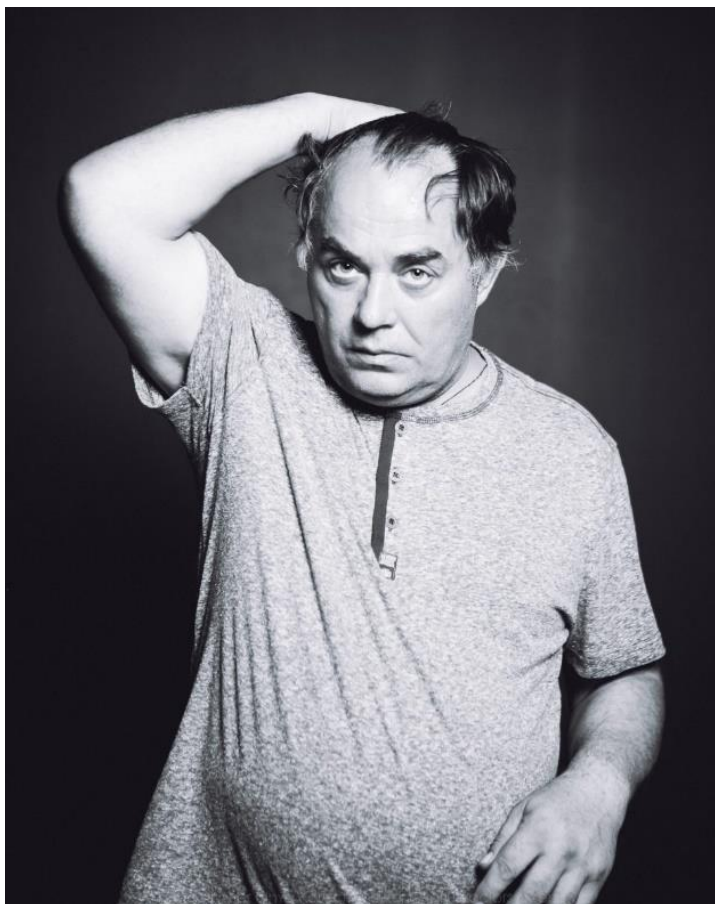
Ушедшие друзья продолжают жить в памяти.

В моей памяти – Евгений Красносельский. Закрою глаза и вижу: вот он идёт навстречу – выше среднего роста, крепко сбитый, чуть сутуловатый. Походка моряка, который много дней был в походе. На лице – широкая улыбка. Слышу приглушённый баритон Женькиного голоса: «Привет, старик! Как дела?»

Сколько же всего пришлось на наши с ним совместные годы работы... Исколесили тысячи километров полевых, просёлочных, воздушных, железных дорог и великолепных автобанов. Съели вместе не один пуд соли. Кажется, не осталось в Кузбассе города, большой или малой деревни, куда бы ни занесла нас журналистская судьба. И в каждом поселении Евгений находил своих героев среди, казалось бы, вовсе не героических будней.

Он искал и обнаруживал и отдельные личности, рельефно выделяющиеся в общей массе своих земляков, и целые семейные династии, с добрыми делами и помыслами. И пропускал чужую жизнь через собственное сердце...

Евгений Сытый: «Я очень счастлив оттого, что в моей жизни случился театр, состоялось кино...»

1.

«Цепь событий, следствие времени,
Разные части составляют целое.
Смысл один, в одном важном слове,
Но не известны подробностей более...»

Эти, написанные однажды то ли строчки песни, то ли – откровения, как нельзя лучше, на мой взгляд, объясняют происхождение имени нашего героя.

Вообще-то он – Женя Костюков. Появился на свет 23 мая 1969 года в шахтёрском городе Белово Кемеровской области. А почему стал Сытым? – часто задавали ему вопрос журналисты. История у псевдонима реальная. Она личная, из жизни, из детства. Всё дело – в родителях, вернее – в отце. Тот на семейных застольях любил вспоминать, как встречал жену с сыном-первенцем из роддома. Молодой папа, держа на руках кулёк с новорождённым, посетовал:

– Да что же он всё спит и спит?!

На что мама, якобы, ответила:

– Сытый он. Хорошо ему, вот и спит...

Эта семейная история запала ребёнку в память. А когда он вырос и стал играть в кемеровском студенческом театре «Ложа», где все молодые артисты придумывали себе псевдонимы, вспомнил о ней и назвался Сытым.

Так что сценическим именем Сытый обязан родителям.

2.

Женя родился в семье шахтёра Александра Костюкова. Говорят: рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Поэтому родители мальчика искали в Кузбассе лучшее место для жизни. Из Белова они сначала переехали в Киселёвск. Затем – в молодой город горняков Берёзовский. Здесь семья Костюковых прижилась. Женин отец стал работать бригадиром на новой шахте «Первомайская», которую ввели в эксплуатацию в 1975 году.

В Берёзовском Евгений провёл десять школьных лет, учился в школе № 16. Его творческий талант «проснулся» ещё в старших классах: без его участия не проходил ни один школьный вечер. Ни один школьный спектакль и смотр художественной самодеятельности не обходились без Женьки Костюкова.

Тогда же старшеклассник Евгений записался в театральную студию «Данко» при кемеровском ДК строителей. Получил в пьесе главную роль, ездил на репетиции. Правда, первый свой спектакль с главной ролью Костюков сорвал. «Потому что в день премьеры проходило городское первенство по футболу, – припоминал он, – где у меня тоже была главная роль нападающего в нашей команде. Команда победила! А вот в «Данко» я не вернулся – совестно было...», – признался сам.

Но в его жизни это, пожалуй, был единственный случай безответственного отношения к роли и к партнёрам по сцене...

Не случайно же он родился под знаком Близнецов, которые обладают сильным характером, энергичны, независимы и общительны. Это интеллектуально одарённый знак. Рождённые под ним люди часто талантливы в литературе и актёрской профессии, любят быть в центре внимания. Вот и Женя рос с весёлым характером и темпераментным любопытством, мог легко перевоплотиться в любого героя школьной сцены, тянулся к творчеству.

Однако при выборе профессии семейные традиции поначалу одержали верх. Его театральные способности родителям были не по душе. Отец уверен: сын должен пойти по его стопам, стать, как минимум, инженером. Поэтому Костюков-младший отправился в Кемерово, где поступил на горно-электромеханический факультет Кузбасского политехнического института (ныне Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва). И даже учебно-производственную практику проходил на той шахте, где работал отец.

И может, стал бы он после окончания вуза инженером угледобывающего предприятия, коих в Кузбассе добрая сотня, если не был бы невероятно креативным человеком. Перемены в его жизни начались на втором курсе. Женин талант на факультете заметили сразу, в годы студенчества парень очень пригодился родной alma mater: здесь творческий престиж вуза всегда ревностно

высоко котируется – не меньше, чем его профессиональный или научный авторитет.

Во-первых, в политехе образца 1980-х сформировалась крепкая команда КВН. Лидеры молодёжного политеховского актива встречались в студклубе, придумывали сценарии, шутки, участвовали КВНовских битвах всех уровней – от городского и областного, до федерального.

Будучи студентом КузПИ, Евгений активно участвовал в этой игре, «поднимая» оценки своей команды – команды «Сибирские богатыри», которая, кстати сказать, в 1994 году, первой из Кемеровской области вышла в высшую лигу КВН.

Во-вторых, Евгений увлёкся рок-музыкой, выступал в кемеровской рок-группе «Склады», где стал вокалистом и автором песен. В те годы не увлечься роком было просто невозможно. В Западной Сибири пик рождения подобных рок-сообществ пришёлся на 1983-1986 годы (а наш герой как раз в 86-м поступил в вуз).

У них своя атмосфера – суровая, холодная, снежная. Она питала и вскармливала своих героев, чьи имена впоследствии стали известны всей стране.

Сергей Лавлинский, кандидат педагогических наук, преподаватель Института филологии и истории РГГУ рассказывает, что в 1986-м году в Сибири появилось такое явление, как «Рок-периферия»:

– Это – движение, целью которого была пропаганда рок-музыки через концерты и фестивали в сибирских городах. Главный координационный центр располагался в Барнауле. Мы в кемеровском рок-клубе поддерживали уже существующую инициативу и решили организовать такой фестиваль у себя. Он проходил на протяжении двух лет – в 1987-м и 1988-м. Выступления проходили в клубе ГРЭС и в ДК Строителей.

Евгений ходил почти на все концерты рок-исполнителей, которые также проходили в КемГУ, ДК Азота, Зелёном театре. Самые запоминающиеся выступления происходили на «репточках» или квартирах, где исполнялись так называемые «сейшены» (концерты).

Рок-группа «Склады» образовалась в самом начале 1990-х. Вместе с другими участниками группы – Константином Галдаевым и Максимом Какосовым – Женя объездил многие города Кузбасса и соседних регионов, исполнял свои песни в Юрге, Новосибирске, Томске, Барнауле. Группа просуществовала года четыре, но поклонники помнят творчество музыкантов до сих пор.

В одном из интервью Евгений Сытый объяснял, что «общим впечатлением от рок-музыки того времени была искренность. Протест, ведь молодым нужны перемены... Многие песни были об этом. Не было коммерческой основы».

Но на тексты «Складов» имелась и иная точка зрения. Вот что вспоминает Дмитрий Петин, солист кемеровской рок-группы «Чайка по имени Джонатан»:

«При театре «Ложа» существовала уникальная группа «Склады» – частые участники проекта «Живаго».

Актёры театра создали абсолютно безбашенную команду с идиотскими текстами, вроде «Поцелуй мне руки, е-е! Поцелуй мне руки, е!» И всё в таком духе. Они при

этом были ни на кого не похожи...» Эта непохожесть и создавала популярность будущему российскому актёру.

3.

«Что ты читаешь буквы, слова?
Капли чернил, кляксы в тетради,
Что смог ты достичь, что имеешь в кармане?
Металлы, камни, бумаги не в счёт...»

Его актёрская карьера начиналась в Кемерове. Свои первые большие роли Евгений начал играть в студенческом театре-студии «Ложа», ещё учась в институте. Это после того, как получил диплом инженера и даже немного поработал по специальности и окончательно понял, что шахта не для него, его в 1991-м «зачислили» на актёрскую ставку. А позднее он стал и режиссёром, и художественным руководителем студтеатра.

Родители были не в восторге от выбора сына в пользу творчества, но сам он этот выбор сделал осознанно и сворачивать с этого пути уже не намерен.

Официальным рождением театра считается 1991-й, но очевидцы и участники уточняют, что кемеровский театр «Ложа» образовался раньше: уже в 1990 году первые зрители рукоплескали его выступлениям. И начиналось творчество будущих актёров вовсе не со спектаклей, а с миниатюр. Один из таких номеров назывался «Советские плакаты». Ещё номера: «Не влезай – убьёт», «Гражданская оборона», «Советские космонавты», – это были иронические и такие понятные зрительской аудитории миниатюры из советской жизни.

Создателем театра считается небезызвестный Е. В. Гришковец. «Ложа» образца первых лет существования работала во многих вариантах: и как театр, и как площадка для встреч, и как ночной клуб. Ведь в 1990-е годы у молодых не было большого выбора, где проводить своё свободное время. В «Ложе» даже ночные дискотеки проводили: с 23.00 субботы до 6.00 утра воскресенья.

При этом по городу распространяли слухи. А как же?! Раз «ложа», значит, там «развели» какое-то масонство. Рассказывали, как однажды зритель приехал в «Ложу» на такси. Водитель привёз его к месту и уточнил:

- А вы куда?
- В театр «Ложа...»
- Не советую...
- Почему?
- Там же секта!

Евгений как-то поделился в прессе, как впервые узнал о «Ложе». В 1990-м, он, 20-летний студент горно-электромеханического факультета «Политеха», играл в команде КВН «Сибирские богатыри». Случайно попав на «ложевский» спектакль «Мы плывём» – первую постановку театра, с которой сам театр, в общем-то, и начался, – Сытый сразу влюбился в «Ложу».

Подошёл к режиссёру-основателю театра и попросился в труппу. Договорились так: Сытый сыграет в театре год, после чего станет ясно, будет из него толк или нет. Его первая роль – Народ в спектакле «Сингуляриа тантум», Евгений попеременно олицетворял собой всех людей: был то железнодорожником, то лесником, то простым рабочим...

Год прошёл. Он в театре остался. А любовь к сцене только усилилась, последовали другие постановки, другие роли.

«Ложу» в то время называли «революцией в театральной жизни Кемерово». В ней не было классической драматургии. Не звенели традиционные звонки перед началом представления. Молодые актёры всегда опасались выглядеть серьёзно, старались делать спектакли ироничными, смешными. На сцене творилось что-то невообразимое: артисты из студенческой среды, включая и нашего Евгения, на четвереньках показывали дрессированных собачек, изображали джигитов на деревянных конях, слепых жонглёров. А перед зрителями ставили коробки с помидорами – на случай, если не понравится. Всё – в угоду эпатажу...

В 1991 году театр переезжает в седьмой корпус КузПИ (на кемеровскую улицу Демьяна Бедного) и становится театром-студией этого института. Здесь Сытый и трудился, принимая участие почти во всех постановках театра. Доброхоты ехидничали, что «Ложу» работала и работает при КузПИ, а в её составе – девять студентов из КемГУ, двое – из института культуры и лишь один, Евгений Сытый, – из политеха.

Вспоминая молодость, Евгений говорил, что, если здесь и был интеллигентский стёб, всё равно, в 90-е «Ложу» была показателем хорошего вкуса. Зрителей тут всегда было немного. Она считалась пристанищем эстетов. Мало кто знал об этом месте, а на концерте могло быть человек 15 из тех, кто в теме. Особенно, когда там выступали экспериментальные музыканты. А когда в «Ложу» появилось кафе, оно стало одним из самых модных мест в Кемерове. Сюда ходили обеспеченные люди, отцы города, это приносило очень неплохие деньги: «А мы жили в театре коммуной. У нас всё было общее – и материальные ценности, и сами спектакли».

При этом сразу отмечу, что «Ложу» – лауреат многих всероссийских и международных фестивалей театрального творчества – в Бельгии, Австрии, Южной Корее, Великобритании. Её спектакли получали гран-при и «Золотые маски» ведущих театральных конкурсов.

Специалисты отмечали, что секрет или «фокус крючка» «Ложу», на который «ловился» зритель, в том, что её участники: основатель театра, актёры Евгений Сытый, Сергей Наседкин, Александр Белкин, режиссёр Константин Галдаев, – «придумали театр не только как сообщество играющих людей, но и как метод. Это – театр без фиксированного на бумаге текста, театр обыденной речи, но без бытовых подробностей, простодушный в лучшем понимании этого слова...»

Нынешний руководитель «Ложу» Сергей Наседкин:

– Нам ничего в так называемом официальном театре не нравилось. Всё казалось неорганичным. Не цепляло, в общем. Мы были одержимы желанием добиться максимальной достоверности на сцене. Из этого всё и выросло – и эстетика, и

способ создания спектаклей... В первом спектакле «Ложи» слов практически не было. Но потом они появились. И надо было как-то начинать с ними работать. А это очень сложно...

Максим Какосов, бывший режиссёр «Ложи»:

– Мы решили, что текст надо придумывать самим, чтобы произносить его органично. Есть стержень, небольшой синопсис (краткое изложение) – и поехало. Придумываешь, придумываешь, и замысел потихоньку обрастает словами. Разве можно плохо играть, когда говоришь то, что сам и придумал. Мы были неотделимы от тех персонажей, которых играли. И это было не похоже ни на один театр, который мы в своей жизни видели.

Фельетонной достоверности они пытались достигнуть и вне сцены. Однажды, когда актёры «Ложи» съездили за границу, они устроили в Кемерове «Полёт в Европу». Перед входом в театр поставили стулья, по бокам из картона сделали иллюминаторы – получился «самолёт». Согласно купленным билетам, в нём «были» и бизнес-класс, и эконом. В бизнес-классе «стюардессы» развозили пиццу и напитки. Полёт длился час.

В это время в гардеробе театра ходил Евгений Сытый в пальто, во внутреннем кармане которого был спрятан журнал «Плейбой», и за отдельную плату через маленькое отверстие он показывал желающим картинки. А в подвале они сделали комнату маньяка: в ванну налили воды, добавили красную краску и накидали туда детских игрушек. В другой комнате устроили «камеру пыток»...

Отсюда и вывод некоторых критиков о том, что, в сущности, «Ложа» – театр самодеятельный, хоть и нельзя так называть команду, которая спектаклями зарабатывает деньги. Он самодеятельный по своей эстетике, по природе своего обаяния и своих неудач.

Следуя логике муз – театральных покровительниц – Талии и Мельпомены, Евгений Сытый упорно «ковал» в Кемерове свою творческую судьбу.

Ох и помотало же его со спектаклями «Ложи» по городам и весям. В 1991 году, со спектаклем «Мы плывём», театр участвовал в фестивалях в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Перми. Сытый играл в пьесе роль Моряка. Как тонко Евгений прочувствовал этот образ! Раньше эту роль исполнял актёр Павел Колесников. К сожалению, он был вынужден уйти из театра. С его уходом из театрального репертуара выпало сразу несколько постановок. Такое чуть было не случилось и со спектаклем «Мы плывём». Когда встал вопрос о дальнейшем существовании постановки, роль Матроса решили отдать Сытому. Выбор оказался верным, хотя и непростым.

– У нас не сразу всё получилось, – вспоминал Евгений. – Пришлось хорошенько попотеть. Но я доволен результатом...

В 1992-м была создана постановка «Сингулярная тантум» («Постоянное единственное число»), с которой театр был на фестивале в Екатеринбурге; Евгений исполнил роль Народа. В 1993 году спектакли «Титаник» и «Полное затмение» театр представил на конкурсах в Перми и Сочи. В 1994-м со

спектаклем «Осада» театр участвует в фестивале в городе Глазов. Сытый сыграл в этой постановке роль Ветерана.

В постановке «Зима», которая родилась в 1994 году в жанре «наглядной информации», Сытый играл роль Ермака. С этим спектаклем театр – на международном фестивале «Театральные опыты – 95» в Челябинске. В этом же году «Ложа» гастрوليрует в городе Гент (Бельгия) со спектаклем «Мы плывём». С ним же театр приезжает на международный фестиваль «Focus – 96» в городе Гмюнд (Австрия). В 1996-м эту же пьесу кемеровчане представили на двух международных фестивалях в городах Чун-Чон и Массан в Южной Корее.

Позднее в Москве «Ложа» со спектаклями «Закон природы» и «Планета неведомых сил добра» становилась лауреатом фестиваля «Новая драма»....

И это – далеко не весь список мест, где побывал в те времена наш герой.

4.

В 1998 году основатель «Ложи» переехал в Калининград. И вскоре художественным руководителем театра становится Константин Галдаев. Вместе с Евгением Сытым они приступают к постановке спектакля «Угольный бассейн». Эта работа имела такой большой успех, что о ней надо рассказать отдельно.

Она была выполнена в технике «verbatim». Если коротко, «вербатим» или документальный театр – это, возникший в XX веке, особый вид театрального представления, где построение сюжетной линии основано исключительно на реальных событиях. Спектакли вербатим полностью состоят из реальных монологов или из интервью участников – свидетелей каких-либо событий, записанных создателем спектакля на диктофон. Эти «чужие» монологи актёры и произносят со сцены.

Брать интервью и использовать его как документ в спектакле первым, ещё в 1920-е годы, придумал российский драматург Сергей Третьяков с товарищами по творческому объединению «Левый фронт искусств». Однако потом этот опыт забылся. И теперь считается, что вербатим изобрели британцы.

В 1980-е годы, когда в Великобритании правила премьер-министр Маргарет Тэтчер, тамошние режиссёры начали делать первые спектакли, в которых актёры воспроизводили живую, необработанную художественно, прямую речь. Западные критики считают, что такой способ общения со зрителем возник из-за отторжения молодыми европейцами системы двойных стандартов, умолчаний и лжи, которая сложилась в это время в Европе.

Сила вербатима в том, что через интервью можно сберечь и затем передать реальную личную историю человека. Именно это объясняет доверие людей к талантливым документальным спектаклям.

Отметим, справедливости ради, что многие спектакли «Ложи» сделаны в этом стиле. Техника вербатим наложилась на изначально практикуемый в театре метод коллективной импровизации, когда текст спектакля рождается не столько сценаристом, но самими актёрами – в процессе репетиций, а записывается гораздо позже, после череды представлений.

Евгений отмечал, что актёры «Ложи» действительно заранее выбирали тему, потом выходили на сцену и начинали диалоги. Так рождались спектакли. Сначала их никак не фиксировали. Но со временем всё же стали записывать, чтобы не забыть.

«Манеру нашего сценического существования московские критики определили, как метод коллективной импровизации. Мы даже сами о таком не знали», – вторит ему Сергей Наседкин.

То, что они работают в стиле определения «вербатим», они узнали не сразу. Поэтому постановка «Угольного бассейна» стоит как бы особняком. Чтобы собрать материал для спектакля в стиле вербатим, артисты Галдаев и Сытый, вооружившись диктофонами, отправились в город Берёзовский – к шахтёрской родне, к знакомым горнякам.

Неделю «втирались в доверие» и вернулись в Кемерово с «подорванным» здоровьем, потому как вызвать горняка на откровенный разговор о забое можно лишь в процессе застолья. Затем, расшифровав свои записи, вместе с литературным критиком Яной Глембоцкой они создали текст пьесы, полный хорошего юмора и жизненной достоверности.

Евгений Сытый подчёркивал, что в 80-е годы «Угольный бассейн» можно было бы назвать спектаклем на производственную тему, где главные действующие лица – шахтёры. В 90-е пьеса больше напоминала стёб. Но именно она стала едва ли не классическим российским примером спектакля, созданного при помощи модной техники «вербатим». Сытый стал и соавтором, и сорежиссёром постановки. И сыграл в ней роль Бригадира.

«Угольный бассейн» – смешной и пронзительный спектакль о шахтёрской, а по существу, – о нашей с вами жизни. Три шахтёра в чёрных костюмах, белых рубашках и касках с шахтёрскими фонарями рассказывают о своей работе, о родственниках, друзьях, детстве.

«Минималистская строгость сценографии, – отмечается в одной из рецензий. – Чёрная сцена, чёрный задник и огромный чёрный куб, застывший над головами шахтёров немой напоминанием об опасностях профессии... Шахтёры сидят и рассказывают свои истории, лишь в одном эпизоде вдруг решая «поработать». С трогательным упорством они ставят коротенькие доски шалашиком, те каждый раз падают, шахтёры, не спеша, вновь пытаются поймать равновесие...»

Со сцены звучат рассказы про то, как устроена шахта, почему нельзя убивать крыс, как один шахтёр хотел жениться...

Лично мне больше всего понравилась в спектакле история молодого шахтёра о своем отце, который дважды в месяц, в зарплату, устраивал праздник – покупал груды пирожных «Картошка» и, с порога, начинал расстрел ими всей семьи. И сын вспоминал, как было здорово потом, до следующей отцовской зарплаты, соскребать со стен и есть остатки пирожных.

Заканчивается этот небольшой, кстати, спектакль монологом одного из героев о шахте будущего, весь коллектив которой состоит из директора, бригадира и

одного рабочего. Их задача – по команде начальства включать подземных роботов...

«Перспективы прекрасные», – вздыхает персонаж Евгения Сытого, рисуя картину «счастливого будущего», заполненного роботами-автоматами, в котором не оказывается места для тысяч таких же, как он, шахтёров.

Своё победное сценическое и фестивальное шествие этот спектакль начал в год празднования «миллениума».

Большая премьера спектакля состоялась на Московском фестивале молодой драматургии «Любимовка – 2000». На фестивале «Сибальтера» в Новосибирске в этом же году спектакль получил первую премию и три специальных приза: «Новация», «За лучшую мужскую роль» (эту награду присудили всему коллективу!) и «За воплощение идеи независимого театра». В 2000 году «Угольный бассейн» участвовал в фестивале «Документальный театр» в Москве – на сцене Московского художественного театра имени А. П. Чехова.

В 2002-м, по приглашению лондонского театра «Роял Корт» и Британского культурного совета, театр «Ложа» со спектаклем «Угольный бассейн» отправляется на гастроли в Лондон. В том же году «Угольный бассейн» был представлен ещё на трёх фестивалях: «Сибирский транзит» (Иркутск), «Сибальтера» (Омск), «Новая драма» (Москва и Нижний Новгород).

– Лондон, Москва, Иркутск, Нижний Новгород, Новосибирск и так далее, – перечислял в беседе с журналистами Сергей Наседкин. – Куда только мы с «Угольным бассейном» не съездили. Спектакль стал частым гостем столичных фестивалей.

А вот Максим Какосов спустя почти двадцать лет после премьеры спектакля признался:

– Мы сделали «Угольный бассейн» в стиле verbatim. Ну, вы знаете, – документальный театр. Я вообще-то этот verbatim терпеть не могу. Всё это профанация какая-то. Поэтому мы только притворялись, что делаем документальный спектакль, а на самом деле никаких интервью не брали. Просто придумали всё – как обычно. Успешный проект получился...

Между тем, в 2004 году спектакль «Угольный бассейн» номинировался на «Золотую маску».

В Евгению нравилась вот такая оценка спектакля: после одного из выступлений «Угольного разреза» к актёрам подошёл представитель крупной металлургической компании и спросил, нельзя ли сделать что-то подобное про его отрасль? Насколько известно, мало какой из театров может похвастать таким серьёзным социальным заказом.

В 2003 году в «Ложе» был создан спектакль «Поккет Моби Дик», режиссёром которого стал Максим Какосов. С ним «Ложа» в этом же году успешно участвует в Московском международном фестивале «Н. Е. Т.» («Новый европейский театр»). После этого Какосова, что называется, заметили. И немного времени спустя друг и коллега Евгения – Максим Какосов покинул «Ложу» (и столицу Кузбасса тоже), художественным руководителем театра стал Сергей Наседкин. Вот тогда актёр

Евгений Сытый активно взялся за сценографию и режиссуру в театре. Причём, весьма успешно. Немало на сцене «Ложи» состоялось постановок по его пьесам.

Так, в 2004-м зритель с удовольствием смотрит очередную пьесу «Ложи» под названием «Плохой спектакль», созданную Евгением Сытым. В 2005 году он поставил «Новогоднюю сказку», в 2007-м – спектакль «Закон природы».

В январе 2013 года театр «Ложа» начинает работу над спектаклем «Nota Bene» («Заметь хорошо»). Режиссёром спектакля становится Евгений Сытый. Спектакль, в котором молодые актёры в виде лекции рассказывают о падениях, Сибири, о погребё, матах и животных. Постановку показывают на фестивалях, где она получает гран-при за лучший спектакль...

Театральному режиссёру Евгению Сытому есть что показать зрителю.

– Я благодарен судьбе, что попал в «Ложу», – говорил он. – Сейчас не представляю своей жизни без этого театра. Он меня многому научил. Это моя школа... И не только школа: театр – это моя жизнь.

И ещё Евгений утверждает, что «документальная драма в том виде, в каком её придумали в Англии, исходит из небесспорного соображения, что настоящая жизнь интереснее и важнее придуманной. «Ложа» играет не столько с реальностью, сколько с нашим (и своим) перед ней удивлением, которого вполне достаточно, чтобы превратить жизнь в театр. По-моему, «метод», изобретённый в «Ложе», – это в частном виде метод всего актуального искусства (от которого традиционный театр бесконечно далек), а удивление – самый искренний из художественных жестов, возможных в театре сегодня».

5.

«Я видел то, что никто не заметил:

Линия в почве, капли на небе,

Взгляд на людей, что потухший как пепел,

И лист, что, сорвав, унёс быстрый ветер».

А потом его жизнь полностью поглотило кино. Не в одночасье, конечно, это случилось. А вот как начиналось.

Актёрские способности давно заметили и оценили не только его земляки, российские театралы. К нему присматривались и режиссёры кино. Шёл 2003 год. Тогда «Ложа» с постановкой «Угольного бассейна» поехала в Москву на фестиваль «Новая драма». Ребята выступали во МХАТе. Работали на сцене с полной отдачей: всё-таки – Москва, которой они очень хотели понравиться.

После спектакля к Евгению Сытому подошли московские кинорежиссёры, сценаристы и продюсеры Борис Хлебников и Алексей Попогребский, уже имевшие в своём послужном творческом списке пару художественных кинокороткометражек, и предложили ему роль в задуманном ими новом кинофильме с названием «Коктебель».

(После Хлебников признался в одном из интервью: «Как увидел Евгения в «Угольном бассейне», так и офигел!»)

Сытый подумал пару минут и согласился почитать сценарий. Тогда они передали ему сценарий фильма. Он его прочёл и сначала пожалел, что поторопился дать согласие: сценарий не произвёл впечатления. Однако... Вот как он сам вспоминает об этой самой первой своей роли в длинной истории его фильмографии:

– Через месяц мне звонок в Кемерово: «Прочёл?» – «Нет, я сценарий в гостинице забыл...» Выслали по «электронке» новый. Снова звонят: «Понравился сценарий?» – «Нет». «А сниматься будешь?» – «Буду». Это был «Коктебель».

Ему очень хотелось попробовать себя в кино.

Первый фильм с его участием – социальная драма – о путешествии отца и сына в поисках удивительного места под названием Коктебель. На своём пути они сталкиваются с разными людьми: «Им повстречался путевой обходчик, которого я сыграл. Всё прошло очень хорошо: я исполнил свою эпизодическую роль с третьего дубля...»

Зрителю и критикам понравился фильм, где двое осиротевших людей – Мальчик и Отец, потерявшие мать и жену, пробираются к морю. Едут в товарном вагоне, в кабине дальнбойщика. Останавливаются у случайных людей, добрых и недобрых, идут от дома к дому, через леса, поля, по дороге зарабатывая себе на еду латанием крыш. В Москве, в которой они жили, у них ничего не осталось. Отец, с горя по умершей жене, всё пропил. А у моря – надежда начать новую жизнь, попытаться вернуть утраченную веру в себя и доверие сына.

Незамысловатое кино, снятое без оглядки на что бы то ни было, кроме собственного настроения режиссёров, – специалисты оценили высоко. Фильм «собрал» призы – фестиваля «Серебряный Георгий», XXV-го Московского кинофестиваля, XXXVIII-го Кинофестиваля в Карловых Варах (Чехия), Международного кинофестиваля «GoEast» в Висбадене (Германия)...

И Сытый своим кинодебютом, эпизодической ролью, как говорится, не испортил режиссёрской «борозды». Хотя сам процесс создания кино по началу не очень пришёлся ему по душе. Ведь в «Ложе» он привык делать по-другому: там у актёра – много импровизации, которую он придумывает сам. А на киносъёмке от него требуют неукоснительно выполнять приказы режиссёра. Но тут надо отдать должное Хлебникову: ему понравилось работать с Евгением Сытым, возиться с ним, прислушиваться к его предложениям и даже соглашаться с этим упрямым...

Кто-то из участников киногруппы потом откровенничал про первые съёмки Сытого:

– Один из наших артистов так снимался в фильме «Коктебель»: у него роль была со словами – всего минут на пять, наверное. Но получилось так, что он всё равно произносил текст, который придумал сам. Не смог иначе. И сценаристы, они же режиссёры, подумали-подумали и согласились...

После первого опыта нельзя сказать, что кинорежиссёры начали наперебой приглашать нашего героя на съёмочную площадку. Следующий раз наступил спустя три года. В 2006-м его снова позвал Хлебников и предложил роль второго плана в фильме «Свободное плавание». Кстати, Борис Игоревич пригласил сыграть в этом фильме и другого известного актёра «Ложи» – Сергея Наседкина.

Фильм о том, как в маленьком городке на берегу Волги живёт и работает на заводе двадцатилетний парень. Вскоре завод закрывается, и он идёт сначала в помощники к продавцу обуви на рынке, потом пытается стать штукатуром. Всякий раз новая работа не устраивает его. И он попадает в бригаду дорожных ремонтников... Роль бригадира дорожников Рослова сыграл Евгений Сытый, а Наседкин – мастера Володю.

Вот строчки из киносценария:

«Рослов докурил. Все встали. Рослов распрямил спину и раскинул руки. Все так же сделали, чтобы не получить по башке. Рослов улыбнулся. Все тоже улыбнулись, потому что поняли, что их пронесло, и настроение приподнялось. Рослов пошёл к инструментам. Все зашевелились, как улитки, и взялись за инструменты, словно руки переросли на жопу...»

Сытый блестяще сыграл эту небольшую роль. Его выделили критики на премьере фильма, состоявшейся 10 июня 2006 года в конкурсной программе кинофестиваля «Кинотавр».

Евгений ещё не раз снимался у Бориса Хлебникова, который просто влюбился в талант Сытого. Это были фильмы «Сумасшедшая помощь» – в 2009 году, где у Евгения Сытого главная роль – роль гастарбайтера из Белоруссии; «Короткое замыкание» (новелла «Позор») – в 2009-м, Сытый в роли Мужа; «Пока ночь не разлучит» – в 2012 году, Сытый – Официант; «Долгая счастливая жизнь» – социальная драма 2013 года, здесь Сытый в роли Жени. В комедийном телесериале «Озабоченные, или Любовь зла» 2015 года Евгений предстал в роли депутата.

В драматическом фильме Хлебникова о врачах «Аритмия», вышедшем в 2017-м, Сытый снова в эпизодической роли – он реаниматолог. Между тем, картина участвовала в основной конкурсной программе кинофестиваля «Кинотавр»-2017 и была награждена Гран-при, а также – призом за лучшую мужскую роль и призом зрительских симпатий...

Список киноролей Евгения Сытого можно продолжать и продолжать. Всего он снялся более чем в 60 фильмах! Согласитесь, не каждому актёру выпадает такое количество киноработ.

Он снимался в кинодраме режиссёра Василия Сигарева «Жить» в 2012-м. В 2015 году играл в фильме-притче Андрея Прошкина «Орлеан». Среди киноработ Сытого – сериалы «Озабоченные, или Любовь зла», «Пушкин», «Красные браслеты», «Вы все меня бесите», «Эпидемия». С его участием вышли на экран фильмы «Сердце мира», «О чём говорят мужчины. Продолжение», «Большая поэзия», «Красные браслеты», «Проект «Анна Николаевна», «Зона комфорта», «Оторви и выбрось», «Три минуты молчания» и другие.

6.

Но были кинороли, которыми Евгений гордился особо. Он снялся в роли слуги Якима в картине «Гоголь. Начало». В телевизионном эфире премьера фильма

состоялась 22 декабря 2017 года – на телеканале «ТВ-3». На большой экран лента вышла в 2018-м.

«Гоголь. Начало» – лента мистическая. Она стала первой частью сериала «Гоголь», снятого режиссёром Егором Барановым по мотивам рассказов из сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». В него также вошли те таинственные легенды о личности автора, которые родились ещё при его жизни. И Сытый исполнил здесь одну из ключевых ролей: он слуга писателя Гоголя – Яким Нимченко.

Сюжет картины повествует о жизни молодого Николая Гоголя. Писатель (актёр Александр Петров) из Петербурга приезжает на Полтавщину вместе со столичным следователем Яковом Гуро (Олег Меньшиков) – для расследования таинственных убийств девушек. Слуга Яким – один из немногих во всей Диканьке, кому Гоголь может довериться в борьбе с колдовскими силами зла.

Съёмочный процесс проходил осенью и весной в посёлке городского типа Михайловском и городке Изборске – в Псковской области. В лесу, для кино построили деревню. А интерьеры «средневекового замка» снимали в Санкт-Петербурге, в знаменитом особняке Кельха. Работа над фильмом: написание сценария, подбор актёров и сами съёмки, – длилась три года.

Герой Сытого Яким появляется на экране едва ли не в каждой второй сцене. «Он по всем характеристикам, ну, как ...папа, – характеризует героя актёр. – Ведь Яким, по сценарию, находится при Николае Васильевиче с самого его рождения, заботится о нём с пелёнок... Стараются уберечь его от неверных, в своём понимании, действий».

Рецензент отмечал, что «для крепостного он (Яким-Сытый) слишком много позволяет себе – спорит с барином, ворчит на него. Проявляя заботу, ведёт себя часто не как слуга, а как более старший и мудрый товарищ, дядюшка, или, действительно, папа...»

А Сытый считает, что он так и хотел его сыграть с самого начала, что и совпало с задумкой режиссёра: «Образ, можно даже сказать, будто для меня и был придуман. Я это почувствовал ещё до кастинга, который прошёл на одном дыхании. Мне ничего не пришлось додумывать и доделывать, оставалось только играть».

Исступлённым сторонникам классики фильм, может быть, и не понравился. Чтобы принять такого «вольного» Гоголя, нужна фантазия, чувство юмора, чтобы не придирааться, например, к замочкам-молниям на сапогах героев, как это сделали некоторые зрители. Но актёр Евгений Сытый с ними не согласился:

– Да, в костюмах, и во многом было много условностей. Однако главное – действие и характеры, под которые и подбирали грим, одежду. Так, нашего Гоголя оставили без знаменитого носа его прототипа. Или, к примеру, следователь Гуро – выделяется ярко красным пальто. (Вряд ли такие носили в ту пору). У моего Якима всё просто, по-мужицки: тулуп, сапоги.

Кстати, курьёзы всё же были. В первый сезон съёмок (а снимали сериал «Гоголь» две осени подряд) Яким-Сытый щеголял в настоящих сапогах с клёпками. А во втором сезоне тех сапог костюмеры уже не нашли, обули его в то, что было.

– Для меня сценарий был шикарный, – делился своими мыслями Евгений Сытый в интервью одному из кемеровских СМИ накануне премьеры фильма в Кузбассе. – Поэтому я стремился попасть в этот проект. Ведь это мистика, история, Гоголь! Я пришёл на съёмочную площадку и просто был шокирован тем, что специально для этих съёмок была построена деревня Диканька. Грим и костюмы тоже впечатлили. Да и сама атмосфера на площадке была какой-то особенной. Испытывал, конечно, огромное удовольствие, интерес. Всё это для меня было в первый раз, каждую минуту, каждую секунду я получал удовольствие от процесса. Знаете, такое чувство, как будто переместился на машине времени назад, лет эдак на 150.

Что скрывать, он давно мечтал попасть в такую классную историю – с такими известными партнёрами и такой ролью. «Больше всего я, конечно, взаимодействовал с главным героем. Сашка Петров хороший человек и актёр, с ним легко работать», – отмечал он.

Евгений вспоминает, что самой волнующей для него стала сцена с эпизодом, когда они ехали в Диканьку на лошадях, и он очень боялся свалиться с брички. Дороги-то просёлочные, с кочками и ямами. После съёмок этого эпизода на руках и ногах у него были синяки.

Или вот ещё. В одной из серий была сцена похорон Гоголя. Там артисты: Яким, доктор, кузнец, – плачут над гробом. Но на съёмочной площадке, во время съёмок этой сцены, все почему-то смеялись до колик, до слёз. Вот эти «слёзы» и снимал оператор...

«Российская газета» писала:

«Гоголь. Начало» собрал деньги, которые его создателям не снились – почти 500 млн. рублей. Стратегия выпуска оставшихся серий «Гоголя» тут же была пересмотрена... Биография Гоголя предстаёт перед нами в виде бульварного гиньоля, викторианского ужасика, сделанного нарочито варварскими методами. Литературный код гоголевской прозы не имеет почти ничего общего с визуальным кодом сериала, на ней базирующегося. Этот визуальный код родом если не из современности, то из той эпохи, которая говорит с посетителем кинотеатров на понятном языке. Удивительно, конечно, что никто не додумался повернуть эту операцию раньше – тем более с Гоголем...»

Особо хочу подчеркнуть, что артист Евгений Александрович Сытый появился также и в последующих частях «Гоголя»: «Гоголь. Вий» (2018), «Гоголь. Страшная месть» (2018) и «Гоголь» (2019).

Российский сериал «Гоголь» не раз номинировался и побеждал на фестивалях. Например, победил на престижном мировом фестивале, принимающем самое разнообразное кино и видеопродукцию, – американском фестивале Accolade Global Film Competition, в номинации Award of Excellence (За выдающиеся достижения) – за выдающийся кинематографический уровень картины. Жюри

отметило «захватывающую сюжетную линию, прекрасную операторскую работу и невероятно достоверные спецэффекты».

Ну, и ещё хочется сказать о приключенческой короткометражке режиссёра Руслана Братова «Лалай-Балалай», снятой в 2017 году, где тоже сыграл Евгений.

Сюжет такой: ресторан закрывается, а герою фильма по имени Олег Маратович хочется праздника. Увлекая за собой своих подчинённых, уже не способных сопротивляться его обаянию, он отправляется на поиски приключений. И они, пьяные, попадают на крутящуюся карусель, которая не может остановиться. В тот момент, когда грань между отвагой и слабоумием оказывается окончательно стёрта, эта история в буквальном смысле закручивается совершенно неожиданным, достаточно комедийным, образом.

Однажды в интервью газете города Берёзовского «Мой город» Евгений сетовал: «Мне хотелось бы проявить себя в кино в комедийном амплуа. А меня снимают в основном в драмах, в лучшем случае в трагикомедиях. А я – комик».

И вот теперь он очень правдоподобно исполнил одну из комичных «пьяных» ролей.

Герои фильма забираются на карусель, становятся, прислонившись спинами к лепесткам барабана, плечом к плечу, как солдаты в бою, и вращаются, вращаются, вращаются... Маленький мальчик, который вместе с мамой видит их, хочет быть «как дяди». «Вырастешь, будешь», – отвечает мама спокойно и где-то даже одобрительно.

– Предыстория была такая, – вспоминал позднее Сытый. – Во время гастролей театра в Томске как-то после спектакля я, Павел Ворожцов и Руслан Братов вышли на улицу, разговаривали, делились идеями, и родился сюжет: друзья после ресторана пускаются во все тяжкие. Кульминацией становится катание на карусели в парке.

Завести – завели, а остановить не получилось.

Только ещё сильнее раскрутились. Так и катались они всю ночь. Едва не погибли. Но закончилось всё хорошо. Вот такой лалай-балалай... Сами придумали, сами и сыграли. За плату работал только оператор. Продюсировал проект известный актёр Григорий Добрыгин. Результат у фильма неожиданный и приятный – сразу две больших премии...

– Мне всегда очень важно – что и кого играть, – подчёркивал Евгений. – Просто мне почти всё время везло: режиссёры «попадали» в меня, я «попадал» в роли. Конечно, были и «непопадания» – пару-тройку раз. В одном случае сценарий мне категорически не понравился.

В другом – люди, предложившие роль, оказались необязательными.

И когда они сначала нарушили все договорённости, а потом всё-таки перезвонили, я был уже далеко и от места съёмок и от роли. А однажды не справился с ролью фашиста – как не давался немецкий в школе, так и до сих пор... А самое точное попадание было, конечно, у Хлебникова – семь ролей сыграны в его фильмах...

Последняя его киноработа – в комедийном сериале «Товарищ майор», режиссёр которого опять старый друг – Борис Хлебников. В первом сезоне сериала Сытый исполнил одну из главных ролей.

В центре истории – некий майор ФСБ из отдела прослушки. Долгие годы он был частью государственной машины, не задавал лишних вопросов и делал своё дело. Дожив до 50 лет, вдруг понял, что люди – добрые, слабые и беззащитные. Они нуждаются не в слежке, а в помощи. И тогда он начинает появляться там, где его не ждут, и «причиняет добро» несмотря на то, что никто его об этом не просит. Вот такое кино. Съёмки его завершились в 2021 году, но фильм ещё в производстве. Жаль, что сам Евгений его уже не увидит...

7.

Удивительно полнокровной творческой жизнью живёт все эти годы Евгений Сытый. И как говорится, «кино – это кино», но про театр он не забывает. Ведь театр – его судьба! В кемеровском театре-студии «Ложа» он продолжал активно работать до 2014 года.

Тот год вообще был каким-то особенным в судьбах многих людей. По мнению метеорологов, стал самым жарким за всю историю метеонаблюдений в мире. В России он шёл под знаком Года культуры. Был Годом российской культуры в Великобритании. Годом науки Россия – Европейский Союз. 18 марта – состоялось воссоединение Крыма с Россией. В этом же году заключили договор о создании Евразийского экономического союза.

Ещё одна дата года – столетие начала Первой мировой войны... Именно с этой датой связаны перемены в театральной судьбе Евгения Сытого.

Александр Молочников, актёр, ставший самым молодым (в 22 года) режиссёром Московского художественного театра имени А. П. Чехова, в качестве режиссёрского дебюта задумал поставить спектакль под названием «19.14».

«Сегодня, оглядываясь на сто лет назад, страшно представить, насколько быстро развеялись иллюзии, когда вчерашние жители прекрасных европейских столиц попали на четыре года в окопы, где царили грязь, смерть и безумие, – писал о сюжете пьесы сам Александр Молочников. – Кажется, человечество постоянно забывает о том, что нет ничего страшнее войны, и в вечном стремлении её романтизировать раз за разом наступает на одни и те же грабли.

В спектакле мы рассказываем историю нескольких французских и немецких солдат. Их путь – от утопичных фантазий, фанатичного патриотизма, через взаимную ненависть и неизбежность истребления друг друга к полному опустошению, потере каких бы то ни было нравственных ориентиров, саморазрушению.

Но не думайте, что вам представят какое-то преисполненное дидактического пафоса историческое действо, лекцию о человеческой жестокости. История рассказана в жанре кабаре, хозяин тут – конференсье, единственная его цель – развлекать зрителей песнями и весёлыми историями, по крайней мере, до тех пор, пока...»

Так вот, в 2014 году Молочников пригласил Евгения Сытого в свою дебютную работу в МХТ. Они познакомились незадолго до этого на киносъёмках.

– Одним из кинопроектов с моим участием и с участием Александра стал сериал «Красные браслеты», который снимался летом 2014 года. Там-то и состоялось наше знакомство с Александром Молочниковым, – напомнил Евгений. – Мне, конечно, было очень приятно получить его приглашение. И довольно неожиданно. Хотя, не поверите, моя жена пару лет назад видела сон, что она едет на спектакль с моим участием именно в этот театр...

Начинающему режиссёру понравилась игра кемеровчанина, и он позвал его в свой первый спектакль. В итоге наш земляк подписал с театром контракт. Репетиции постановки заняли 41 день. На генеральном прогоне присутствовал сам руководитель МХТ имени А. П. Чехова, народный артист СССР Олег Табаков. Увиденное он одобрил и похвалил, высказал участникам спектакля несколько пожеланий.

Вообще постановка была очень благосклонно принята зрителями и критикой. 3 октября 2014 года, после предпремьерного показа Олег Табаков так выразил своё отношение к «19.14»:

«Мне хочется поддержать самую идею наших молодых (и не только молодых) актёров. Они вспомнили события вековой давности. В кабарежном жанре сочинили пьесу. Теперь-то известно, как из пустяков возникла кровавая мистерия, захватившая народы и континенты. Разве это можно забыть? Можно, к великому сожалению. Но для того и существует театр, чтобы напомнить. И кабаре для этой цели очень, мне кажется, годится».

Евгению Сытому в спектакле достались сразу три роли. Одна небольшая – эрцгерцога Франца Фердинанда, с убийства которого началась Первая мировая, а теперь начинается и спектакль. Вторая роль – тоже эпизодическая – француз, который уходит на войну. А вот третья роль: отца одного из немецких солдат, заставляющего сына-пацифиста идти на войну, – стала для Евгения в постановке основной.

– Отец, которого я играю, – сам бывший военный и воспринимает войну, как праздник и веселье, – прокомментировал актёр. – Сын же у него – полная противоположность: любит читать, а идти воевать вообще не хочет. Отец его убеждает, говоря, если сын не пойдёт воевать, то предаст всех предков. А когда сын всё же уходит воевать, за ним вслед отправляется и отец. Его появление для сына становится шоком. Он даже попросил своего друга нечаянно ранить отца, чтобы того отправили в лазарет, а потом домой, но всё получается по-другому...

В спектакле «19.14» Сытый играл ярко, темпераментно, талантливо. С этой постановкой МХТ проехал немало российских городов, артисты представляли его и в соседнем с Кузбассом Томске, и в родном Кемерове. Спектакль получил Премию «Звезда театра» – 2015, которая считается единственной российской наградой в сфере театрального искусства, обладающей статусом независимой премии, потому что её лауреатов определяет самое массовое жюри – зрительская аудитория. В 2016 году спектакль «19.14» вошёл в лонг-лист премии «Золотая

маска», став, по мнению экспертного совета, одним из самых заметных представлений сезона 2014-2015 годов.

В итоге, Сытый так «сросся» с Московским художественным театром, что с 2016 году стал постоянным членом его труппы.

В 2016 году в МХТ состоялась премьера спектакля режиссёра Виктора Рыжакова «Dreamworks* *Мечтасбывается». В нём – в стиле голливудского фильма – идёт разговор о вечных и простых человеческих ценностях: браке, любви, семье.

Евгений Сытый исполнил здесь роль Ламы Джона – буддийского ламы, который по происхождению является американцем. Режиссёр и актёрский ансамбль спектакля пытается «заставить» зрителя взглянуть на себя как бы со стороны, подумать о насущном и вечном. И если не услышать готовых ответов, то хотя бы задаться вопросами...

По силе мотивации спектакль Виктора Рыжакова равнозначен трём визитам к психологу, – высказался один из театральных экспертов.

Следующей заметной работой Евгения в МХТ стало участие в постановке рок-спектакля «Бунтари». Автор и режиссёр этого действия Александр Молочников так охарактеризовал представление:

«Бунтари» – рок-спектакль на исторические темы. Именно рок-спектакль: музыка идёт сквозной линией и скрепляет пёстрое зрелище, сознательно сотканное из самых разнородных элементов. В нём участвуют персонажи России, которые носят известные фамилии: Лопатин, Перовская, Нечаев, Пестель, Пушкин, Каховский. Но все они – порождение фантазии и действуют по законам сновидения. Декабристы, народовольцы, «Музыкальный ринг» эпохи Перестройки, русский рок и панк-культура, – хотелось всё объединить в своеобразный джем-сейшн, в импровизацию на тему бунтарства. Бунтарства – как жизненной позиции. Бунтарства безнадёжного и прекрасного. Бунтарства, идущего рядом с предательством. Когда-то народовольцы пошли в народ, разочаровались в нём и погибли, ничего не достигнув, – это одна линия нашего сюжета. Другая – рок-культура недавних 80-х – музыка бунтарей конца XX века, точно так же ушедших в небытие».

Понятно, что Женин талант, взращённый на «кавээновской» импровизации, на песнях группы «Склады», на сценарных принципах «Ложи», как нельзя лучше вписался в сюжетное действие такой постановки. В спектакле он, как никто другой, чувствует себя в своей стихии:

«Бунтари» построены на сплошных аллюзиях и реминисценциях: из русской культуры, литературы и истории. Всё переплетается в замысловатый, ироничный и смешной, грустный и страшный калейдоскоп...» Так и видится, что сам Сытый принимал участие в написании сценария...

Ещё один – с ролью Сытого – спектакль МХТ имени А. П. Чехова – «В. Ж.», выпущенный в свет в 2016 году режиссёром-постановщиком Ольгой Ворониной, собрал очень большое число откликов в прессе, что говорит о большом интересе к необычной постановке.

В её основе – первый вариант пьесы Максима Горького «Васса Железнова» («Мать. Сцены»). Также использованы произведения писателя: «Исповедь», «Жизнь Клима Самгина», «Мои университеты», «Фома Гордеев», «Жизнь ненужного человека».

Вопросы, поставленные автором написанного более ста лет назад произведения, актуальны и сегодня. И их, как говорится, не счесть. Что необходимо, чтобы в семье царили любовь, взаимопонимание, порядок? Что правильнее: оберегать близких, решая их судьбу, или дать им возможность идти своим, возможно, неверным путём? Как случается, что родительская любовь пожирается эгоизмом? Почему женщины и мужчины теряют свою природную суть? Что безвозвратно утрачивают люди, отрываясь от земли?

Евгений Сытый, в лице своего сценического героя Михаила, вместе с коллегами по сцене пытается дать на них ответы. На примере истории распада одной семьи они показывают разрушения более глобальные. Эта постановка – разговор-размышление, в котором принимает участие и публика.

В одной из рецензий удалось найти впечатление самого героя нашего очерка от этой работы: «Интересно, когда репетируешь пару недель, а потом показываешь коллегам. В итоге все так увлеклись и вдохновились, что спектакль, вошёл в репертуар, приобрёл поклонников. Многие приходят смотреть нас снова...»

«За полтора года существования «В. Ж.» вокруг Вассы (актрисы Евгении Добровольской) собрался идеальный актерский состав – те, кто уже не мыслит себя без этой уникальной постановки: Игорь Хрипунов, Ксения Теплова, Николай Ефремов, Евгений Сытый», – отмечает один из театральных критиков.

Ещё одна роль, вернее, сразу несколько ролей Сытого на сцене МХТ – в спектакле-утопии «Светлый путь. 19.17».

«Сейчас репетирую в постановке Молочникова «19.17. Светлый путь», – писал Евгений Сытый друзьям в Кемерово осенью 2017-го. – Это аллегория, посвящённая 100-летию революции. В её основе роман-утопия Платонова «Чевенгур». У меня роль кухарки...» Хотя в ходе развития сценического действия постановки Евгений то становился кухаркой, то физкультурницей, то солдатом, Чевенгуром...

Премьера состоялась в ноябре этого же года и была воспринята поклонниками театра и режиссёра очень неоднозначно...

В полукруглый портал мхатовской сцены постановщики «вписали» перевёрнутый купол – как бы символическую воронку, втягивающую в себя события и судьбы. По бокам вздымаются к колосникам «этажерки», каждая «полка» в нужный момент становится мини-сценой...

«Собственно пьеса представляет собой серию скетчей (коротких зарисовок), – читаем в газете «Известия» – Диалоги бедны и предсказуемы. Персонажи лишены «речевого лица» – если отдать речи Владимира Ильича (Ленина) Надежде Константиновне, никто ничего не заметит. Говорят много, быстро, порой невнятно, однако словесная бедность компенсируется остроумными пластическими характеристиками и драйвовым темпоритмом целого.

...25-летний режиссёр с шутками-прибаутками расстаётся с мифами столетней давности. Да и к худруку МХТ Олегу Табакову претензий быть не может. Он уже пояснил сомневающимся, что «спектакль – поколенческий. Содержательно, и формально представляет в современном искусстве тех, кого иногда называют «непоротым поколением».

А вот мнение журнала «Театрал»:

«...Сюжет выглядит в спектакле схематичным. Режиссёр старался вместить в свою эпопею слишком многое: возвращение солдат с Первой мировой, уплотнение и высылку буржуев... борьбу с троцкизмом, репрессии... Беглость изложения обрекает спектакль на плакатность. И это, с одной стороны, вполне соответствует эстетике революции, говорившей с народом шершавым языком плаката, шествий и физкультурных маршей – эффектные массовые сцены в постановке тоже имеются. Но, с другой стороны, это лишает спектакль глубины и превращает его в набор остроумных скетчей. У Молочникова масса интересных находок, приёмов, художественных цитат и аллюзий, но всё так или иначе сводится к ироничному стёбу».

Думаю, что привередливость критики не повлияла на таланты героя нашего повествования. Ведь иногда и большие театры в поисках новизны «опускаются» до некой студенческой сцены. И... нередко оказываются правы.

Недаром же художественный руководитель «Ложи» и актёр Сергей Наседкин однажды подчеркнул: «Многие кемеровские профессионалы нас считают ненастоящим театром и всерьёз не воспринимают. Но нам это неважно. Мало кого из актёров кемеровских театров пригласили сниматься в кино или поработать в МХТ имени Чехова. А наш Сытый, горняк по образованию, там работает. Зрителей всегда поражало в нём то, насколько он глубоко вживается в любые роли...»

8.

«Я знаю, что знаю многих меньше,
Но лишь у незнающего вера сильна.
И то, что казалось ненужным – нелишнее,
Но необходимое – страшная кара».

Евгения Сытого не стало 16 марта 2022. Ему было всего 52...

Последние два года актёр очень болел, но продолжал работать, даже когда было уже нелегко. «4 ноября 2021 года он вышел на сцену в последний раз, играл спектакль «№ 13D». В тот вечер из театра его увезла скорая, как оказалось – навсегда, хотя нам всем хотелось верить в чудо», – отмечают коллеги.

Печальной новостью поделился Александр Молочников: «...Наш любимый Женя Сытый несколько лет болел, а полчаса назад ушёл... Мы безумно любим тебя, Женька. Когда будут силы, попробую написать побольше, ты дал этому море поводов. Живи вечно, даже если бы мы захотели, мы бы никогда не смогли забыть. Самый яркий и уникальный Сытый в мире...», – написал в соцсети Александр Александрович.

Евгений Гришковец:

«Это был артист абсолютного, могучего, народного дарования. Дарование огромное. ...Всё, что Женя ни сделает – обаятельно. Он может в течение съёмочного дня предложить 50 вариантов. Он артист, идеями фонтанирующий, но может сыграть что-то удивительное и не заметить этого, не запомнить. Сытый очень естественен и в жизни, и в кино. Он документален. Он будто не замечает, что рядом стоит камера. То же и на сцене – будто нет никаких зрителей. То же и по отношению к ролям – он очень чувствует текст. Не думаю, что стоит делать из Сытого только народного персонажа. Ведь и Леонов лучше всего прозвучал в несвойственном материале – «Старший сын», «Слёзы капают», «Мимино». С Сытым то же самое. Если ему Эдгара По дать – тогда да, он может быть очень даже драматичным. ...Единственный, с кем его можно было бы сравнить, это народный артист СССР Евгений Леонов».

«Он никогда не учился на артиста, просто был им – талантливым, обаятельным, абсолютно бесстрашным», – говорится на сайте МХТ имени А. П. Чехова.

Ещё хочу добавить информацию о наградах, которых – за талант и трудолюбие – артиста удостоила Кемеровская область. Это – орден «Доблесть Кузбасса», серебряные медали «За веру и добро», «За служение Кузбассу», «70 лет Кемеровской области»...

– Я счастлив! – признавался Евгений Сытый (Костюков). – Я очень счастлив оттого, что в моей жизни случился театр, состоялось кино...

Axis mundi или Ось мира Валерия Макаровича Кимеева

Наверное, он мог бы сам ответить на мои вопросы: за что безрассудно любил свою работу? Чем его так очаровал наш Кузбасс, что он – учёный с мировым именем – так и не уехал в столицу? Чем, наконец, привлекательны проблемы этногенеза и этнической истории Южной Сибири и Монголии, изучению которых он посвятил всего себя?

Теперь этого уже никогда не удастся сделать. И придётся самому докапываться до сути.

Конечно, я знал, что в Кемерове живёт и работает такой замечательный человек, большой учёный, с которым надо обязательно познакомиться не шапочно, как это было, а ближе. Ближе, чтобы понять, узнать, оценить – при жизни. А ведь меня звали: «Поедем на Томскую Писаницу – там сегодня Кимеев будет рассказывать о своей экспозиции в музее-заповеднике...» Или: «Давай отправимся в Тюльберский городок к Валерию Макарычу...»

Сейчас уже поговорить не получится... Поистине: «лицом к лицу лица не увидеть...» Остаётся позавидовать, что многим моим коллегам-журналистам повезло больше.

– Более ста научных трудов и книг вышли из-под его пера и некоторые есть у меня, – грустно хвалится бывший телерепортёр ГТРК «Кузбасс», а ныне – жительница Новосибирска Люба Иванова. – Не будучи историком, тем не менее могу оценить его мысль, излагаемую понятным и увлекательным языком.

Для неё Валерий Макарович по-прежнему жив как собеседник, с которым можно погрузиться в странствия мысли по весьма удалённым от нас эпохам.

«Можно было бы назвать его капитаном машины времени, – фантазирует она. – Но с уточнением, что эпохи далёкие он способен приблизить до уровня руки касания. До возникновения понимания, что они живые и мы – их продолжение. Жизнь – долгая и краткая – досталась Кимееву. Долгая по делам, краткая по тому, что он ещё мог бы... впрочем, он всё отдал нам, что мог!»

I.

Валерий Макарович Кимеев – советский и российский историк, этнограф, музеевед, специалист по истории и культуре тюркоязычного населения Кузнецкого Алатау и Притомья, Сибири и Монголии, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, автор многочисленных работ по истории и этнографии Притомья и Горной Шории, создатель нового направления в российском музееведении – экомuzeологии, целью которого является сохранения культуры аборигенов в естественной природной и социальной среде.

Он родился 21 октября 1952 года в селе Устюжанино Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

Давно замечено, что у подавляющего большинства нормальных людей любовь к родине возникает с детства. Простой деревенский мальчишка, он с удовольствием учился в обычной школе, любил бывать со сверстниками на природе, ходить в лес и на реку, жечь костры, собирать грибы и ловить рыбу.

После окончания восьми классов, в 1967-м, по совету взрослых, Валера поступил в Ленинск-Кузнецкий горный техникум. Когда получил аттестат о полном среднем образовании и диплом горного техника – электромеханика, даже три месяца поработал на одной из шахт Кузбасса подземным горным мастером.

В 1971-м его призвали на срочную армейскую службу, которую проходил в морской авиации Тихоокеанского флота. Также окончил офицерские курсы, и ему присвоили звание младшего лейтенанта.

Из рядов Советской армии на «гражданку» Кимеев вернулся с другими мыслями о собственной судьбе: принял самостоятельное и твёрдое решение – поступить в Ленинградский государственный университет.

Как у человека, отслужившего в армии, у Валерия были льготы при поступлении. Но, в 70-е годы спрос на высшее образование в СССР был очень высок. Число желающих учиться в ЛГУ было огромным, университет пользовался такой большой популярностью, что конкурс абитуриентов на одно студенческое место просто зашкаливал. Даже льготы не давали стопроцентной гарантии...

Ему подсказали, что гарантированное зачисление без вступительных экзаменов возможно, если подать документы на подготовительное отделение – его в народе именовали «рабфаком». И 1 декабря 1973 года Кимеева зачислили слушателем подготовительного отделения геологического факультета Ленинградского университета. Ему пришлось почти год проучиться на этом «рабочем факультете». Однако, когда он окончил рабфак, то передумал и «зачислился» на дневное отделение исторического факультета ЛГУ.

Уже на первом курсе потребовалось выбрать узкую специальность. И тут Валерию очень повезло, его заметил известный этнограф, заведующий кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ, профессор Рудольф Фердинандович Итс, именно он сориентировал первокурсника на изучение культуры коренного населения Кузбасса и стал его научным руководителем.

Так у Кимеева начались многолетние исследования шорцев, проживающих на юге Кемеровской области.

Валерий Макарович не раз отмечал, что студенческие годы считает самыми лучшими в своей жизни. Учился с интересом, даже – со вкусом. Летом с однокашниками с удовольствием ездил в экспедиции по Карачаево-Черкесии, Дагестану, Хакасии, Алтаю и Горной Шории. Какие замечательные были времена!

На кафедре у Рудольфа Фердинандовича он проходил специализацию по этнографии. Профессор заразил – в хорошем смысле слова – Валеру Кимеева, увлёк своей профессией.

Кстати, профессор Итс имел неплохое представление о Кузбассе, где в годы Великой Отечественной войны ему пришлось поработать – сначала на шахте, потом на заводе. А став учёным, он занимался изучением культуры народов Китая, Южной Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, постоянно ездил со студентами в полевые археологические экспедиции, часто вёл раскопки в соседних с Кузбассом Туве и Красноярском крае. Стал автором вузовских учебников и многочисленных научных работ. Возглавляемая им кафедра этнографии и антропологии ЛГУ, им же и была создана, что называется, с нуля. Профессор часто читал лекции студентам вузов в Новосибирске, Иванове, Кемерове, Иркутске, Омске, Томске. Около 40 его выпускников стали кандидатами и докторами наук. Среди них и наш Валерий Макарович.

Встреча и общение с таким увлечённым любимым делом человеком предопределили научную судьбу нашего земляка. Но – не сразу. В ЛГУ Кимеев получил не только специальность этнографа, но и преподавателя истории.

В советские времена для выпускников вузов рабочее место было гарантировано. Дипломированных специалистов по распределению направляли на три года на работу – туда, где они были нужнее. В 1979 году, после окончания ЛГУ, получил такое направление и историк Кимеев. По распределению он преподавал свой предмет в сельском среднетехническом училище посёлка Елизаветино Ленинградской области, по сути, работая учителем. И опять ему помог профессор Итс: позвонил в Кемерово заведующему кафедрой археологии КемГУ Анатолию Ивановичу Мартынову и попросил взять на работу своего выпускника.

II.

1 февраля 1980 года Кимеева приняли сначала старшим лаборантом Научно-исследовательского сектора КемГУ, а в январе 1981-го перевели на должность младшего научного сотрудника НИС.

Длинными «учительскими» вечерами он не раз обдумывал этот шаг, выстраивал в голове план того, как развернёт дело, которым очень хотелось заняться глубоко и всерьёз.

Молодой сотрудник Кемеровского универа с энтузиазмом приступил к работе: по несколько месяцев в году проводил в экспедициях, занимался изучением этногенеза и этнической истории шорцев, собирал артефакты и сведения об их традиционных занятиях и быте, обычаях и верованиях. После этого – делал сообщения на семинарах, показывал снятые летом фильмы, слайды, экспонаты, собранные для университетского Музея археологии и этнографии. Устраивал со студентами театрализованные представления.

Ведь ещё во время первой экспедиции в Горную Шорию в 1976 году студента ЛГУ увлекла практика изучения шорцев – малочисленного тюркоязычного народа, проживающего в предгорьях Северного Алтая, в верховьях Томи, на территории Хакасии и юга Кемеровской области. Именно тогда он буквально влюбился в Горную Шорию. И эту юношескую увлечённость пронёс до конца своей жизни (неслучайно завещал похоронить его в любимом шорском посёлке Усть-Анзас, откуда начались его научные изыскания).

На истфаке КемГУ приход преподавателя Кимеева сразу стал заметным явлением. Вот как об этом вспоминает один из его учеников – доктор исторических наук, профессор, директор московского Института этнологии и антропологии РАН Дмитрий Анатольевич Функ:

– Мое общение с Валерием Макаровичем началось со студенческих лет, затем продолжилось в аспирантуре и – на протяжении всех последующих лет. С появлением в 1980 году Валерия Макаровича на истфаке в Кемеровском университете, по выражению студентов, «началась движуха»: то он пытался организовать кружок этнографии, то мы старались добывать разными путями этнографическую литературу. И находили! Что-то было связано с музейной деятельностью, что-то – с экспедициями.

Это была не та литература, которую мы имеем сейчас, это была другая этнография. Книг по ней не было вообще. Никаких! Благодаря его усилиям в музее КемГУ появились шкафы с микрофильмами и микрофишами (копиями плоских оригиналов документа, изготовленных фотографическим способом в виде микроформы на прозрачной форматной фотоплёнке). Ванна была наполнена фотографиями книжных страниц, которые мы потом переплетали в книги...

– Позже я пришёл к выводу, – продолжает Дмитрий Анатольевич, – что это было не беспорядочное броуновское движение, это были те направления, которые я потом неосознанно пытался задействовать, когда работал в МГУ. Кимеев всегда был уверен: «Если ты не будешь общаться со студентами, неважно в какой форме, у тебя ничего не получится. Если это не будет связано с научной работой, не будет экспедиций – тоже ничего не получится».

Именно во время первых экспедиций по Горной Шории созревала в его сознании мысль о том, что необходимо сохранять этнографическую самоидентичность малых народов – через создание музеев под открытым небом. Но одновременно он настаивал на необходимости их достойной социализации в быстро меняющемся мире. Свою основную задачу учёный видел в том, чтобы помочь малому народу не забыть свою культуру, не раствориться в других народах. Именно Кимееву принадлежит наконец-то найденный ответ на вопрос: «Шорцы. Кто они?»

Интересные факты: в 1985 году молодой преподаватель КемГУ Кимеев поддержал шорскую интеллигенцию – в создании фольклорно-этнографического ансамбля «Чылтыс» в Таштаголе, стараясь возродить в коренном народе забытые традиции, инициировал проведение шорского праздника «Ольгудек Пайрам» на горе Мустаг.

Через пять первых лет работы в КемГУ, в 1986-м, Кимеев защитил диссертацию «Шорский этнос. Основные этапы формирования и этническая история, XVII–XX вв.» – на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности «Этнография, этнология, антропология».

Защита прошла в Ленинградском отделении Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. И по её результатам Валерий Макарович издал монографию «Шорцы. Кто они?» Эта книга с дополнениями была переиздана в 1989-м и в 2016-м. Интересно, что она до сих пор пользуется популярностью как среди специалистов-учёных, так и у представителей самого шорского народа.

После защиты кандидатской диссертации – 4 июня 1987 года – аттестационная комиссия КемГУ перевела его на должность старшего научного сотрудника НИС. Заслуги Кимеева начали признавать в учёном мире. Его приглашают на областные, всесоюзные и зарубежные научные конференции, его исследования широко публикуют солидные издания. А он, по-прежнему, прост и доступен в общении, открыт для коллег и учеников.

В память Дмитрия Функа запало: «Была такая небольшая прихоть у учёного – он не любил, когда его называли по имени, говорил, что ему привычнее – Макарыч или Кимеев, на крайний случай, Валерка. Вот таким он был: непритязательным в быту, увлечённым своим делом, принципиальным и несговорчивым, если это касалось исторической и научной правды, не всем удобным и не всеми любимым, но в итоге – великим учёным современности...»

В итоге у В. М. Кимеева за 40-летнюю научную деятельность вышли сотни печатных работ. Его научному «перу» принадлежат около 200 (!) книг, брошюр, научных публикаций, включая 17 монографий и учебных пособий по музеологии и этнографии аборигенов и русских Сибири.

Целый ряд его научно-популярных книг – это яркие и вдохновенные рассказы о нелёгкой работе этнографов, об обычаях и традициях народов Кемеровской области.

III.

Горная Шория стала его вечной любовью...

Он снова и снова ездит туда в экспедиции, разговаривает с аборигенами, ведёт обширные записи и делает фотографии этих встреч, анализирует и размышляет. Создаёт свои научные произведения. Большинство его книг написаны хорошим литературным языком, читаются, как научно-исторические бестселлеры.

В его последней прижизненной и, пожалуй, самой значительной книге «Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки» (Кимеев, В. М., Копытов, А. И.: монография. – Кемерово, 2018), переизданной в 2020 году и ставшей большим, хорошо иллюстрированным фолиантом объёмом 600 страниц, он делится с читателями выводами главных разысканий всей своей жизни.

В первую очередь, именно об этом он рассказывает на презентациях этого издания, которые прошли в библиотеках Кузбасса. Валерий Макарович подчёркивал, что, по сравнению с предыдущими опубликованными исследованиями, именно в этой книге «впервые систематизированы накопленные за полвека материалы об археолого-этнографических и сакральных природных памятниках Горной Шории. Подробно проанализированы этногенез, этническая история, традиционно-бытовая культура шорцев, и богато представлены ранее не опубликованные фотографии. Впервые определены этапы промышленного освоения территории (золотые прииски и горнорудное дело) и намечены перспективы дальнейшего развития этого горно-таёжного края».

Знакомишься с книгой, и видишь: Кимеев не был кабинетным учёным, минимум треть года он проводил в экспедициях, вживался в традиции, в материальную и духовную культуру аборигенов Сибири, коренных народов Кузбасса.

«Официальный этноним (название) «шорцы» закрепился у потомков тюркоязычных родов (сёоков) верховьев Томи только к концу 1920-х годов, – читаю я в предисловии к данной книге. – До этого времени он употреблялся как самоназвание одного из довольно разветвлённых родов шор, проживавшего в верховьях реки Кондомы.

Общим самоназванием всех групп современных шорцев в настоящее время является «татар-кижи» (на шорском языке) или «шорцы» (на русском) ...»

В ходе многолетних исследований Кимеев кропотливо собирал и изучал археологические, исторические, этнографические данные, касающиеся шорцев. Систематизировал историографию, проследил происхождение (этногенез), культуру этого народа, бытовую и духовную.

Как никто другой, он показал всем нам, как современная жизнь влияет на население Горной Шории. И это влияние, по Кимееву, не всегда идёт на пользу...

Больше него о Шории и шорцах во всей России не знал никто. Кимеев исследовал всю их подноготную. В том числе и то, как шорцы добывали и обрабатывали руду, золото.

– Шорцы ведь тоже участвовали в горнорудном деле, но они не были большими начальниками в горном деле. Описаны этапы развития рудной базы. С картинками, с материалами. Ну и перспективы описаны», – рассказывал о книге Валерий Макарович.

Вообще-то материалов о Горной Шории и её жителях издано немало и другими авторами. Но – ни одного труда, кроме «кимеевского», который охватывал бы всю историю шорского края, до этого не выходило.

Сам Валерий Макарович отмечал, что уже три поколения шорцев мыслят не на родном языке, а по-русски. К тому же многие из них знают историю собственного народа только из книг:

– У них есть талантливые люди – певцы, барды, поэты и поэтессы. Однако некоторые шорские «вожди» не соглашались со многими моими положениями, потому что я их сильно не хвалю, не восхищаюсь. Но это нормальное явление, что они ассимилируются, что-то возрождают, что идёт этнокультурное заимствование.

Сегодня его коллеги и ученики заявляют, что именно Кимеев по-настоящему «открыл» шорцев и представил их миру. Именно он установил, откуда они «есть пошли».

Его изучение истории шорцев было неразрывно связано с исследованием многих народов, проживавших и кочевавших в Сибири – на территории Хакасии, Красноярского края: томских татар, остяков, кетов, тюльберов, телеутов, теленгитов, хакасов, джунгар. Особое место занимало изучение наследия монгольских этносов, проживающих в приграничных с Российской Федерацией регионах Западной Монголии. Эти народы также входили в сферу исследовательских интересов Валерия Макаровича.

Дмитрий Ушаков, сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, отмечает, что само название будущему единому народу «шорцы» дал русский немец – академик В. В. Радлов. «В дальнейшем это название закрепилось навечно в официальном списке народов СССР. Но именно Кимеев настоял на том, что обозначение народа именно как «шорцы» было сформулировано учёными и закреплёно политическими деятелями советской власти за коренными жителями данного региона.

Это открытие Валерия Макаровича и сам вывод, что шорцы как самостоятельный народ сформировались только в 20–30-е годы XX века благодаря советской власти, был достаточно неординарным, смелым и направленным против возможных националистических настроений и либеральных толкований истории шорского народа».

Ещё в 80-е годы прошлого столетия дело шло к тому, что шорский народ может навсегда забыть свой язык. И во многом лишь в постсоветский период, лишь огромными усилиями таких учёных, как Кимеев, начался «этнокультурный ренессанс», подъём национального самосознания.

Вопросы возрождения национального языка и общей шорской культуры постоянно волновали Валерия Макаровича. Он прекрасно осознавал, что в современных условиях эти проблемы сложно решаемы. Нехватка средств, прекращение преподавания шорского языка, закрытие сельских школ, сокращение спроса на знание языка у шорской молодёжи ухудшали положение народа. Чтобы преодолеть эти проблемы, нужен целый комплекс мер, – считает учёный.

В их числе и такие: «Успешным и постоянно развивающимся направлением можно считать создание этнокультурных обществ и музеев, проведение традиционных праздников при поддержке местных властей», – уверен Кимеев.

Этому движению и практике создания целой череды музеев Валерий Макарович посвятил в дальнейшем многие годы своей жизни.

IV.

16 февраля 1988 года вышло Постановление Совета Министров РСФСР о создании в Кемеровской области многопрофильного музея под открытым небом «Томская Писаница». Во главе музея-заповедника встал профессиональный этнограф, кандидат наук Валерий Кимеев (в последствии он перешёл на должность заместителя директора «Писаницы» по научной работе).

Скала с рисунками древних людей на берегу Томи – на территории современного Яшкинского района – была открыта ещё на рубеже XVI-XVII веков. Хотя самым наскальным изображением на ней уже несколько тысячелетий. На протяжении сотен лет Писаница привлекала к себе внимание исследователей.

На скальном массиве изображено около 300 рисунков, самые ранние относятся к эпохе неолита и сделаны в IV-III тысячелетии до нашей эры. На каменном склоне высечены фигурки птиц и зверей, изображены различные ритуалы. Упоминания скалы и отображения содержатся в трудах известных учёных и путешественников XVII-XIX веков Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Г. И. Спасского. В 60-70-х годах XX века изучение томских петроглифов продолжили советские исследователи А. П. Окладников, А. И. Мартынов, В. В. Бобров, Ю. М. Бородин, Э. И. Биглер.

Наука, как говорится, сделала своё дело: учёные помогли современникам понять смысл жизни и мировоззрение древних. Но оградить памятник от естественного разрушения, а, главное, от вандалов, они были не в силах. Писаница была незащищённой. К тому же там находилась геологическая база политеха. Студенты, да и просто «дикие» туристы без конца оставляли возле древних петроглифов свои автографы.

В 1960-е годы своеобразным штабом по спасению скалы стала группа учёных, преподавателей и студентов-историков под руководством профессора КемГУ Анатолия Ивановича Мартынова. В 1980-е в этот штаб вошёл и Кимеев.

– По сути «Томская писаница» стала первым в Сибири и стране музеефицированным памятником наскального искусства, – с гордостью подчёркивает академик РАН Анатолий Иванович Мартынов.

Чтобы решение правительства республики состоялось, потребовались многолетние усилия десятков людей, отдавших годы на изучение и охрану всемирно известного памятника первобытного искусства.

– История создания музея-заповедника полна драматизма и удивительных, почти магических, событий, – вспоминает «экс-министр культуры Кузбасса», бывший директор департамента культуры администрации Кемеровской области Владимир Иванович Бедин. – Идея создания федерального предприятия «выковывалась» несколько десятилетий. Когда в 1984 году меня назначили начальником

управления культуры Кемеровского облисполкома, – я на этом посту сменил легендарного Иосифа Лазаревича Курочкина.

Наводя порядок в сейфе предшественника, Владимир Бедин обнаружил там многостраничный фолиант, посвящённый Писаным скалам. «Вот, мечтал создать там огромный музей, – отвечая на вопрос Бедина об этой рукописи, сообщил Курочкин. – Попробуй ты! Ведь такой музей Кузбассу очень нужен».

– Над этой идеей многие годы трудились профессор КемГУ Анатолий Иванович Мартынов и его жена Галина Семёновна, они даже в снах видели его, – вспоминает Владимир Иванович. – С чего начать непростое дело? Для начала мы с Мартыновыми решили пригласить в Кемерово «на рекогносцировку» музееведа Владимира Сергеевича Евстигнеева – начальника управления Министерства культуры РСФСР (позже он стал первым заместителем министра Минкульта). Он приехал майским погожим днём, поселили его в селе Колмогорово, на даче у Мартыновых. Провели его по всем весям будущего музея. Даже стоящий на приколе в реке Писаной старый теплоход показали, вот, мол, в нём тоже хотим разместить одну из будущих экспозиций. Обрисовали ему все наши планы, в которые уже тогда, кроме Писаных скал, входило создание будущих музеев в Горной Шории, в селе Беково...

Нужен был настоящий, основательный проект музея на Писаной. И помочь в его создании, – подсказал Владимир Евстигнеев, – нам могли только специалисты института «Спецпроектреставрация».

Одним из главных направлений этого московского института как раз и являются музеи-заповедники. Именно в этом учреждении разработаны проекты границ, зон охраны и схемы развития более 30 государственных заповедников и примерно столько же – исторических городов России. Среди них – Михайловское, Большое Болдино, Бородино, Куликово поле, Абрамцево, Шахматово, Тарханы, Поленово, Ясная поляна...

– В то время, когда мы обратились туда за помощью, подразделение института, которое возглавлял известный архитектор-реставратор Владимир Юрьевич Кеслер, работало над проектированием музея-усадьбы Льва Толстого в Ясной Поляне. Мы уговорили их, – говорит В. И. Бедин, – в первую очередь всё же решить нашу проблему. Навстречу нам пошёл и первый заместитель министра культуры РСФСР Александр Иванович Шкурко. Дал разрешение, чтобы в Кемерово выехали спецы из «Спецпроектреставрации». На месте будущего музея они провели геодезическую съёмку, рассчитали охранные зоны экомuzeя, выполнили генеральную схему его развития.

«Как так?! – удивлялся потом министр культуры России Юрий Серафимович Мелентьев. – Заявка от кемеровчан поступила позже, а проект им сделали раньше проекта Лесной Поляны!» – А секрет был прост, – улыбается Бедин. – Мы сумели заинтересовать проектировщиков – заплатили им наличными... Чтобы решить этот вопрос, к делу активно подключился бывший в то время заместителем председателя Кемеровского облисполкома Георгий Васильевич Корницкий. И у нас всё получилось!

Вот тогда и вышли на первое место такие качества Кимеева, как умение организовать людей, его цепкость и въедливость. Его решено было назначить первым директором «Томской писаницы».

– Он был молодой, энергичный, задиристый, умел устанавливать связи, работать со студентами, – позднее скажет о нём Владимир Бедин. – У него везде были «свои люди» – учёные Москвы, Иркутска, Хакасии, Красноярска, Монголии. Поэтому решили остановиться на его кандидатуре...

Работы было невпроворот. Музей начинали создавать на лесном берегу, где кроме известной скалы да прекрасного соснового бора ничего и не было. Кимеев с Мартыновым и единомышленниками начали с людей – выбрали коллектив, в команду звали тех, кто по-настоящему увлёкся новым делом.

Они и заложили основы музейной жизни «Писаницы» на много лет вперёд: утвердили охранные зоны, разработали генеральную схему развития комплекса. Провели топосъёмку местности, выполнили землеотвод, подготовили генеральный план. В результате разведывательных археологических экспедиций вниз по течению Томи сотрудники музея обнаружили новые наскальные рисунки... Всего не перечесть.

Кимеев часто вспоминал первые комплексные экспедиции для создания фондов «Томской Писаницы», изучения традиционной культуры русского и шорского – коренного населения Притомья. Рассказывал, прежде всего, своим студентам-ученикам о том, как было положено начало формированию этнографических экспозиций музея «Шорский улус Кезек» и «Русское сибирское село».

Сохранение культурного наследия в виде музеев под открытым небом, в состав которых включены недвижимые объекты этнокультурного наследия, – это материальная реализация давней мечты Валерия Макаровича. Такой музей, построенный по проекту Кимеева, создаёт реальное представление посетителя о том, как жили пращуры на земле Кузнецкой.

Общаясь со студентами или с представителями другой аудитории, он часто задавал свой главный вопрос: знает ли современное поколение историю своих предков? И принимался объяснять:

– Территория Кемеровской области заселялась в четыре этапа. Первый – аборигенный, люди жили на территории нынешнего Кузбасса с эпохи палеолита; второй – XVII-XVIII века – покорение земли воинственными народами, начинается строительство острогов. Третий этап – конец XIX-го – начало XX века. В это время территорию области заселяют вольные люди, причём не только русские, но и украинцы, чуваша, мордва. А четвёртый, последний этап, датируется XX веком. В Кузбасс приезжает народ для строительства шахт, заводов, дорог, городов, также – ссыльные немцы.

Каждый год его студенты пишут рефераты «Моя этничность», где рассказывают о своих предках.

«Согласно моим наблюдениям, те, кто приехал в Кемеровскую область в четвёртый этап, и сейчас заселяют Кузбасс. Эти люди строили новую жизнь, и им было не до традиций предков. К культуре относились не так трепетно. Событием

для них были концерты и демонстрации», – Кимеев, не стесняясь, подчёркивает, что его не утраивает такое равнодушное отношение к своему прошлому.

Может быть, удастся заинтересовать людей через знакомство с реальными экспонатами этнографического музея под открытым небом? И он создаёт на территории «Томской Писаницы» первую такую экспозицию из настоящих зданий и сооружений – «Шорский улус Кезек».

Где взять для такого музея настоящие экспонаты? Для Кимеева ответ на этот вопрос прост: в шорских посёлках. За годы экспедиций у него там появились сотни друзей, готовых ему помочь.

Например, в посёлке Кезек он выявил жилые и хозяйственные постройки, отражающие разные периоды развития традиционной культуры шорцев: дом русского типа, принадлежавший шорке Марфе Кисковой, юрта «сенек», используемая шорцами с начала XX века в качестве хозяйственной постройки и амбар русского типа. Договорился с местными жителями, убедив их в том, что эти постройки очень нужны для сохранения исторической памяти.

– Помню, как мы в Ближнем Кезеке, – вспоминает доктор наук Дмитрий Функ, – посёлке в Таштагольском районе, раскатывали часть построек по брёвнам, делали бирки и потом вывозили через другой посёлок – Ортон – на Томскую Писаницу (где со временем появилась настоящая шорская деревня «Шорский улус Кезек»). Это было удивительное время! Местные жители настолько проникались горящим взглядом Валерия Макаровича и его убеждённости в том, он спасает их архитектурное наследие, что без малейшего сомнения отдавали всё бесплатно. Более того, сами ехали и помогали устанавливать шорские дома уже на территории Томской Писаницы.

Особо стоит отметить, что перевоз памятников из Таштагольского в Яшкинский район был основан исключительно на энтузиазме группы сотрудников и студентов КемГУ. Доставка объектов из труднодоступного посёлка оказалась необычайно сложной: пришлось прорубить просеку в тайге: от берега реки Мрассу до улуса Кезек, – протяжённостью четыре километра, по которой вывозились брёвна разобранных построек...

Идея создания экомузеев в Кузбассе всё больше захватывает Валерия Макаровича. Они должны стать центрами, которые бы сохраняли и развивали многообразную этническую культуру региона с учётом природной среды и этноэкологии.

И тут уместно вспомнить, что вторым по времени и значимости после «Томской Писаницы» стал, созданный при непосредственном участии Валерия Кимеева, экомузей-заповедник «Тазгол» в шорском посёлке Усть-Анзас Таштагольского района. Немало усилий вложил в это дело и хороший друг нашего учёного, многолетний глава администрации Таштагольского района Владимир Макута.

– Возрождением традиционной культуры мы занимались при активной поддержке властей Таштагольского района и областного совета по культуре Кемеровской области, – рассказывает Владимир Николаевич. – Создавали национально-культурные центры, фольклорные ансамбли и музеи Горной Шории. Самым оригинальным из них является экомузей «Тазгол». В марте 1989 года первый

секретарь Таштагольского горкома КПСС Александр Копытов, председатель горисполкома Николай Шатилов и глава местного сельсовета Дмитрий Торчаков предложили этнографу Кимееву создать музей-заповедник в посёлке Усть-Анзас.

Этот улус имел богатую историю. Он располагался на древнем караванном пути, поэтому ранее являлся центром сбора ясака и торговли в Горной Шории. В Усть-Анзасе сохранились архитектурные объекты, датируемые концом XIX – началом XX веков, историческая трассировка улиц.

В 1990 году московские архитекторы разработали проект экомuzeя. Главной задачей стало сохранение традиционного образа жизни проживающих здесь шорцев, а также развитие регионального туризма. После этого активно строили, собирали экспонаты, создавали музей под открытым небом. Валерий Макарович работал больше всех. Сотрудники Кузбасской лаборатории археологии и этнографии Сибирского отделения РАН совместно с местными властями в зонах охраны экомuzeя организовали «Горно-Шорский центр этноэкологических исследований».

Вскоре экомuzeй «Тазгол» получил официальный статус.

V.

Валерия Кимеева называют основоположником нового направления в российском музееведении – экомuzeологии, цель которого – сохранение культуры аборигенов в естественной природной и социальной среде. Практика музейного дела так захватила его, что у него быстро накопился опыт создателя.

Идея экомuzeев под открытым небом проста и прозрачна: чтобы сохранить уникальный этнос, надо создать этнические локальные заповедники для людей, живущих традиционной жизнью, развивающих быт и верования предков вдали от крупных городов и цивилизации. А сам экомuzeй должен быть легко доступен для любого человека, готового знакомиться с историей и бытом пращуров этих народов.

В экспозициях своих экомuzeев Кимеев органично сочетает экспонаты, повествующие о глубокой древности, и современные предметы быта, превратившиеся в исторические артефакты.

Вообще-то, считается, что термин «экомuzeй» сформулировал французский музеолог Ю. Де Варин в 1971 году. Не умаляя этого, напомним, что Валерий Макарович стал основателем таких экомuzeев Кузбасса, как «Томская Писаница», упомянутого уже «Тазгола» в Усть-Анзасе (создан в 1991 году). А также – экомuzeев «Калмаки» (создан в 1991-м в посёлке Юрты Константиновы Юргинского района – месте проживания одной из групп сибирских татар), «Чолкой» (в посёлке Беково Беловского района, на территории расселения бачатских телеутов, завершён в 1998-м), «Тюльберский городок» (в посёлке Городок Кемеровского района, на месте ритуального городища средневекового тюркоязычного народа тюльберов, открыт в 2002-м), «Ишим» (в посёлке Ишим Яйского района) и «Брюханово» (в селе Красное Ленинск-Кузнецкого района, созданы в 2009-м), призванных презентовать культуру русских Притомья.

Эта деятельность очерчена в его монографии «Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции». В 2009 году, в диссертационном совете при Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Кимеев защитил докторскую диссертацию по теме экомuzeев Притомья.

Все кимеевские экомuzeи – это комплексы древних творений материальной (археологические памятники, жилые сооружения, вещи) и духовной (традиции, обряды, обычаи, включая религию) культуры, сохраняющиеся у малых народов. Причём, для Кимеева очень важно, чтобы жители сами хотели и стремились оберегать объекты культурно-исторического наследия своих предков, сохраняли окружающую природу, как основу традиционного жизненного уклада. Он считал, что «кроме недвижимых музеефицированных объектов, составной частью экомuzeя становятся... сами местные жители – живыми экспонатами и постоянными посетителями».

Именно на этой основе, убеждён он, надо привлекать туристов, заинтересовывая их историей цивилизаций. Впрочем, туристы всё же не были для Кимеева главной целью. «Основная его цель, – подчёркивает Дмитрий Ушаков, – сохранить у малого народа достоверную историю предков, веру в свои собственные силы и главное – перспективы для своих детей и внуков. И тем самым сохранить народ. Поэтому и музей он рассматривал как живой организм, когда в нём происходят события, различные мероприятия, люди живут в музее и развивают его».

– Когда я занимался проектированием экомuzeя в Яйском районе, был в посёлке Ишим, – вспоминал как-то Валерий Макарович. – И спросил у одной старушки, нужен ли музей для сохранения истории? Она мне ответила, что из старожилов она осталась одна, а тем, кто вновь приезжает жить в посёлок, совершенно безразлично то место, где они живут. Вот ради сохранения памяти об этой старушке и о её предках я и создавал музей «Ишим».

Если туристы приезжали в небольшой шорский посёлок Усть-Анзас, чтобы посетить музей под открытым небом «Тазгол», одновременно они с интересом наблюдали, как живут простые шорцы: ухаживают за огородом, пекут хлеб, ловят рыбу, строят дома и занимаются текущими делами.

Впрочем, и развитие туризма, как в Кемеровской области, так и в Сибири, Кимеев связывал не только с горнолыжной отраслью или распространением мифов о существовании неких снежных людей или инопланетян. Такие проекты, убеждал он, решают сиюминутные задачи наполнения бюджета, но не влияют на воспитание любви к родине. Он призывал привлекать путешественников интересом к реальной культуре народов, показом уникальности этих этносов в истории конкретных мест и всего человечества.

Частыми гостями в его экомuzeях были журналисты. Один из них, старейший журналист Кемеровской области, Виктор Сохарев писал на страницах областной газеты «Кузбасс»:

«Я приезжал к нему и на «Томскую Писаницу», и был в родном для меня горношорском Усть-Анзасе, где он создавал музей под открытым небом. Это целый этнографический комплекс, где есть реконструкция захоронений по

древнему шорскому обычаю в деревянной колоде, которая помещалась на дереве, есть древняя плавильня руды. Вспомним, что шорцев называли кузнецами и рудознатцами. Всё это Валерий Кимеев воссоздавал с такой точностью, чтобы сохранить это для молодых людей, только начинающих изучать прошлое родного края».

Тележурналистка Любовь Иванова:

– Валерий Макарович прав, что музей живёт, когда в нём живут. Когда там события происходят, люди там бывают, греют музей теплом...

Она же в одном из своих материалов о Кимееве подметила, что он был учителем не только для студентов. Он пытался воздействовать личным примером и на жителей Горной Шории, исподволь, ненавязчиво используя элементы «отеческой педагогики», помогая людям найти правильный жизненный ход:

«...Кимеев на строительство музейных объектов завозит брёвен больше, чем требуется. И мне потихоньку рассказывает, что шорцы внимательно приглядываются к происходящему. И он знает, что обязательно не досчитается брёвен. Правильно, говорит, всё так. Они себе брёвна для чего утаскивают? Чтобы строить. Дом, хозяйственное что-то – всё это полезно. Пока строить будут, пить не будут, семья большая поддержка... А в новом доме легко образоваться семье новой – разве плохо? И улыбается с прищуром фирменным. Чувствовал людей Валерий Макарович, понимал. Любил. И они его любили, люди. И любят...»

VI.

В начале 1990-х Кимеев вернулся на исторический факультет КемГУ. Сначала он – старший научный сотрудник, затем – старший преподаватель, доцент.

Его лекциями заслушивались, они пользовались большой популярностью. Лекционные циклы Кимеева в основном напоминали беседы, состоявшие из фактов, интересных и образных рассказов, из эмоций, переполнявших Валерия Макаровича после экспедиций. Не удивительно, что кроме студентов на лекции Кимеева часто приходили и коллеги-специалисты.

В КемГУ Валерий Макарович вёл несколько учебных дисциплин: «Этнология и социальная антропология», «Этнология Сибири», «Экомuzeология». Он читал курсы и в Кемеровском государственном институте культуры – по «Основам музеологии», «Истории музейного дела России», «Истории музеев мира», «Музеям под открытым небом».

В ноябре 2010 года, после присвоения звания доктора наук, Кимеева избрали на должность профессора кафедры археологии истфака Кемеровского университета. Но не только должности интересовали его в первую очередь. За весь период деятельности в КемГУ, а это несколько десятков лет, он вёл огромную научно-исследовательскую работу в области этнологии. Был активным участником научных конференций, автором многочисленных научных работ.

На кафедре археологии он занимался подготовкой этнографов, не скупясь, делился своими знаниями и идеями с учениками. Вместе с учителем его студенты снова и снова ездили в этнографические экспедиции, под его руководством

писали курсовые и дипломные работы по этнологии. И пусть в КемГУ не было специализации или специальности по этнологии, Кимеев привил интерес к этой науке многим студентам-историкам, в том числе известным в российской научной среде докторам и кандидатам наук Дмитрию Анатольевичу Функу, Дмитрию Владимировичу Арзютову, Владиславу Игоревичу Терентьеву.

«Суша теория, мой друг», утверждал поэт... Поэтому нашего деятельного учёного обуревают новые практические идеи.

Ещё одной из наиболее значимых для Кимеева стала идея восстановления в Сибири острогов – форпостов тех сибирских первопроходцев, которые расширяли пространство будущей Российской империи – сибирских казаков, староверов, миссионеров.

В печатных трудах на эту тему учёный подчёркивает, что у истории освоения Сибири мало письменных источников, она плохо прописана в современных учебниках. А ведь, даже если судить по остаткам таких важных свидетельств, как военные остроги, движение по расширению границ и развитию Российского государства было очень мощным.

«Как и по всей Сибири, в Притомье государевы остроги сыграли решающую роль в освоении этой территории, – читаем в работе В. М. Кимеева «Сибирские остроги Притомья». – Малочисленность аборигенов позволила отрядам русских служилых людей стремительно продвинуться вверх по Томи и навсегда здесь закрепиться, построив в XVII – начале XVIII вв. цепь острогов в местах компактного проживания аборигенов. Первым стал Томский острог, затем Кузнецкий, а уж позднее между ними по Томи появились Сосновский, Верхотомский и Мунгатский остроги. Они навсегда отбили охоту степнякам – джунгарам, енисейским кыргызам и приобским телеутам – грабить русских крестьян в окрестных деревнях и облагать данью бывших кыштымов. Постепенно томские татары-еуштинцы, тюльберы, кузнецкие татары на правах ясачных или «служилых» людей вошли в состав российского народа, а потом и российской нации...»

Расстояния между острогами – сотни километров. Воссоздать их заново или реконструировать не так-то просто. Валерий Макарович пытался добиться хотя бы восстановления фрагментов этих исторических памятников – в виде отдельных башен и других построек. Но и это – по разным финансовым и бюрократическим причинам – оказалось трудновыполнимой задачей.

Тогда Кимеев придумал самый оригинальный в своей жизни проект. Решил создать собирательный образ сибирского острога: с этнографическими экспозициями, с отдельными башнями и внутренними постройками из разных острогов, – в составе одного музейного комплекса, который Валерий Макарович назвал «Тюльберским городком».

На одной площадке с казачьей «древностью» он задумал разместить историю практически забытых народов Притомья: калмаков и тюльберов. В этом обращении к исчезающим и исчезнувшим этническим общностям, в особенности к последним, был заметен личный неподдельный интерес, связанный с полу-легендой, полу-былью о «последнем тюльбере».

Не совсем понятно: сообразно каким источникам информации Валерий Кимеев считал себя прямым потомком тюльберов. Тюльберский след в его жизни забавил многих сторонних наблюдателей, но также многие и сочувствовали. Вот что, например, сообщает автор исследований о телеутах и чалдонах Беловского района Михаил Юрьевич Живописцев:

«Книга Валерия Кимеева «Касьминские чалдоны» о быте и культуре старожилов соседней Касьминской волости (ныне Ленинск-Кузнецкий район), пожалуй, одна из первых серьёзных работ в этом плане. «У современных потомков чалдонов бытуют семейные предания, согласно которым предки их были высланы (или переселились) в Сибирь «оттуда, где реки Чал и Дон слились. Поэтому и стали они называться на новой родине чалдонами». Подобную легенду приходилось неоднократно слышать от своей матери чалдонки», —отмечает в своей книге В. М. Кимеев».

Однако, с другой стороны, сам Кимеев вспоминал, как пришёл на кафедру этнографии и антропологии Ленинградского госуниверситета и высказал своё желание заведующему, профессору Р. Ф. Итсу «стать этнографом». Так вот, факт принятия его в «дворянскую», как называли, команду Итса Валерий Макарович объяснял наличием у себя аналогичных «княжеских кровей»... тюльберских.

Его в шутку величали «Тюльберским князем». Кимеев не обижался, напротив, ему это нравилось. Тем более, подчёркивал сам учёный, в начале XX века ни одного тюльбера на территории Кузбасса не осталось, потому что одна часть этого малого народа обрусела, другая вошла в состав телеутов.

К реализации своей задумки с «Городком» он упорно шёл несколько лет. Тщательно подбирал и выверял площадку для будущего «скансена». Само место для экомuzeя-заповедника на берегу реки Томи в Кемеровском районе выбрал неслучайно. Раскопки показали, что именно здесь располагалась стоянка древних жителей.

Что известно о тюльберах? Валерий Макарович Кимеев рассказывал:

– Существует две теории. Согласно одной, тюльберы, а по-другому их называют тюльбердинскими татарами, пришли к нам с берегов Оби, где в настоящее время расположен город Бердск. Другая точка зрения – тюльберы жили на территории Республики Тыва, но под давлением монгольского государства в IX-XI вв. ушли жить в Хакасию, а оттуда по Томи пришли к нам.

О тюльберах мало что известно. Они жили оседло, вели комплексное хозяйство. Те, кто жил в более степных районах – это сегодняшние деревни Шевели, Сарапки, Панфилово – занимались скотоводством, ручным земледелием. Тюльберы, которые жили по берегу Томи в районе Старочервова, Елыкаево, занимались охотой, рыболовством.

В 1997 году Кимеев вместе с археологом Юрием Шириным скрупулезно обследовали местность предполагаемого культового ритуального средневекового городища. Провели археологические исследования местности. Выяснили планировку городища: где располагались жилища тюльберов, места сжигания усопших. Тюльберы сжигали своих умерших, и даже в жилищах тюльберов, согласно раскопкам, были печи для этого ритуала. Пепел помещали в маленькие

кованные изделия в виде кинжалов и отдавали родным, а те уже хоронили прах в курганах. Обнаружили вал, ров, остатки сгоревших построек и культового жертвенника, другие артефакты древности.

В 1998-м Валерий Макарович «пробил» официальное решение о создании музея, основой которого стал бы палеоэтнографический (изучающий исчезнувшие этносы) объект. Кимеев с особой благодарностью вспоминал активную поддержку главы Кемеровского муниципального района Анатолия Константиновича Глебова – тот много сил и энергии отдал выполнению решения о создании экомузея-заповедника.

Принципы проектирования и развития «Тюльберского городка» отличались от принципов основания других экомузеев. Предполагалось «сотворить живой музей» на основе метода моделирования: воссоздать здесь телеутско-тюльберский улус; на основе археологических данных реконструировать ритуальное тюльберское городище; а также – за счёт реконструированных памятников по сохранившимся в архивах чертежам – воспроизвести собирательный образ сибирского казачьего острога.

Кимеев намерен добиться того, чтобы экспозиция отражала процессы этнокультурного взаимодействия русских и коренного населения Кузбасса. Отдельные объекты площадки предполагалось использовать «как особые, небольшие, самостоятельные музеи», а ещё – разместить в них гостиницы, ремесленные мастерские.

Автор ставил задачу: реконструировать не только традиционную обрядность, промыслы и ремёсла, – но и хозяйственные занятия. В усадьбах «Городка» должен был разместиться традиционный бытовой уклад, разводиться скотина, по реке можно было бы плавать на традиционных судах и так далее.

Реконструкция ритуального городища началась в 1999 году. Под руководством Кимеева работы выполняли студенты истфака КемГУ. Они же положили начало строительству казачьего острога. По проекту острог должен был иметь шесть сторожевых башен, каждая из которых – точная копия башен притомских острогов. Внутри острога располагался бы комплекс жилых, хозяйственных, общественных и культовых построек.

Но... это только сказки скоро сказываются.

На деле с 2002-го 2009-й год удалось построить только часть задуманного городища. На этом финансирование было прекращено. Кимеев ходил по высоким кабинетам, доказывал необходимость завершения музея в полном объёме. Выполнить задуманное полностью так и не удалось... От невозможности выполнить задумку полностью на сердце учёного «остался шрам». Однако ничего не поделаешь – руки он не опускал.

В «Тюльберском городке» всё-таки появились «Борисо-Глебовская проезжая башня» (Верхотомского острога), Александровская башня (Сосновского острога), Георгиевская башня (копия башни Братского острога), Никольская башня (реконструкция башни Томского острога). Создали, наконец, Казачью караульную избу (реконструкция постройки Казымского острога), часовню, приказную избу, усадьбу воеводы и острожную тюрьму.

Всё это Валерий Макарович наполняет содержанием, воссоздаёт образ и предметы древнего городища.

После проведённых раскопок удалось частично реконструировать и саму площадку – в виде крепостной стены с воротами и мостовой перемышкой через ров. Восстановили святилище с жертвенником, юрту древних металлургов с ритуальной плавильной печью в ней, навес с плавильными печами и чум шамана. Кимеевские ученики-студенты собрали археологические артефакты, орудия труда, реконструировали различные старинные технологии.

Таким образом, в едином комплексе воссоздали не только атрибуты казачьего острога XVII–XVIII веков, но и фрагменты быта и сакральных построек аборигенного населения – тюльберов.

С 1998 по 2017 годы Валерий Макарович был научным руководителем Учебно-научного центра этноэкологических исследований «Тюльберский городок», с 2003-го по 2018-й являлся директором этого экомuzeя-заповедника. Выпускники Кимеева до сих пор вспоминают, как в городке регулярно проходили археологические, этнографические, музееведческие практики студентов КемГУ, а также – экскурсии, фестивали, пленэры, традиционные праздники местных народов. Организатором и «заводителю» обычно выступал сам Валерий Макарович. «Городок» – это одновременно и музей, и университетская база практик», – ворошат они память об учителе.

Из воспоминаний ученика Кимеева, кандидата исторических наук, преподавателя истории Улан-Баторского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова Владислава Игоревича Терентьева:

«На «Городке» Кимеев никогда не отдыхал. Редко его можно было встретить в праздном времяпрепровождении: непрекращающиеся труды на экспозиции, уборка территории, «битва» за урожай, размежевание береговой линии с дачниками, починка забора и снова уборка территории, инвентаризация, ремонт помещений, регулярная подготовка зданий к сезону студенческих практик путём укомплектования мебелью – не оставляли времени ни на науку, ни на отдых. ...Часто можно было увидеть Валерия Макаровича за «книгописанием», как он сам именовал свой творческий исследовательский процесс.

...Городок был *axis mundi* (осью мира) Валерия Макаровича, т. е. именно осью его внутреннего мира. Местность, в которой располагался экомuzeй, стала для тюльберов второй родиной. В воплощении тюльберской идеи он стал, скорее, продолжателем своего учителя Л. П. Потапова. Поиски «тюльберов енисейских рунических надписей», которые в прикладном плане вылились в создание экомuzeя, были связующим звеном между учеником и учителем ленинградской школы этнографии».

По задумкам Валерия Кимеева «Тюльберский городок» мог бы стать новым объектом для туризма в Кемеровской области:

– Привлечение туристов и было одной из целей открытия «Тюльберского городка», – делился он обширными планами в отношении будущего этого экомuzeя. – Так планировал и глава Кемеровского района Анатолий Глебов. Но

потом пришёл другой руководитель района, и музей забросили. Даже закрыть хотели!

– Чтобы привлекать туристов, надо хотя бы сделать дорогу, – чертыхался Кимеев в интервью еженедельнику «АиФ – Кузбасс» десять лет назад. – А нас уже пять лет не могут включить в план дорожного фонда. Асфальт заканчивается в деревне Старочервово, а дальше – обычная грунтовая дорога, которую весной и в дождливую погоду размывает. За всю историю музея дорогу только один раз отсыпали щебнем, чтобы было легче проехать. Тогда и школьников на экскурсии возили, и туристам добраться до нас было гораздо проще. Сейчас водители школьных автобусов отказываются везти учеников... Боятся не проехать и застрять в грязи.

«Между музеем и туристами нужно в первую очередь проложить дорогу», – настаивал «последний Тюльберский князь». Но его призывы так и не были услышаны ни тогда, ни сейчас – спустя почти два десятка лет с начала функционирования «Городка».

«Валерий Кимеев оставил нам Городок, – с грустью резюмировал его ученик Владислав Терентьев, – в котором мифически поселил себя тюльбером, назначив родственником древнего аборигенного народа. Он имел на это полное право...»

Сегодня музей действует, в построенных объектах созданы экспозиции, отражающие культуру русских и аборигенов Притомья. Однако из-за затруднённой транспортной доступности, недостроенности сооружений и экспозиции, отсутствия обычных удобств музей слабо посещаем.

Как ни хлопотал, как ни бился учёный за своё детище, идею «живого музея» воплотить до конца так и не удалось. Впрочем, я уверен, что кимеевский «Тюльберский городок» дожждётся нового надёжного хозяина...

VII.

И ещё один заметный след оставил Кимеев – монгольский. Международные экспедиции в Монголию стали одним из значимых периодов в жизни Валерия Макаровича.

«Зачем Кимееву Монголия?» – переспрашивал, бывало, сам Валерий Макарович тех своих коллег, которые выражали недоумение, зная круг его исследовательских интересов и удивляясь его научному выбору. И пояснял: «Да потому, что оттуда лучше Шорию видно».

С 2008 года в свои исследования он включил северо-западные районы Монголии. Сначала получил трёхлетний грант Министерства образования и науки России «Изучение этнокультурных взаимодействий в Центральной Азии: приграничные регионы России и Монголии с эпохи колонизации до современности». Затем – с 2011 года – стал руководителем темы «Изучение тюркскомонгольского (ойратского) этнокультурного наследия и систем традиционного природопользования этносов российской и западно-монгольской части Алтае-Саянского экорегиона».

Итогом исследований этих стали его новые публикации: монографии «Тайны Кабырзинской принцессы», «Очерки Западной Монголии: Традиции и современность»...

Участник монгольской экспедиции, доктор психологических наук, академик РАН Дмитрий Ушаков подчёркивает, что интерес к Монголии у Кимеева возник из необходимости более пристального внимания к социально-политической истории шорцев и истории их взаимодействия с другими народами, в числе которых были западные монголы, или джунгары, в государство которых когда-то входили шорцы.

– Мне довелось поучаствовать только в одной (в 2012 году) из этих пяти экспедиций, вспоминает Дмитрий Викторович, – но общения с Валерием Макаровичем и сюжетов наших совместных приключений хватило бы на небольшую книгу. «Мы в бою», – именно так не раз говорил мне Валерий Макарович... Вроде никакого особого боя и не было, на нас никто не нападал, однако завораживающе красивая, но при этом суровая природа Монголии сама постоянно подкидывала нам «сюрпризы», порой на грани жизни и смерти. В таких ситуациях сразу понимаешь, кто с тобой рядом.

Мы ехали на двух машинах – я на ВАЗ-2104, а Валерий Макарович на УАЗ-452 («буханка»). ...За время экспедиции были опасные моменты. Однажды у моей машины на скорости 80 километров оторвалось колесо, и уехавший далеко вперёд отряд Кимеева вернулся на УАЗе, чтобы спасти ситуацию. Было и... спасение меня Валерием Макаровичем от водоворотов в озере Уурэг-Нуур. Много сюжетов и приключений, в которых именно братская, взаимная дружба и поддержка выручали нас всех. Мы действительно были все вместе и были единой командой. И тогда я понял, что именно с этими людьми смогу пойти в любую разведку, а в бою мы сможем преодолеть всё.

Кимеева в Монголии встречали как самого близкого друга. Благодаря этому членам экспедиции удалось побывать в таких местах, куда иностранцев не пускают. У Валерия Макаровича, его коллег Юрия Ширина, Дмитрия Ушакова и других участников получилось зафиксировать многие археологические памятники этой республики.

Те, кто был рядом с Кимеевым, отмечают, что при всей академичности и серьёзности Валерий Макарович обладал тонким чувством юмора, а порой и въедливого сарказма.

Например, вспоминает Дмитрий Ушаков, во время одной из встреч с монгольскими коллегами в городе Ховде, что на западе Монголии, Валерий Макарович настойчиво спрашивал их: «Скажите, почему мы, русские учёные, находим средства и время и приезжаем к вам, чтобы изучать ваши народы, а вы не приезжаете в Россию и не исследуете наши народы? У нас, что, народов мало? Даже в Сибири их много...»

Монгольским коллегам на его откровенный вопрос сложно было ответить. Сам же Кимеев считал, что виной тому не столько отсутствие финансирования таких исследований со стороны монгольского руководства, сколько то, что «не всякий народ, создававший когда-то империю, готов изучать завоёванные народы».

Правда, после этого монгольская молодёжь получила приглашение в «Школу молодых этносоциологов», планируемую в Новосибирске в 2013 году.

При этом сам Кимеев в своих работах и публичных выступлениях постоянно подчёркивал, что русский народ, приходя на новые территории, старался не изменять культуру и быт аборигенных народов, а изучал их, дружил и защищал, беря под «своё крыло».

«Его педагогика была проста и действенна, – пишет Дмитрий Ушаков. – Он личным примером показывал, как надо делать. Так, во время стоянки на берегу озера Уурэг-Нуур, Валерий Макарович начал сам убирать мусор, оставленный в красивом месте побывавшими здесь ранее туристами. Это было несколько необычно, но оказалось, что нам удалось убрать весь мусор всего за час. Потом мы отвезли собранное в специально вырытый для мусора ров и закопали. После себя на всех стоянках мы старались оставлять место в его первоначальном состоянии. И это было не сложно, нужно было лишь помнить об экологии – экологии местности, совести и души».

Думаю, что результаты монгольских исследований Кимеева ещё ждут своего «доосмысления», претворения в жизнь содержащихся в них идей и предложений. А сделано с 2008-го по 2012-й – годы его комплексных экспедиций в соседнюю страну – немало. Валерий Макарович привлекал в состав экспедиционных отрядов этнологов, археологов, биологов, даже архитекторов.

По итогам поездок в северо-западные районы Монголии были картографированы обнаруженные многочисленные памятники эпохи средневековья. Зафиксированы десятки памятников древнетюркской эпохи археологии: оградок, поминальников, оленных камней, петроглифов, керексуров – погребальных сооружений в виде грунтово-каменных насыпей.

Выявлен социальный состав населения, имеющего постоянные контакты с родственниками, проживающими за пределами Монголии: в Казахстане, Китае и России (Туве, Республике Алтай, Кузбассе). Проанализированы особенности современного этнокультурного взаимодействия народов Северо-Западной Монголии, включая казахов Баян-Ульгийского аймака, с населением сопредельных государств (России, Казахстана, Китая).

Были найдены и исследованы уникальные территории Северо-Западной Монголии, где сохранился комплекс памятников природного и историко-культурного наследия. Наиболее привлекательными оказались окрестности озёр Северо-Западной Монголии: Убс-Нуур, Уурэг-Нуур, Ачит-Нуур, Толбо-Нуур, Хаар-Ус Нуур в сомонном (административном) центре Ольгий.

Кимеев надеялся создать в Монголии сеть экомузеев по его методике, реализуемой в Кузбасском Притомье. Для этого он занимался разработкой проектов зон охраны и генеральных планов первых экомузеев Монголии: Уурэг-Нуур, Ачит-Нуур, Толбо-Нуур, Тариалан, Убс-Нуур.

Ученик Валерия Макаровича, преподаватель истории Улан-Баторского филиала (Монголия) РЭУ Плеханова Владислав Игоревич Терентьев:

– Кимеев умел «видеть» пространство будущего экомuzeя на местности, лишь только кажущейся пустой. Так, в Монголии, на одном из мест стоянки нашего экспедиционного отряда в 2009–2011 годы – берегу озера Уурэг-Нуур – он несколько вечеров подряд поднимался во главе нашей группы на скалу, с которой открывался прекрасный вид на озеро. Здесь он рассказывал об архитектонике задуманного им экомuzeя, воплотиться которому при жизни Валерия Макаровича было не суждено. Подробно, с нескрываемыми эмоциями он проводил нам яркую экскурсию по воображаемому первому экомuzeю Монголии, в которой, как считал Учитель, «и создавать ничего не надо: всё уже готово». Он был прав в своём утверждении, ведь заповедная Монголия и люди, здесь проживающие, действительно являют собой пример давно исчезнувших в других частях света традиционности, культуры, уникальности – всего того, что так нужно классическим музееведам...

VIII.

Кимеев – настоящий подвижник. Капиталы интересуют его лишь как средства претворения в жизнь своих идей и планов, издания книг. Но – не обогащения.

Он живёт неимоверно активной жизнью, умственной и физической, – преподаёт, делится знаниями, много пишет, многое создаёт своими умелыми руками.

В 2019 году – на основании научного обследования полусотни объектов историко-культурного наследия поселений Мысковского и Междуреченского городских округов Кемеровской области – Кимеев разработал проект детальной планировки экспозиций музея под открытым небом «Эне-Таг» – в посёлке Чувашка.

В этом проекте – воссоздание традиционной прибрежной застройки из жилищ и хозяйственных построек, охотничьего и рыболовного станов, поляны для шаманских обрядов с ритуальным жертвенником, реконструкцией древней железоплавильной печи и мастерской по производству глиняной посуды.

Для Междуреченского округа Кимеев проектирует ещё один экомuzeй – «Сарыг-Кель» – в районе посёлка Косой Порог. Рядом – места традиционного туризма – тропы Поднебесных Зубьев, склоны горнолыжного комплекса на горе Югус, что создаёт дополнительный интерес туристов к музею.

В первом двадцатилетии XXI века вернулись к вопросу музеефикации недвижимых объектов этнокультурного наследия в музее-заповеднике «Томская Писаница». И здесь Кимеев активно участвует в разработке архитектурного историко-этнографического музейного комплекса «Русские Притомья», отражающего историю заселения, хозяйственно-бытовой уклад и культурные традиции русского населения края с XVII-го по начало XX века.

В состав этого комплекса, по задумке учёного, входят такие экспозиции, как «Верхотомский острог», «Ясачное зимовье», «Сибирская деревня начала XX века».

Многие музейные коллекции России и региона хранят экспонаты, найденные и переданные им Валерием Макаровичем. Он любил делиться своими находками с музеями, лишь бы они приносили пользу музейному делу.

В этом ряду – интересный факт. Этап «кимеевского комплектования» этнографических коллекций начался с ежегодных экспедиций в Горную Шорию выпускника кафедры этнографии ЛГУ В. М. Кимеева.

Ещё в свой студенческий 1976 год, в ходе экспедиции в Горную Шорию, ему удалось собрать предметы охоты и быта шорцев из посёлков Дальний Кезек и Усть-Анзас и вывезти их на кафедру этнографии ЛГУ. Позднее часть из них были передана и хранится теперь в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга.

Основу этнографической коллекции другого паноптикума – Музея археологии, этнографии и экологии КемГУ – с 1980 года составили сборы Кимеева со студентами по всей Горной Шории, по посёлкам на берегах рек Мрассу и Кондома. Впоследствии Валерий Макарович пополнял экспозицию университетского музея сборами в посёлках по реке Ортон – Учас, Трёхречье, Ильинка.

Немало собранных им экспонатов оказалось в фондах Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница». Затем предметы шорского быта от экспедиционных трудов Кимеева стали поступать в экомузей-заповедник «Тюльберский городок».

Немало экспонатов, собранных во время экспедиций Кимеев передал и «Тазголу». А когда в начале 1990-х в Таштаголе создавался Музей этнографии и природы Горной Шории, Валерий Макарович подарил ему большую коллекцию шорских предметов быта из своего частного дома в посёлке Усть-Анзас.

Этот список музейных коллекций, созданных кропотливыми поисками учёного, можно продолжать ещё...

И здесь не могу не сказать хотя бы несколько добрых слов об одной из главных помощниц Валерия Кимеева – его первой красавице-жене Татьяне Кимеевой, которая подарила герою нашего очерка двух сыновей. Много лет они работали вместе. И немалая заслуга в успешной карьере учёного Кимеева принадлежит именно её постоянной поддержке, умению выдержать непростой кимеевский характер. Доктор культурологии, профессор Татьяна Ивановна Кимеева и сегодня плодотворно трудится доцентом кафедры музейного дела в Кемеровском государственном институте культуры.

IX.

4 января 2021 года весть о кончине Валерия Макаровича Кимеева для многих прозвучала как гром среди ясного неба.

На 69-м году...

Не все знали о его тяжёлой болезни, о которой сам он не любил распространяться. Казалось, что его энергии, его планам и задумкам, бесконечным проектам не будет переводу. Теперь остаётся надеяться на его учеников – подвижников кимеевской школы, верить, что массив накопленного материала и разработки учёного будут положены в основу дальнейшего сохранения как регионального, так и российского этнического наследия.

Валерий Кимеев не был безоглядным оптимистом. Своим любимым поэтом называл Михаила Лермонтова, цитировал его известное стихотворение «Дума»: «Печально я гляжу на наше поколение...» Как и поэта, Валерия Макаровича очень беспокоило, что в обществе часто царит равнодушие, ценится только холодный рассудок, высокий достаток... Сам же учёный ценил в людях честность, как важнейшее, по его мнению, человеческое качество. Честность он старался воспитать в своих учениках в первую очередь.

Кимеев любил делать любимое дело. Владислав Терентьев отмечает, что, когда поздравлял Валерия Макаровича с Днём учителя, тот «отвечал, что он не учитель, а деятель».

Многие отмечают, что Кимеев – человек с непростым характером. Бывал резок, если считал, что кто-то неправ, что упрямится, не признавая свою неправоту, или недобросовестно относится к истине, к научному факту, к серьёзному делу.

Доктор наук Дмитрий Ушаков считает, что критика Кимеева могла быть весьма жёсткой, но, при позитивной динамике интеллектуального роста своих подопечных, на похвалу он не скупился.

«Порой Валерию Макаровичу приходилось сталкиваться с непониманием его жизненной позиции, в том числе и некоторыми представителями тех народов, которые он изучал и старался поддерживать... – отмечает Дмитрий Викторович. – Изучая долгие годы не только в теории, но и на практике взаимоотношения разных народов, Валерий Макарович сформулировал значимый для социальной философии и других социогуманитарных наук термин – «синдром этнической угнетённости». Знать о таком предвестнике «болезни общества» очень важно. ...Такой синдром иногда проявляется у представителей народов, входящих в многонациональное государство, когда они стремятся подчеркнуть, что их народ страдал, был подвергнут репрессиям, испытывал нужду и притеснения (утрачивал язык, территорию проживания, самобытную культуру и т. п.).

...Эта обида не учитывает, что в то же самое время это же испытывало всё население государства, все народы, его составляющие. Осознание такого положения только своего народа всегда неприятно и вызывает острое чувство противостояния и борьбы, это болезненное состояние, оно может легко переходить как в национализм, так и в нацизм...

В условиях многонационального государства разрушение общества начинается с недоверия, с болезненного осознания своей уникальности без привязки к большому сообществу. Фактически это неспособность адекватно оценивать то, что дало сообщество для развития каждого народа – жильё, образование, возможность развивать свою культуру, защиту от нападений других сообществ. Более того, синдром национальной угнетённости – это предательство и подрыв основ государственности».

Профессор Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск) Михаил Николаевич Колоткин дополняет: «Он был очень интересным собеседником, человеком практическим и энциклопедически образованным. Меня сразу покорили его рассказы об этнографических экспедициях в разные районы страны, проблемах и сложностях работы

этнографа. Я на практике убедился, как популярен Валерий Макарович в научном мире. Возле него постоянно находились люди, шли споры и дискуссии. ...Для местных учёных он был признанным авторитетом. И в то же время очень скромным. В поездке к верховьям Енисея на базе «Эржей» не хватило домиков для расселения участников. Валерий Макарович предпочёл жить в палатке вместе со своим другом Дмитрием Викторовичем Ушаковым из Новосибирска и аспирантом Владиславом Игоревичем Терентьевым».

Преподаватель Монгольского национального университета, кандидат исторических наук Владислав Терентьев акцентирует: «Этничность – одну из главных основ своих исследований – Валерий Макарович определял как «состояние души», подчёркивая в этом ёмком определении важность именно внутренней самоидентификации человека, а не внешних проявлений.

По логике Учителя, у каждого человека имеется этничность, имеется его внутреннее состояние. Как любой исследователь, в определённые этапы своей жизни он изучал себя, находя в своей душе всё новые и новые грани: от казачье-чалдонской до тюльберской...»

Всей своей жизнью и делами Валерий Макарович доказывал возможность и необходимость изучать, сохранять, поддерживать и развивать уникальные культуры разных народов. Он делал это во благо сохранения единства России и мира в целом.

Кимеев в своей жизни сделал очень много. Однако ещё многое мог бы сделать – учить студентов, руководить аспирантами, быть официальным оппонентом по самым различным проблемам этнографии и истории, выступать ответственным редактором научных изданий. Он планировал новые книги и поездки, новые экспедиции и конференции о нелёгкой работе этнографов, об обычаях и традициях народов нашей страны.

В 2021 году планировал выпустить книгу о другом коренном народе Кузбасса.

«В следующем году мы с Александром Ивановичем Копытовым собираемся издать книгу по телеутам. Потому что про телеутов нет книг... Александр Иванович про горнорудное дело напишет в Беловском районе и Гурьевском, а я – про их национальную культуру, историю изучения и всё остальное. У меня много по ним материалов. Поэтому тоже надо их поддержать», – делился задумками Валерий Макарович.

Судьба распорядилась иначе...

«К сожалению, многие из его проектов так и остались нереализованными, какие-то ввиду различных обстоятельств не развивались по намеченному пути, – отмечает Полина Валерьевна Абрамова, кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры. – Но массив накопленного материала и разработки учёного в перспективе могли бы быть положены в основу дальнейшего сохранения регионального этнического наследия», – предлагает она.

Несомненно, Валерий Макарович Кимеев оставил после себя огромное наследие, которое должно сохранять и преумножать.

Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья

«Это счастье, что мне нет покоя», – признавался Михаил Шевалье в одном из интервью. Жизнь известного междуреченца – в Кузбассе его хорошо знали и дети, и взрослые – не была усыпана розами. Но он не привык сдаваться и отступать перед трудностями, поэтому всегда побеждал.

– В туризме очень важны подъезды и подходы, – через областную газету делился он своим опытом. – В Поднебесных Зубьях уникальная транспортная составляющая: активная часть туристического маршрута начинается буквально сразу же после выхода из электрички на станции Лужба, а через сутки ты уже в горах. Помню, когда мы только начинали ходить в горы, чтобы приехать на Алтай, тратили несколько суток. Неделями сидели в аэропорту, чтобы попасть в Саяны. А чтобы в Читинскую область попасть на туристический маршрут, дали взятку подполковнику авиации, и тот нас загрузил в бомболюк. Так и летели в горы на военном бомбардировщике».

И, конечно же, Поднебесные Зубья – одно из самых красивых мест мира: прекрасные горы, чистейший воздух, потрясающая природа. И разнообразные по категории туристические маршруты: от самых лёгких, по которым с удовольствием ходят даже маленькие дети, до сложных, что под силу только опытным туристам.

«Уже много лет традиционно перед первым большим снегом, а выпадает на Поднебесных горах он намного раньше, чем в городах и весях Кузбасса, из своего московского офиса с приятным волнением звоню моему многолетнему товарищу по перу и походному братству, действительному члену Русского географического общества Мише Шевалье, – вспоминает бывший ТАССовец и редактор областной газеты «Кузбасс» В. С. Кладчихин. – И слышу его восторженно бодрящий, по-

особому картавый голос, который не узнать невозможно: «Виктор Спиридонович, друже мой! В приютах и станах областного центра детского туризма всё здорово. На сегодняшний день (разговариваем 2 октября) уже приняли с начала года 5900 детей, что составило 30500 человеко/дней...» Подсчёт этот прост. Получается, что каждый подросток, юноша или девушка, отдохнул у него в походах в среднем по пять дней».

Человек-вдохновение, человек-энергия, человек-восхищение, – так многие отзываются о нём. Михаил Михайлович всю свою жизнь посвятил горам. Поднебесные Зубья стали его родным домом.

Шевалье – коренной, местный. Он не только истово любил свою малую родину, он жизнь отдал, служа ей.

Ах, Миша, Михаил, Михаил Михайлович – знаменитый кузбасский путешественник и основатель приютов для туристов на юге Кемеровской области. Осиротел без него туристический Кузбасс...

Родился 26 февраля 1957 года в большой немецкой семье, прибывшей в Междуреченск строить город. Окончил профессионально-техническое училище (машинист горно-выемочных машин), курсы педагогов дополнительного образования. Работал машинистом комбайна на шахте «Распадская». Трудился в местной поисково-спасательной службе – спасателем МЧС. Руководил междуреченским филиалом областного центра детского туризма.

Председатель Кемеровского филиала международной общественной организации «Академия детско-юношеского туризма и краеведения», руководитель детско-юношеской общественной организации «Общество юных краеведов «Кузбасс», член Русского географического общества. Мастер спорта СССР по спортивному туризму. Основатель движения «Вершины воинской славы». Учредитель и редактор газеты «В дорогу».

Отмечен областной медалью «За служение Кузбассу» и другими областными и городскими наградами. Обладатель уникальной награды – медали Всероссийского гайдаровского содружества «За верность А. Гайдару»...

Это всё о нём!

Те из товарищей-журналистов, которые «глубже погружались» в его биографию, знают, что до 1980-х Михаил никакой знаменитостью не был.

Он сам вспоминал, как пришёл на участок № 2 междуреченской шахты «Распадская» с направлением из училища. Шахта-гигант только формировалась, кандидатов работать на ней отбирали тщательно. Чем-то смог покорить начальника участка Виктора Гордеева. Тот похлопотал за молодого машиниста комбайна. И Михаила направили в именитую механизированную бригаду горняков Героя Соцтруда Владимира Григорьевича Девятко. В известном на всю страну коллективе Шевалье стал вроде «сына полка».

А вскоре группа шахтёров собралась в турпоход – на Таймыр. Денег на поход не выделили. Бригада решила сброситься по 50 рублей и «на свои» отправить

парней – а с ними и Шевалье – в те заполярные края. Как писали местные газеты тогда, поход прошёл с триумфом, о молодой шахте и о шахтёрском Междуреченске узнали даже в самых отдалённых посёлках Заполярья.

Как вспоминал междуреченский писатель Юрий Панов, «были у Миши все задатки стать вожаком бригады, и эта бригада не затерялась бы в середнячках. Но жизнь повернула иначе...»

Шевалье всегда-то был ершист и задирист в отстаивании общечеловеческих, выражаясь высоким «штилем», интересов. Когда в июле 1989 года в Междуреченске «закипела» шахтёрская забастовка, он не мог остаться в стороне, слишком уж достали всех многие проблемы в маленьком городе.

На центральной площади страсти кипели, как на раскалённой сковородке. На митинге составляли общий протокол к верховной власти СССР: кричали, включали требования не только шахтёров, но и медиков, строителей, коммунальщиков...

Шевалье тоже выступал:

– Первое, – создать Междуреченский район. Второе, – прекратить варварскую добычу золота. Третье, – создать природный парк «Поднебесные Зубья».

Его предложения тоже вписали в протокол. А в октябре 1989 года Совет Министров СССР принял постановление об учреждении Междуреченского района!

Каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с нелёгким выбором, когда надо решать, по какой дороге двигаться дальше. Недаром же в сказках: направо пойдёшь... иль налево пойдёшь...

Однажды оказался перед такой развилкой и Михаил:

«В своё время я встал перед сложным выбором: стать профессиональным туристом (меня приглашали на Северный полюс) либо заниматься детьми. Я выбрал второе. До меня ведь никто не занимался организацией детского отдыха, тем более для детей-сирот. А я очень люблю детей, и они ко мне тянутся. Вспоминаю случай, когда один мальчик со слезами на глазах просил меня усыновить его. Такое не забудешь!..»

И ещё он полюбил горы. Он считал их своими. Среди высоких каменных склонов и ущелий он хорошо чувствовал себя: появлялась уверенность в собственных силах, в человеческих возможностях.

У него и друзья были под стать.

Вот об одном из них. Когда ещё только-только «прикипал» к туризму, на одном из слётов встретился с известным уже краеведом, путешественником Виктором Моисеевым – журналистом газеты «Кузбасс». Неуёмным, равнодушным защитником природы, как и сам Шевалье. Вместе ходили в горы, сидели у костра. К сожалению, эта дружба прервалась из-за ухода Виктора Максимовича из жизни.

Говорят, оба мечтали о развитии детского туризма в Междуреченском районе, чтобы дети всей Кемеровской области ездили сюда, ходили в походы горными

тропами, изучали родной край, его природу, учились любить и беречь её и соблюдать природные законы. Наверное, эти «подозрения» о совместных делах и думах двух путешественников имеют место быть.

И Шевалье всерьёз взялся за организацию детского туризма, туризма с социальным уклоном, когда к нему в горы поднимаются ребяташки из детских домов, из интернатов: «Пусть не все, пусть хоть десяток из тех ребят сойдёт с дистанции в наркоманию, в никуда...»

Все мы и наши жизненные устремления – родом из детства.

– Первый раз я пошёл в поход, когда мне было восемь лет, – улыбаясь, рассказывал Михаил. – Взял меня с собой старший брат.

Тогда не было у них ни палаток, ни спальников. Они ночевали в старом лагерном пункте для заключённых, со второго этажа которого Миша случайно упал. «Именно тогда в мою детскую голову пришла мысль: когда вырасту, буду строить тёплые уютные домики для туристов, без мух и комаров, чтобы им после длительного перехода было где ночевать!»

Так родилась детская мечта, которая потом прочно вошла в его жизнь. Туристы вообще, а дети особенно, должны в походах отдыхать в нормальных условиях, – такую задачу он поставил себе сам. И созидатель по натуре, Михаил строит сеть горных приютов в отдалённых Ортоне, Майзасе, Камешках, Тебе – на Поднебесных Зубьях. С удобствами, которые не уступают некоторым городским.

Приют – деревянный двухэтажный домик. На первом этаже – кухня: стол, мойка, шкафы, скамейки, печь; на втором – места для отдыха, где дети спят в спальниках. На территории есть туалеты, веранды, котелки, дрова, баня.

– Конечно, палатке нужно поставить памятник, но это уже вчерашний день, – считал Шевалье. – Прежде всего, приюты я создавал для детей. Ребёнка после долгого перехода нужно привести в тепло и сухость, чтобы он отдохнул, восстановился и пошёл дальше. Наши приюты находятся в трёх-шести километрах друг от друга – как раз то расстояние, которое дети способны преодолеть без труда.

Свой первый приют он начал строить в 80-е:

– С 1980 года вся моя профессиональная деятельность связана с Поднебесными Зубьями. Тогда кроме энтузиазма у меня ничего не было – ни денег, ни материалов. Но был богатый опыт за плечами: работа в поисково-спасательной службе, работа с детьми и огромная любовь к туризму.

Я понимал, что начинать нужно со строительства приюта у ручья Высокогорный – именно в этом месте собирается больше всего туристов. На свой страх и риск за помощью решил обратиться напрямую к начальнику департамента культуры и туризма администрации области Владимиру Бедину. И мне помогли – дали денег. Мы на вертолётах закинули материалы и приступили к строительству. За полгода первый приют «Высокогорный» был построен!

Вскоре Михаил стал директором Междуреченской городской станции юных туристов и натуралистов, в структуру которой входили приюты «Тайжа-Су»,

«Поднебесный», «Соболиный», «Глухариный», «Алгуй», «Амзас», «Гайдаровец», «Крылары», база отдыха в районе посёлка Майзас.

Надо сказать, напористость и уверенность в собственных силах не раз помогали ему. В качестве спонсоров он привлекал шахты, разрезы, лесхозы и другие предприятия. Привлекал и друзей: «Строю приюты на собственные средства, либо мне помогают мои друзья. В честь них я и их и называю, чтобы людям было приятно!»

К началу 2017 года под его началом было уже 28 туристических станов. За счёт того, что дети ночуют в приютах, им не нужно носить с собой палатки, котелки и ещё какие-то тяжёлые вещи, надрываться, таская неподъёмные рюкзаки. А это значительно облегчает их путешествие, повышает интерес к созерцанию окружающей природы.

Строя приюты, Шевалье, кстати, тем самым создаёт и рабочие места для местных жителей. Причём, нередко приглашает на работу подростков, даже таких, которых взрослые относят к категории трудных.

Есть у него, между прочим, и предпринимательская жилка. Но своя, особенная...

Всё даётся ему непросто. Да и городские чиновники, которые и в горах-то, может быть, ни разу не бывали, тормозят дело, вставляют палки в колёса энергичного «двигателя» Шевалье. Потому что кому-то он показался несимпатичным, кому-то – слишком нахрапистым.

К 1999 году у него разладились отношения с руководством Междуреченска, и ему пришлось оставить работу директора городской станции юных туристов и натуралистов. Часть приютов пришлось передать в другие структуры, которые занимались не социальным, а чисто коммерческим туризмом, зарабатывая буквально на всех видах услуг...

Шевалье же был «заточен» на детский туризм. И придумал новый проект. Помню, как в конце 1990-х Михаил приехал ко мне в Кемерово, пришёл в администрацию области, где я тогда был начальником комитета по работе со СМИ и пресс-секретарём губернатора.

– Помоги, Сергей! – чувствовалось, как тяжело переживает за дело. – Весь детский междуреченский туризм похерить хотят. Нельзя так!

Поделился болью, убедил, заразил, можно сказать, своими идеями и предложениями. «Согласен! – говорю. – Пойдём, надо дело спасать». И мы пошли к заму губернатора, которая курировала эти вопросы.

И вот родилось отличное решение, поддержанное губернатором, – создать в Междуреченске филиал Кузбасского центра детского и юношеского туризма и экскурсий. Возглавить его предложили Михаилу Шевалье. Это придавало ему и его делу хороший статус и защиту, бюджетную поддержку. Михаил Михайлович предложение принял. Больше того, в начале 2000-х годов он решил передать все свои строения на баланс государственного учреждения.

Не все знакомые поняли и приветствовали эти его шаги. Ему говорили: Миша, смотри, тебя обманут, заберут всё и – в отставку тебя. Он отмахивался – некогда мне бояться и сплетни сводить, работы много. И очень гордился своим проектом.

На сегодняшний день это, действительно, уникальный реализованный проект, аналогов которому в России нет. Характерно также, что проект интересен и доступен разным детям: и тем, у кого не хватает денег, и тем, кто уже побывал в разных странах. Но больше других Михаила по-прежнему заботят дети, оставшиеся без родителей, им он готов отдавать всё – и свой энтузиазм, и своё личное время, и кров.

Позже так объяснил своё решение передать приюты в областную собственность:

– Как частный предприниматель, я бы смог бесплатно провести по горным маршрутам сто, максимум двести детей-сирот. А при поддержке области – тысячу, а то и больше. И за эту бесценную возможность безмерно области благодарен. Они же (департамент образования) ко мне в Поднебесные со всего Кузбасса детей повезли!

И ещё он считал, что в собственности области у приютов – шанс прожить дольше: «Вот умру я – сразу же появится куча наследников и начнут делить то, что я с таким трудом создал. А мне этого не хочется. Да и сил, и энтузиазма у меня уже одного не хватает! К тому же сейчас у государства всё меньше и меньше денег на оздоровительные проекты для детей. Большая часть детских лагерей уничтожена. Когда в восстановление будут вкладывать деньги? – неизвестно. А детей нужно вывозить за город, чтобы они набирались здоровья. Я считаю, в нынешних условиях для Кузбасса подобная система приютов просто палочка-выручалочка. К тому же дети не только ходят по маршруту, но и учатся здесь жить самостоятельно, рубить дрова, топить печь, ухаживать за домашними животными, огородом...», – перечислял Шевалье корреспонденту газеты «АиФ – Кузбасс».

А цели богатеть у него просто не было. Вот и всё толкование этой бурной, живой, как ртуть, натуры.

– Он был очень щедрым, – вспоминает о друге один из старейших журналистов области, путешественник, фотограф Юрий Дьяконов. – Щедрым, но очень справедливым. Удивительно, но в наш меркантильный век деньги для Миши ничего не значили.

Кстати, в одном из фотоальбомов Юрия Васильевича я прочитал о Шевалье: он – «русский немец с французской фамилией». Такая вот суперэнергичная «гремучая смесь», при этом – не меркантильная.

Рассказывали, как Михаил приезжал в иной детский дом Новокузнецка или Прокопьевска, чтобы предложить детям летние походы в горы Кузнецкого Алатау по проложенным маршрутам. Расписывает, бывало, детдомовскому руководству прелести природы, ночёвки в палатках или в горных приютах. Ему же было чем гордиться: за сезон проводил тысячи детей-сирот, инвалидов. И за многие годы работы – ни одного смертельного случая. Хотя там – не курорт, а тайга.

– А сколько это будет стоить? – недоверчиво спрашивали его детдомовские директора. Ведь с бюджетными деньгами много не напутествуешь.

– Всё абсолютно бесплатно! – приятно удивлял их Шевалье. – Сухой паёк детям выдадите, проезд обеспечите – и всё. Нам за поход ничего не нужно платить...

Вообще многие отмечают, что слово «бесплатно» было одно из любимых в его лексиконе. Вроде бы, деньги решают всё. Но лично для него деньги мало что значат: «Нельзя, чтобы ребёнок-сирота для кого-то стал ходячим бюджетным рублём...» Ему получается договориться, если надо, и с бесплатным вертолётom, и с бесплатными продуктами для юных туристов и мало ли с чем ещё. Его напора и умения убеждать, если надо, хватает на многое.

Если надо, он мог грудью встать на защиту. Например, на защиту природы, гор и рек, которые считал родными.

Однажды в сопредельном с Кемеровской областью Верхотомском леспромхозе Красноярского края решили рубить лес на самой границе с нашим регионом. Уже, выяснил Шевалье, проложили до лесосеки дорогу. Он помчался электричкой в Балыксу, осмотрел готовый к валке леса участок и ахнул. Будущая лесосека, мало того, что проходила по водоохранной зоне реки Казыр, – здесь очень большой массив кедра.

Михаил Михайлович собрал друзей-активистов, организовал пикет из спасателей природы. Дорогу на лесосеку перекрыли палатками. Пикетчиков, а там были и юные туристы, пугали, устрашали ружьями, тракторами, грозили милицией, уголовным делом, расправой... Не помогло! Лесорубы отступили, а победители, можно сказать, спасли реку.

Как-то раз ранней весной, в походе, в реке Балыксу Михаил увидел подозрительного цвета воду, хлынувшую поверх льда. Он повёл группу вверх по берегу и вышел к водоотстойникам золотарей. Отсюда грязь стекала в речку – приток Томи. Шевалье, не задумываясь, поднял большой скандал. В газетах, в том числе в «Кузбассе», появились его гневные статьи в защиту природы. Добытчиков золота остановили.

– Мы отстояли! – с гордостью заявлял он потом.

Для него отстоять что-то важное для людей – много значит. Он для этого ни сил, ни времени, ни здоровья не пожалеет. Например, железнодорожники решили с января 2007 года отменить убыточную электричку на Бискалжу – посёлок в Аскизском районе Республики Хакасия. А это – путь для выхода и связи с большим миром сотен обитателей таёжных посёлков, тысяч дачников, туристов, любителей природы, собирателей даров тайги.

Михаил взялся отстоять электричку. Создал инициативную группу, собрал тысячи подписей под обращениями к губернаторам Кузбасса и Красноярского края. И руководители регионов А. Г. Тулеев и А. И. Лебедь пришли к решению – сохранить маршрут.

Или вот ещё случай. В 2013 году в приют «Снежный барс» прибыли вооружённые люди, выпили, отмечая какое-то торжество, и устроили на радостях стрельбу. А на соседнем туристическом стане находилась детская группа, их руководитель испугался за детей и на всякий случай «вызвонил» Шевалье. Тот поднял отряд

спецназа, который из Кемерова срочно прибыл на вертолёт в Лужбу, и задержал пьяных с ружьями.

Обошлось без пострадавших. Но с тех пор говорили: пока на Поднебесных есть Шевалье, там будет порядок. Михаила за глаза начали называть главным полицейским гор, мол, в горах полиции нет, зато есть Шевалье. Да, он в душе – романтик-идеалист, но придерживается железного правила: порядок на его территории – это безопасность тех, кто едет на Поднебесные Зубья сам или отправляет туда детей.

Свое любимое дело – горный туризм – он развивал исключительно в интересах людей, особенно детей. Ради этого готов был, как говорится, горы свернуть. Работал, как упрямый вол, невзирая на трудности, сложности, людскую зависть, на сплетни и пересуды. Если уж решил сделать добро, то не привык оглядываться...

Однажды за это едва не поплатился свободой.

Шевалье строил сеть горных приютов на реках Томь, Амзас, Алгуй, Малый Казыр, Алтыазыр. Находил спонсоров, организовывал строителей, вкалывал из последних сил, доставляя в горы стройматериал для домиков.

К этим приютам в горах, на берегах рек и ручьёв, вели едва приметные тропы. Кругом каменные вершины да тайга. Строил и радовался, что тысячи ребятишек будут отдыхать здесь, устав от переходов, налюбовавшись красотами природы. Какая необъятная и красивая у нас страна, считал довольный собой Шевалье-мастер.

Только не учёл, что даже в таких отдалённых уголках бывают границы, незримые глазу, но которые лучше не переступать без разрешения. Короче, оказалось, что часть приютов расположены не на территории Кузбасса, а «перешагнули» региональные пределы и оказались на земле соседней Хакасии. Этим и воспользовались его «благодетели»...

Нашлись доброхоты из турфирмы-конкурента, зарабатывающие на коммерческом туризме, и написали в прокуратуру Аскизского района Хакасии: Шевалье поставил приюты самовольно, срубил ценную древесину. И в 2006 году, кажется, в Хакасии на Михаила Михайловича завели уголовное дело.

Из материалов дела: «...Шевалье М. М. произвёл незаконную порубку леса, а именно пихты, путем перепиливания ствола деревьев бензопилой «Урал» до полного отделения ствола дерева от корня». Михаилу предъявили обвинение в том, что он нанёс соседнему региону ущерб в размере свыше 2 миллионов рублей. Это он-то – яркий, громкий и поразительно добрый человек?! Он вначале даже не придавал значения вызову в суд: некогда, занят богоугодным делом. Дошло до того, что его доставили в суд в наручниках, как опасного уголовника...

За Мишу Шевалье тогда поднялись все, кто только мог. Наверное, в такой вот переломной ситуации он по-настоящему узнал, сколько людей любят и ценят его непростой характер, его огромный вклад в развитие детского туризма.

За него перед судом ходатайствовала администрация Кемеровской области, на выездное судебное заседание в хакасский посёлок Верхняя Тея приехали ветераны с орденами. Журналистов было столько, что любой политик бы позавидовал.

Прокуратуре не удалось доказать, что Шевалье занимался самовольной рубкой леса. Весь стройматериал, потраченный на строительство приютов, был завезён со стороны, а не заготовлен незаконно здесь же в лесу. И Михаила отпустили.

Тогда прокурор Аскизского района подал новый иск «в защиту интересов Российской Федерации и неопределённого круга лиц», просил обязать Шевалье освободить незаконно занятые лесные участки на территории Балыксинского лесничества и снести самовольно возведённые строения. Причём, требовал, чтобы он сломал приюты за свой счёт!

На суде Михаил доказывал, что обращался в федеральное Агентство лесного хозяйства с заявлением – предоставить земельные участки под приюты ему в аренду, но не получил ответа. Что построены приюты в интересах детей. Что он передал их безвозмездно государственному учреждению...

Вывали к суду представители администрации Кемеровской области: не надо ломать домики, с таким трудом возведённые в горах для детей, ведь их могут использовать и хакасские туристы, а детский туризм – это альтернатива и пьянству, и особенно наркомании...

Более тысячи писем от детей-сирот, от взрослых пришли в Хакасию. И везде одно: убедительно просим не ломать постройки, разрешить судебный спор в пользу детей.

Наконец, даже директор того самого Балыксинского лесхоза стал просить: «Нарушение совершено Шевалье не в корыстных целях, а с благими намерениями – для организации детского отдыха... Осуществив снос построек, согласно решению суда, мы не прекратим походы туристов и отдыхающих по этим местам, но тогда приюты придётся возводить заново... Изгнав его, мы получим бесконтрольный туризм с вытекающими последствиями... Просим суд рассмотреть наше предложение о предоставлении ответчику времени на оформление необходимых документов на право владения возведёнными постройками».

Однако строгий Аскизский районный суд не внял разумным предложениям и удовлетворил иск прокурора о сносе приютов. Верховный суд Хакасии оставил это решение без изменения... Ведь Шевалье, вроде бы, нарушил закон. Да и вообще, ломать же – не строить!

Почему, как благоразумный человек, он в своё время не занялся вплотную оформлением участков? – гневно вопрошал обвинитель. Подумаешь, потерял бы на согласованиях пару-тройку лет. Ничего за это время с желающими путешествовать не случилось бы, посидели бы дома, подождали бы. Поэтому, пусть теперь этот романтик с его идеалистическими представлениями о туризме ломает то, что построил ...

А Михаил борется, апеллирует на несправедливый судебный вердикт. Злится, нервничает, однако бьётся за правду, как умеет. Хотя бороться с несправедливыми решениями очень непросто, да и всё это отнимает немало времени и нервов. Но и здесь правда нет-нет да переходит на его сторону. Как вот это решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия от 1 апреля 2008 года (выбрали же день!):

«Приговор суда апелляционной инстанции Аскизского районного суда от 23 января 2008 года в отношении Шевалье Михаила Михайловича отменить. Дело направить на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей...»

Через несколько лет после этой истории Михаил вспоминал:

– Конкуренты обвинили меня в самовольном захвате земель. Был суд, вынесли постановление о сносе приютов! И, действительно, приехали приставы с бензопилами и спилили несколько домов! Представляете?! Мы их с таким трудом строили! Тогда за нас вступился Аман Тулеев. И за год нужные документы были оформлены, а дома вновь отстроены.

Несмотря на суды, на проблемы, на постоянные «палки в колёса», он с завидным упрямством ведёт вперёд главное дело жизни.

Что ж, в том, что оппоненты иногда называли его «сумасшедшим», есть определённый резон. Он действительно непостижим для своих противников. Но, думаю, на свете не так уж много людей, которые могут сказать, как Шевалье:

– Я всегда был правдолюб и боролся за справедливость до конца. И ни о чём не жалею. И пусть не всегда всё получалось, пусть порой не складывалось так, как хотелось, но я очень счастливый человек! Потому что живу всю жизнь в любви к своему делу! – и он энергично рубит рукой воздух.

А потом с удовлетворением докладывает:

– Ежегодно у нас отдыхает порядка 6000 детей. Только за прошлое лето отдохнуло около 2500 детей. Приезжают со всех городов Кузбасса и в любое время года – и по федеральной программе (дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей), дети из всевозможных туристических секций, кружков.

Пребывание у нас бесплатное! Для этого нужно подать заявку, которую рассматривает специальная комиссия. Скажу вам честно: желающих попасть к нам очень много. Новогодние каникулы уже полностью расписаны...

Всё-таки друзей у него много больше, чем оппонентов-завистников. Его, ершистого, резкого, деятельного, ценили, любили и по-настоящему уважали очень и очень многие. Практически, все, кто хотя бы раз пересекался по жизни с этим человеком.

Прежде всего, это – тысячи детей. Он по-отечески заботился о них, и они тянулись к нему. «Дядя Миша, Михаил Михайлович», – величали его маленькие путешественники. И за одно это он готов был отдать всё на свете.

Друзья вспоминали: например, дарят Шевалье «крутую» тёплую куртку.

– Спасибо, дорогой! – мнёт Михаил дарителя в медвежьих объятиях. А на следующий день эта куртка уже на каком-то пацане – Миша решил, что тот слишком легко одет для похода...

Он вспоминал один «детский-недетский» случай. Несколько лет назад пацанёнок «увёл» у него бинокль. Михаил знал, кто, но молчал. Два года мальчишка мучился, боролся с собой. Наконец, прислал бинокль. В письме просил прощения.

– Не потерянный человек! – доволен Шевалье.

«Трудные» дети тянулись к нему. И он находил время протянуть в ответ свою спасительную руку. Как и должно быть у спасателя, каковым в прямом смысле являлся он в системе МЧС. Сколько людей, попавших на Поднебесных Зубьях в экстремальные условия, он смог вывести на нужную тропу. Сколько ребят, оставшихся без родителей, таких не по-детски трудных, на которых взрослые, может быть, махнули рукой, он за время горных путешествий наставил на нормальную жизнь...

– У меня много единомышленников и сторонников, – искренне верил Михаил, – таких же энтузиастов, как я, которые готовы помогать, вкладывать свои личные деньги. Это помогает жить и бороться.

Он не ошибался.

У него в друзьях были десятки ведущих журналистов, и не только Кемеровской области, всегда готовых поддержать и помочь в трудную минуту. Благодаря «собратям по перу» Михаил принял решение издавать свою туристическую газету «В дорогу», где он был и главным автором, и главным редактором. Свежие выпуски этого издания с удовольствием читали вечерами те, кто останавливался на ночлег в его приютах.

Именно у Шевалье зародилась традиция – давать своим приютам имена людей. Среди туристических станов есть названные в честь знаменитых горняков Героя Кузбасса Михаила Найдова и Николая Рубана, заслуженных путешественников России Павла Гридина и Сергея Сакова и других.

Любил бывать у него в горах российский писатель и журналист, кемеровчанин Владимир Мазаев – и один из приютов получил от Шевалье имя «Мазаевский стан».

Вот необычная запись от 10 июня 2010 года в интернет-блоге «Вредный старикашка», который вёл в своё время кемеровский журналист, заядлый рыбак и турист Василий Попок:

«Люблю бывать где-нибудь в Кузнецком Алатау (Поднебесные Зубья расположены именно там) или Шории. Пусть будет Мрассу, Уса, любая из Терсей. Середина июня – вылет бабочек. Небо шелестит белым. Вечерами прибрежные пихты одеваются как бы в снег – чешуекрылые устраиваются на ночлег. Чебаки беснуются – жор. Аж на берег выпрыгивают. Солнце – ёкарный бабай! На лысине можно картошку печь. Через неделю приеду с обугленной мордой.

– Где был? – спросят. – На юге?

– Да, идите вы со своим югом! Это Миша Шевалье зовёт в гости.

Ну, и в путь!»

Или ещё одна запись Василия Борисовича:

«Нынче на Поднебесных много снега. К весне он слежался в бетон и таять даже не думает. Впрочем, весна на Поднебесных начинается в мае и даже не в первых числах. Представьте себе: солнце, плюсовая температура и снег. Загореть можно за полдня. Жду, чтобы завтра выехать в Междуреченск, а оттуда в горы. На Поднебесные зубья, они же Тигир Тиш (так Зубья звучат на языке местного народа – шорцев).

Не знаю, удастся ли забраться высоко – горник из меня нынешнего, как из морковки мельник. Но и просто посидеть на крылечке у Миши Шевалье в приюте «Кузбасском» – это наслаждение. Сына агитирую. Но этот неподъёмный увалень ни на что не променяет свой интернет».

«Вчера заехал Михаил Шевалье с Борисом Химичем и Владимиром Яковлевичем Северным, – записал Попок в апреле 2017 года в своём блоге. – Чайку попили и посоображали насчёт приюта «У Василия Попка» в Поднебесных Зубьях. Собственно, домик готов и там уже ночует турьё. Осталось баню построить...»

Через год Василий Попок с досадой сообщил:

«В приюте «У Василия Попка», который построил мой друг Михаил Шевалье, некие вандалы выбили окна и изодрали именной аншлаг. Понимаю, что и у меня, и у Михаила полно недоброжелателей и врагов. Но н....а приют портить? Вряд ли я когда-нибудь теперь туда доберусь, не в тех физических кондициях. Туда Миша водит молодёжь, детей – для них домик в горах... А эти! Пришли и нагадили! Странные люди. Если вообще люди...»

Настоящие варвары, вскипал в таких случаях и Шевалье, ведь так непросто забросить в горы материалы для ремонта!

Появился в Поднебесных горах и приют имени журналиста Юрия Дьяконова. Он расположен в одном из живописнейших мест Кузнецкого Алатау – в районе пересечения ручья Высокогорный и реки Малый Кызыр. Здесь имеются удобные и нужные туристам постройки: двухэтажный дом, баня, навес и туалет.

Не раз бывал в горах у Шевалье и сам Юрий Васильевич, который лишь недавно – в силу возраста – оставил любимые горные тропы. О дружбе с Михаилом Михайловичем, о разных приключениях в горах может рассказывать часами. Он своими глазами видел Шевалье в «деле».

– Однажды наша группа во главе с Мишей, в которой было полтора десятка детей и пять-шесть взрослых, в горах попала под ливневый дождь. Предстояло вброд перебраться через речку, а уровень воды в ней рос прямо на глазах. Люди запаниковали, появился страх, особенно у ребятишек, перед водной преградой. Один Шевалье не растерялся.

Время шло к вечеру, и он приказал ставить палатки для ночлега. Поставили палатки, устроились кое-как. Дождь не прекращался, шёл всю ночь, лишь к утру стих. А реку переходить надо. Один из наших опытейших туристов попробовал перебраться в одиночку, но не дошёл до противоположного берега – его понёс поток, он едва сумел выбраться.

По одному не получится, сказал Миша. И скомандовал нам – для переправы разбиться на тройки. Так по трое, придерживая друг друга, все перешли реку. Сам он раз пять сгонял туда-сюда, поддерживая ребят, помогая им. Если бы мы поддались панике, от которой он нас удержал, ничего бы не вышло. Кстати, за время работы Михаила Шевалье с туристами у него ни разу не было ЧП, где пострадали бы люди. Он хорошо понимал, что там, где человеческая жизнь особенно хрупка, в экстремальных таёжных условиях – требуется не деловая хватка, а порядочность и надёжность...

– Потом он велел развести костёр, чтобы обогреться, просушиться, – продолжает Дьяконов. – Костёр вышел на славу! Миша любил для детей делать такие большие костры, чтобы пламя – вверх метров на пять. Говорил, это пацанам особенно запомнится. Смотрю, ребяташки согрелись, развеселились... И между прочим, в таких туристических походах дети обучаются всем премудростям полевой жизни...

Есть в Поднебесных горах приют имени журналиста Виктора Кладчихина, проживающего теперь близ столицы нашей родины. Есть приюты имени редактора из Новокузнецка Александра Белокурова и газетчика из Кемерова Виктора Моисеева.

Несколько лет в Кузбассе воплощают патриотическую идею: присваивают безымянным вершинам Кузнецкого Алатау и Горной Шории имена героев Великой Отечественной войны. Проект назвали «Вершины воинской славы». Михаил помогал реализации настоящего замысла, чем только мог.

Эту инициативу поддержали на всех уровнях государства и Кемеровской области. За годы её реализации правительством Российской Федерации присвоены имена героев нескольким безымянным вершинам.

Под этот проект Шевалье с помощниками выработали туристические маршруты, создали инфраструктуру. Например, строения приюта «Кузбасский» – он тут базовый – разбросаны теперь между двумя приметными точками – вершиной дважды Героя Советского Союза Афанасия Петровича Шилина и вершиной Героя Советского Союза Михаила Михайловича Куюкова.

Появилась в Кузнецком Алатау «Гора Назарова» в честь Героя Советского Союза Александра Петровича Назарова. На вершинах имени Героев Советского Союза Виктора Александровича Гнедина и Степана Харитоновича Марковцева тоже установлены мемориальные плиты.

На 2022 год планируется водрузить мемориальную плиту в честь Героя Советского Союза Михаила Гавриловича Хорькова – на одной из безымянных вершин Кузнецкого Алатау. В восхождении будут участвовать ученики кузбасских школ, во время похода ребята узнают об истории родного края и подвигах своих соотечественников в годы войны.

«На заморских песках никакого патриотизма мы в детские души не зароним. Любовь к Родине – она сугубо домашняя, гражданином наш юный земляк

становится здесь, на этих крутых тропах, – писал в поддержку проекта Виктор Кладчихин. – От здешних вечерних костров западают в душу первые искорки любви к своей Родине. Западают и начинают теплиться. Для этого в том числе и начато движение «Вершины героев», оно дополнило кузбасскую педагогику великим смыслом, получило отклик уважаемых товарищей взрослых...»

Много сил отдал Шевалье и развитию так называемого «гайдаровского» направления в горном туризме. «Гайдар, можно сказать, «сопровождает» туристов в разных районах Кузнецкого Алатау, – подчёркивает в интервью газете «Кузбасс» академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, географ Владимир Яковлевич Северный. – В Лужбе приют носил имя «Гайдаровец», на Межказырском хребте есть перевал Гайдара, вершина Гайдара. На слиянии Большого Казыра и Алтыазыра построен приют «Адмиральский». Назван в честь адмирала Тимура Гайдара. Да, было активное движение, связанное с поисками материала о пребывании здесь писателя Аркадия Гайдара (Голикова, автора повести «Тимур и его команда» и других известных детских книг), который воевал здесь в Чановских отрядах... Благодаря междуреченцу, мастеру спорта по туризму Михаилу Шевалье это движение развилось в полную силу, и, по сути, всё, что перечислено выше, осуществлялось по инициативе Михаила. Он, кстати, был одним из инициаторов экспедиций в Кузнецкий Алатау и Тимура Гайдара, и его сына, Егора Гайдара».

Именно усилиями Михаила Шевалье именем Аркадия Гайдара названа вершина высотой 1888 метров в Кузнецком Алатау.

Остаётся напомнить, что контр-адмирал Тимур Гайдар – это сын писателя, а Егор – внук писателя, был председателем правительства России в 1990-х, проводил в стране либерально-экономические реформы, прозванные «шоковой терапией».

В России есть общественное молодёжное объединение «Гайдаровское Содружество», которое многие годы занимается созданием книги памяти Мальчишей, проводит международную Гайдаровскую экспедицию-поиск «Мальчиши Великой Отечественной».

За особый вклад в сохранение памяти об авторе «Тимура и его команды» Михаилу Шевалье вручили специальную медаль Гайдаровского содружества – «За верность А. Гайдару», которая была учреждена в 2016 году – к 75-летию героической гибели писателя-воина. Михаил Михайлович стал единственным в области обладателем этой награды, которую ему вручил на заседании в новокузнецкой городской библиотеке имени Н. В. Гоголя известный географ-краевед Сергей Тивяков.

Жизнелюб Шевалье стойко и упорно сопротивлялся тяжёлой болезни. Человек-легенда Михаил Шевалье ушёл от нас 27 января 2022 года. «Рыцарь гор», уникальный турист Кузбасса, а, может быть, и всей России всего месяц не дожил до своего 65-летия.

Для друзей, знакомых, особенно для детей в памяти он останется энергичным, ярким, равнодушным человеком, который всегда был полон энтузиазма, любил то, что делает. Трудно даже сказать, кто, более чем он, сделал для развития

туризма в Кемеровской области. Созданная им в Кузбассе система социального горного туризма для детей и юношества, надеемся, будет действовать всегда.

«Мало кто из кузбасских журналистов не бывал на Поднебесных Зубьях и не встречался с Мишей Шевалье, не видел созданную им там целую вселенную детского туризма. В этого человека невозможно было не влюбиться. Это был фонтан позитивной, созидательной энергии. И фамилия какая! Когда я первый раз услышал её, то подумал, что это дружеская кличка, отражающая характер неußмного человека», – написал в память о нём в своём интернет-аккаунте бывший собкор «Известий» в Кузбассе Борис Синявский.

Соратники-туристы Кузбасса в память о Шевалье предложили назвать его именем 100-метровый водопад, который расположен на реке Озёрной в районе Поднебесных Зубьев – на границе Кемеровской области и Республики Хакасия. Предлагая это, журналист, турист, создатель путеводителя «100 чудес Кузбасса» Антон Миронов также высказал идею создать туристический маршрут с прохождением через этот водопад и назвать его тропой Шевалье.

Почему бы и нет! И почему бы один из туристических станов не именовать приютом «У Михаила»? Думаю, он не обиделся бы на это. Или одной из безымянных гор Поднебесных присвоить имя «Вершины Шевалье»? Заслужил Михаил Михайлович всем своим жизненным примером бескорыстного служения своему делу. Ведь это – его горы!

С волнением и грустью читаю его заметки:

«...Вот я, Михаил Шевалье и ещё один известный турист – Юрий Ионов идём со станции Лужба 20-километровым маршрутом на ручей Высокогорный. Здесь вечно бродят стада любителей походов на Поднебесные Зубья. Сентябрьские дни в горах жаркие, а ночи – ледяные...»

Как он любил эти дни и ночи в горах!

О Михаиле Шевалье у многих из нас есть своя история. «Здравствуйте все, и здравствуйте всегда!», – часто любил говорить он при встрече. Каким же разным, но счастливым человеком он остаётся в нашей памяти...

Глава 2.

От истока к истокам

С драматурга Тамары Ян начиналась профессиональная писательская организация Кузбасса

На литературной карте Кузбасса есть свои «белые пятна» или незаполненные «лакуны», которые обязывают специалистов искать и находить ответы на вопрос: кто есть кто в кузбасской литературе? Это в полной степени можно отнести к творчеству Тамары Германовны Ян. Её произведения хорошо знают в Татарстане, в Калининградской и, особенно, Смоленской областях. Вместе с тем, именно эта женщина входила в число тех первых авторов, с кого начиналась Кемеровская областная писательская организация.

Напомним, что 28 апреля 1962 года решением секретариата правления Союза писателей России было принято постановление об организации областного отделения Союза писателей РСФСР в городе Кемерово. А на состоявшемся 14 июня 1962 года организационном собрании писателей Кемеровской области Евгений Сергеевич Буравлёв был избран ответственным секретарём областной творческой организации профессиональных авторов. В неё тогда входило всего пять членов Союза писателей: Александр Никитич Волошин, Геннадий Модестович Молостнов, Герберт Густавович Генке, Евгений Сергеевич Буравлёв и Тамара Германовна Ян.

Будущая писательница, переводчик, поэтесса и, главное, известный российский драматург Тамара Ян родилась 2 февраля 1922 года в селе Поповка Саратовской губернии (ныне Саратовская область) в семье землемера.

В 1944-ом военном году окончила исторический факультет Казанского университета. Её трудовая деятельность стартовала в Казани. Сначала она работала научным сотрудником в Государственном музее Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ныне Республика Татарстан). Затем преподавала историю в педагогическом институте, параллельно сотрудничала с областной газетой «Красная Татария».

Литературный путь Тамара Ян начала как поэт-лирик. Стихи стала писать ещё в третьем классе школы, когда ей исполнилось 9 лет. Первая публикация её поэтических произведений состоялась в 1936 году – девочке было 14 лет.

По признанию самой писательницы, хорошей творческой школой для неё стало литературное объединение в Казани – при литературно-мемориальном музее имени А. М. Горького, которое она посещала в студенческие годы.

Литературное объединение поэтов при музее создаётся в 1942 году (ныне это ЛитО имени М. Зарецкого). Идея создания этого литобъединения имело глубоко символический смысл: это преемственность традиций, связанных непосредственно с именем писателя Алексея Максимовича Горького, являвшегося символом наставничества молодых авторов.

Совместно с Союзом писателей республики в музее еженедельно проводились «Литературные среды», объединявшие поэтов, научную, творческую и рабочую интеллигенцию, здесь обсуждали новинки литературы, организовывали лекции, творческие вечера. На них, кроме Тамары Ян, выступали Ян Винецкий и Бруно Зернит, Мария Елизарова и Ирина Касаткина, Юлия Бадер, Лев Юдкевич и другие молодые авторы и сотрудники музея. Они принимали участие в издаваемых Таткнигоиздатом литературных сборниках 1940-х годов: «Кровь за кровь», «За родину!», «К победе!», «Страна родная».

Именно здесь, с помощью консультаций музея, написано первое большое произведение Тамары Ян – поэма «Рождение буревестника», посвящённая пролетарскому писателю Горькому.

В 1949 году в издательстве «Татгосиздат» вышел её первый, дебютный, поэтический сборник под названием «Волжские стихи». Стихотворения посвящены приволжской природе, родным местам – миру приятных эмоций, детских воспоминаний.

Меня везёт в колхоз «Зарница»

Совсем молоденький возница –

Парнишка лет тринадцати,

А может быть, двенадцати...

Он, важный, рыжий, как подсолнух,

Сидит, качаясь, на возу,

А воз плывёт на знойных волнах

В полях, что чувствуют грозу.

Синеет туча снежной шапкой,
И вдруг – удар, и вдруг – другой.
Закрылось солнце, стало зябко,
И ливень загудел рекой...

В 1951 году Тамара приняла участие во Втором Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Затем последовали её другие поэтические книги: «Лирические стихи» (1954), «Кленовый листок (1957)». В 1956 году написала пьесу-сказку в стихах «Анютины глазки». И в этих книжках предметом изображения автора становятся мотивы малой родины.

Её стихотворение «Рябина» положено на музыку композитором А. П. Мистюковым, и известно как популярная песня «Говорят, рябина девушкой была»:

Говорят, рябина
Девушкой была,
Милого любила,
У тропы ждала.
В грусти и печали
При своей красе
Кисти красной шали
Теребила все.
Ночь стояла, ждала,
Дрогла на ветру
И рябиной стала
Горькой поутру.

В творчестве Тамары Ян казанского периода немало внимания традиционно уделяется ленинской теме: «Стихи о студенте Ульянове», «В Кокушкине» и другие произведения. Как известно, молодой Ульянов (Ленин) в своё время с отличием окончил юридический факультет Казанского университета.

В казанский же период Тамара Ян начала пробовать себя и в драматургии. И надо отметить – очень удачно! Её пьеса-сказка в стихах «Анютины глазки» была поставлена на сцене Казанского ТЮЗа, в Кремлёвском театре и во многих других театрах СССР. В 1960-м – сочинила пьесу «Ситцевый бал». Отдельным изданием выходит её драматическая сказка «Лунная девушка», основанная на народном предании.

В 1956 году Тамару Германовну приняли в Союз писателей РСФСР.

В эти же годы она занимается художественным переводом: переложила на русский язык несколько стихотворений известного татарского поэта Мусы Джалиля. Также совместно с Г. Миларом переводит с татарского сказку Джалиля «Алтынчег».

Действие сказки разворачивается в XIII веке, во время нашествия монгольских орд на Приволжскую и Прикамскую Булгарию. Несмотря на двадцатилетнее владычество, хану не удалось сломить болгар. Вырос и возмужал ставший храбрым воином богатырь Джек-Мерген. Он встретил прекрасную золотоволосую

девушку и спас её от преследования ханских прислужников. Юноша дарит девушке волшебные лебединые перья: взмахнув ими, можно вызвать на помощь «птицу-друга», которая выручит из беды. Молодой богатырь вызывает хана на поединок. На защиту героя встаёт сама природа. Златокрылые лебеди ослепляют монгольские полчища. Джик-Мерген и его воины разбивают врагов и освобождают родную землю.

В 60-е годы прошлого века Тамара Ян, имея за плечами уже немалый писательский багаж, переехала жить в Кузбасс – в Новокузнецк. «Потянула трудовая романтика», – объяснила она своё решение.

В стихотворении «Москва – Новокузнецк» Тамара напишет:

...На Томи сейчас лохматый ветер,
Снег на тополях летуч и светел,
И почти не виден в снегопад
Бог огня – Кузнецкий комбинат...
Но к нему, к нему спешит наш поезд
То в снегах, а то в лесах по пояс,
Отдувается, пыхтя, свистит,
У перронов маленьких грустит,
Через Волгу и Иртыш, и Обь
Чёткую отстукивает дробь...

Работала в многотиражной газете строителей Западно-Сибирского металлургического комбината. В той самой газете, в которой трудились и набирались впечатлений жизни замечательные российские прозаики Гарий Немченко и Геннадий Емельянов.

В Кузбассе Тамара Германовна принимает участие в создании и организации работы молодого Кемеровского областного отделения Союза писателей РСФСР. И продолжает заниматься творчеством. В этом ей помогают новые впечатления от грандиозной стройки, развернувшейся в Сибири.

В Кемерове выпускают её поэтический сборник «Морозное солнце» (1963). На сибирском материале она создаёт пьесы «Мой человек» и «Гордячка» (последняя публикуется в журнале «Театр» в 1963 году).

В заметке о книге «Морозное солнце» (областная газета «Кузбасс» 8 апреля 1964 года) корреспондент В. Петраш отмечает:

«Я волновался, раскрывая сборник: ведь мне хотелось найти солнце внутри, на страницах книжки. И не обманулся в своём ожидании. Я нашёл солнце, много солнца! В лирике Т. Ян светит солнце, яркое и доброе. О чём бы она ни рассказывала, будь то первая гитара на Запсибе или первая окрошка в столовой, или же дорожные зарисовки – её стихам веришь, ибо правда жизни здесь удачно сочетается с простотой изложения:

Я – за простоту.

О, простота,
Солнцем побелённого холста!
Простота зелёного листа,

Простота ребёнка и гнезда.
И легко летящего моста –
Чтобы простота и высота!

В этом коротеньком стихотворении перед читателем предстаёт вся Тамара Ян. Простота и искренность, искренность и задушевность. Её стихи пронизаны мягким лиризмом, иногда окрашены в романтические тона; таковы, на мой взгляд, «Апрельские стихи», «Шаманская дочка», «Красота» «Бог стоит у красного мартена». Автор романтизирует действительность, чтобы придать ей особое звучание...»

В небольшом сборнике суметь так ёмко рассказать о жизни и времени – это удача автора. Вот ещё её строки, создающие образ, знакомый, наверняка, каждому кузбассовцу:

Казыр – сибирская река,
Летящая по острым скалам.
Казыр, вода твоя крепка,
Казыр,

Не всё ты рассказал нам...

Она сочинила цикл стихотворений о Запсибе, где, несмотря на снег и холод, работали совсем ещё юные мальчишки и девчонки:

Здесь такие девочки-девчоночки,
что Господь мальчишкам помоги! –
Рыжие,

каштановые чёлочки,
Ватные штаны
и сапоги.

Так вышагивают,
так выглядывают
Из-под тёплых шапок и платков,
Что за два квартала парень падает,
А они не спрашивают:

– Кто таков?

Ещё одно искреннее, бесхитрое стихотворение с названием «Девушки» Тамара Германовна посвятила тем новокузнецанкам, кто строит новые дома для жителей большого города:

Здесь девушки ходят в спецовках, закапанных краскою –
то белой, то жёлтой, а то голубой-голубой,
здесь девушки насмешливо, дерзко и ласково,
и брови дугой – под косынкой тугой.

А дом уже скоро сдадут – вот и окна покрашены,
И двери, и стены, и выбелены потолки,
И старый дружище, кран с высокою стрельчатой башнею,
Уехал к соседям... А завтра уедут катки...

Друзья-новосёлы! Войдя в ваши светлые комнаты,

За белую скатертью, в добрый и праздничный час
Вы девушек этих – в спецовках заляпанных – вспомните,
Их нежные руки, что так потрудились для вас...

Перечитаем и другие строки из её «Новокузнецкой тетради», «весеннего образца» 1961 года:

Вы знаете, как это здорово,
Когда огни – и те поют,
И фонари ночного города
Никак уснуть вам не дают.

И вы выходите на улицы –
в прозрачный блеск, в слепящий снег,
и вот, раздумывая, курите,
мечтаете – один за всех...

В 1964 году Тамара Ян с семьёй переселяется в Калининград, а вскоре – в 1966-м – в Смоленск. Кстати, Смоленская писательская организация имеет более давние традиции: она начала формироваться ещё в конце 1910-х годов. Здесь творческий след Тамары Германовны более «глубок».

Ольга Новикова, исследователь творческой жизни писательницы, отмечает: «В опубликованных протоколах Смоленской писательской организации её имя появляется в 1967-м. Так, выступая 3 марта 1967 года с отчётом о деятельности бюро Смоленского областного отделения СП РСФСР за 1965-1966 годы, его ответственный секретарь Н. Г. Антонов отмечал: «Драматургия до сих пор остаётся слабым участником в нашей деятельности. Пока нет ни одной пьесы смоленских авторов, за которую бы взялся областной театр (я не считаю «Набат в летнюю ночь» Тамары Ян; автор только что приехала в Смоленск)».

Из дальнейшего выступления Н. Г. Антонова, где речь заходит о разделе «Литературная критика», мы узнаём о непростом вхождении писательницы в ряды смоленских авторов:

«На фоне всех этих рецензий диссонансом прозвучал О. Бушко со статьёй по поводу пьесы Тамары Ян «Набат в летнюю ночь» (написана в 1967 году). Критик вправе высказывать своё мнение, дать отрицательную оценку той или иной вещи, но всё это положено делать в тонах, не оскорбляющих автора. Лексикон, употреблённый рецензентом, наносит оскорбления: «трафарет», «схема», «каноны», «штампы», «примитивно», «драматургические поделки», «взято напрокат»...

Сенсационностью пахнет и заголовок «Выстрел в воздух». И безапелляционный вывод: «Так, значит, в общем, – неудача? К сожалению, да...»

Н. Г. Антонов осудил этакую размашистость, открытую недоброжелательность «к человеку, только что вошедшему в наш коллектив», попытку дискредитировать инакомыслящих, приведя в качестве весомого контраргумента выдержки из рецензии авторитетного театроведа Ю. Зубкова, который положительно отозвался о пьесе Тамары Ян и рекомендовал её «для широкого распространения по театрам Республики».

В последующие годы деятельность писательницы в среде местных литераторов вызывала только положительные отклики, так как её новые пьесы («Баллада о весёлых жаворонках», «Джинсовый бал», «Три дня в гостях», «Возлюбленные» и другие), с успехом поставленные в разных городах страны, позволяли «отчитаться наверх» и за драматургию, признанную слабым «звеном» смоленских литераторов.

На сцене Смоленского областного драматического театра шли спектакли по её драматургическим произведениям: «Где ты, Светлана?», «Гордячка». А детский театр в Москве поставил пьесы Тамары Ян «Девочка и апрель» (1969) и «Дом под солнцем» (1970).

К 50-летию ВЛКСМ на сцене смоленской драмы сыграли пьесу Т. Ян «Возлюбленные» – «о долге перед Родиной, перед народом». Публика очень хорошо принимает эту и другие её постановки.

Смоленский журналист Юрий Васильевич Пашков поделился собственным впечатлением от спектакля «Дом под солнцем», увиденном в Москве: «Я могу сказать, что он, спектакль, пользуется успехом у юных зрителей. Театр вместе с автором пьесы ведут умно и сердечно разговор с ребятами о человеческом достоинстве, о доброте подлинной и мнимой, о внимании к людям, о красоте людской солидарности и содружестве людей».

Большим событием в жизни Тамары Германовны стало награждение в марте 1982 года орденом «Знак Почёта». На торжественном собрании творческой интеллигенции Смоленской области награду ей вручил первый секретарь Смоленского обкома КПСС И. Е. Клименко.

Исследователь О. А. Новикова подчёркивает, что «смоленский период оказался очень плодотворным в творчестве Тамары Германовны». По её сценариям в 1970-1980-х годах были сняты телефильмы-спектакли «Девочка и апрель» (1970), «Твоя юность» (по пьесе «Твои шестнадцать», 1973), «Молодожёны» (1978), «С Новым годом, Алёна» (1979), «Метелица» (из популярного телевизионного цикла «По Вашему письму», 1983). Герои драматургии Тамары Ян – люди своего времени, которых волнуют и актуальные проблемы действительности, и вечные вопросы человеческой жизни – любовь, нравственность, долг».

Самой известной работой драматурга, выдержавшей испытание временем, стала пьеса «Девочка и апрель», написанная в 1969-м. Она «о зарождении чистой юношеской любви, о человеческом достоинстве, о педагогическом такте, об ответственности коллектива в борьбе против подлости».

Произведение – лирическая история о непростой первой любви, которая, как и природа ранней весной, робко пробуждается в юных сердцах. Действие происходит накануне выпускных экзаменов.

Главные герои пьесы – Игорь и Варя – учатся в одном классе, но не замечают друг друга, живут каждый своей жизнью. Он – отличник, чемпион по фехтованию. Родители возлагают большие надежды на его будущее. Она мечтает стать биологом, поглощена науками, хотя учится неважно, воспитывается бабушкой. Но, как неизбежен ежегодный приход весны, так неизбежна и первая любовь главных героев.

На школьном вечере Варя ведёт себя вызывающе. В знак протеста одноклассницам она публично целует Игоря, по которому вздыхают все девчонки школы. Этим смелым и бескомпромиссным поступком она обратила на себя внимание Игоря. Сначала у главных героев появляется желание узнать друг друга поближе, а потом – новое незнакомое им обоим чувство... Это замечают все: друзья и просто одноклассники, учителя и родители.

Варя понимает, что это чувство мешает ей достичь поставленной цели, она уже не может управлять собой. И, чтобы освободиться от постоянных дум об Игоре, она идёт на приём к психиатру. Она не хочет быть, как все... Мудрый психиатр посвящает её в великую силу любви, напутствуя словами поэта Александра Блока: «Только влюблённый имеет право на звание человека».

Этой непростой любви уготованы серьёзные испытания. В классе распространяются анонимные письма. Они терроризируют главных героев и вызывают их на решительные поступки. У ребят возникают проблемы с учителями, с родителями, с одноклассниками, между собой.

Защищая Варю и чистоту их отношений, Игорь ссорится с матерью и уходит из дома. Он вынужден забросить спорт, а после выяснения отношений с друзьями и учителями вообще уходит из школы, а вместе с ним и Варя. И это – накануне выпускных экзаменов!

Спектакль помогает молодым людям определить своё нравственное начало, сделать правильный выбор в трудных ситуациях и достойно выйти из них. Постановка затрагивает такие струны души, которые может взволновать только чистая и искренняя любовь. Спектакль психологический. Он никого не оставляет равнодушным и заставляет задуматься и юных зрителей, и их родителей, и педагогов.

У этой пьесы – долгая театральная жизнь. Наверное, в стране нет детского, юношеского, да и «взрослого» театра, где бы не шла эта постановка. И сегодня, спустя более полувека, она выходит на сцены. В спектаклях были заняты известные актёры. Например, в постановке «Апрель» в московском театре имени Ленинского комсомола главные роли играли народная артистка СССР Татьяна Пельтцер, а также – Татьяна Аксюта, Валентина Ананьина, Виктор Петров, Александр Сирин, Андрей Леонов, Ольга Сирина, Николай Шавыкин.

Спектаклем по этой пьесе был впечатлён известный российский драматург Виктор Розов:

«Я был на премьере в переполненном зале (Центрального детского театра) и видел, как очень долго, стоя, зал не отпускал артистов со сцены. Конечно, зрительские аплодисменты, особенно на премьере, и вообще зрительский успех не всегда достаточно полно и верно отражают истинную ценность спектакля, но в этом случае, думаю, именно они как раз и служат самой точной характеристикой, потому что в детском театре, как известно, не бывает аплодисментов вежливости, а оценивали спектакль сами дети».

Театроведы утверждают, что с полным правом пьесу «Девочка и апрель» можно назвать «смоленской», так как в авторских ремарках, содержащих обозначение места действия, немало примет, в которых узнаётся Смоленск:

«Большой, засыпанный снегом город. Холмы, замёрзшая река, крепостная стена над рекой»; «В городском сквере безлюдно. Бронзовый лось стоит, закинув рога. И он, и чёрные обнажённые деревья ждут весну»; «Внизу река, заречные прозрачные дали»...

Однако ж, вполне угадываются и контуры нашего, кузбасского, Новокузнецка...

История, написанная в далёкие 60-е годы, и сегодня остаётся актуальной. Она и сейчас не уходит из театральных репертуаров. Например, в апреле 2021 года в Центре культурного развития «Лебединец» (город Губкин Белгородской области) состоялась премьера спектакля, «Девочка и апрель, или твой поцелуй», поставленного по пьесе Т. Ян. Его показал любительский театр «Маска». Спектакли с таким названием совсем недавно дали также в Санкт-Петербурге, Томске и других городах страны.

А вот, например, какое мнение одного из жителей Санкт-Петербурга от 22 апреля 2018 года обнаружилось на просторах Internet:

– Удалось побывать на спектакле по пьесе Тамары Ян «Девочка и апрель, или твой поцелуй» в НТЮЗе при ДК Выборгский, Спб. Это просто чудо! А учитывая, что это – постановка детской студии – просто нет слов, какие они молодцы! В центре сюжета – лирическая история о первой любви старшеклассников. Билеты случайно в инете нашли, и удалось сходить всем семейством. Всё так чисто, искренне, как и должно быть в этом нежном возрасте...

Критик О. А. Новикова подчёркивает, что «протоколы собраний смоленских писателей свидетельствуют, что Тамара Ян не была любительницей и активной участницей дискуссий и споров, возникающих в писательских заседаниях. Тем ценнее её редкие выступления о смоленских собратьях по перу».

Так, драматург положительно отметила поэтический сборник А. Мишина «Кольца»: «Есть строки родниковой чистоты, – пишет она. – Растущий поэт». О поэте Н. Смирнове, которому дала «путёвку» в Союз писателей: «Русская школа, ясность, пронзительность стихов». В поддержку драматургических опытов поэтессы Н. Семёновой: «Она долго трудилась, по заслугам ей и слава». Высоко оценила поэзию Р. Ипатовой: «Это очень интересная личность. Человек она честный, тонкий, умный. Мне понравились краткость, афористичность, философичность стиха».

Выступая на собрании писателей 15 мая 1980 года, где больше говорили о второстепенном, а не о творчестве, Тамара Ян предложила «разговоры об организаторской работе» перевести в плоскость «творческой работы писателей».

Редактор смоленской областной газеты «Рабочий путь» Леонид Иванович Козырь в мае 1983-го с гордостью отмечал:

«Тамара Ян – наш признанный драматург, чьи пьесы идут в Кремлёвском театре и во Дворце съездов».

А драматург Т. Г. Ян продолжала плодотворно работать ещё долгие годы. В годы перестройки Тамара Германовна создала такие пьесы, которые называют современной хроникой и по которым можно с успехом изучать своё время. Среди них такие, как «Три дня в гостях» (1985), «Глубинка» (1987) «Петух в поезде, или

Как быть взрослым» (1987), «Анкета любимой женщины» (1990). Ряд её произведений для сцены переведён с русского на языки других народов.

Своё творчество она адресовала, прежде всего, юношеству. Постоянно затрагивала не теряющие актуальности проблемы нравственности. В своих произведениях утверждала вечные ценности человеческого бытия...

Последние годы Тамара Германовна Ян жила в Москве. Ушла из жизни 6 января 2011 года.

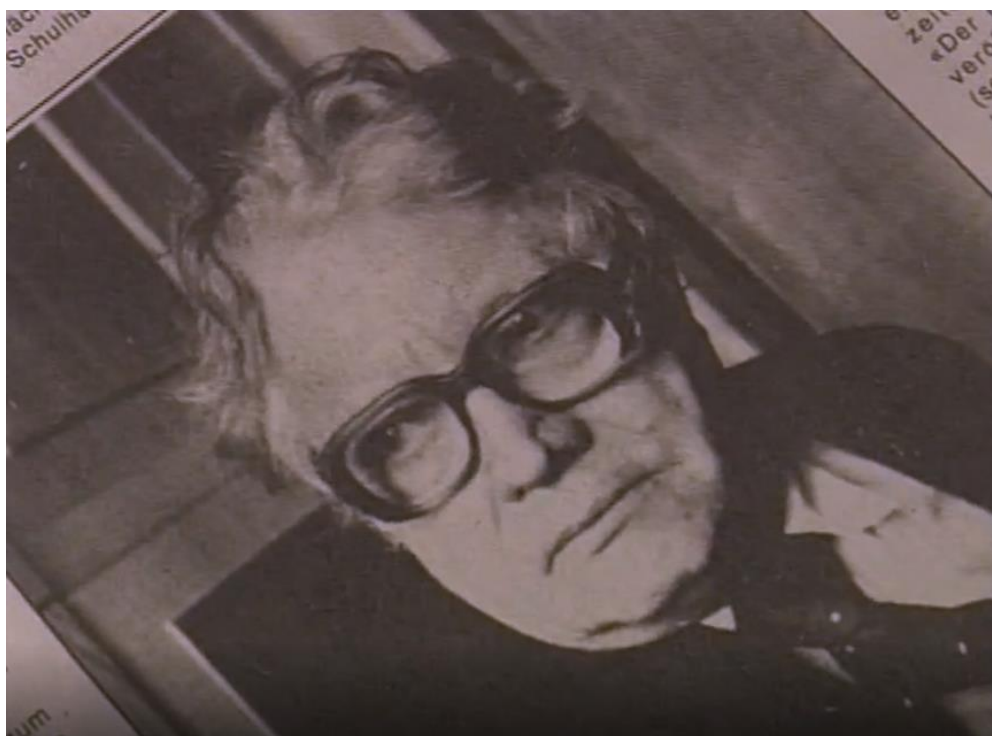
В литературном музее Смоленского государственного университета есть фонд Т. Г. Ян № 16, в котором хранятся фотографии писателя и сцен из спектаклей, рукописи пьес, афиши, програмки постановок и другие документы.

Однажды она написала такие, казалось бы, простые строки:

Любовь и дружба – две родных сестры,
Прекрасны обе, юны и добры,
И так порою схожи меж собою,
Что, повстречавшись с ними вновь и вновь
Нередко дружбу мы зовём любовью
И называем дружбою любовь...

Но сколько же в них скрыто простой житейской философии автора, отдавшего целую жизнь служению муз...

Герберт Густавович Генке: «Если звёздам дарована вечность, это значит, – бессмертие есть»

Не все молодые литераторы Кузбасса знают о тех, с кого начиналась Кемеровская областная организация Союза писателей. Напомним им, что 28 апреля 1962 года решением секретариата правления Союза писателей России было принято постановление об организации областного отделения Союза писателей РСФСР в городе Кемерово.

А на состоявшемся 14 июня 1962 года организационном собрании писателей Кемеровской области поэт Евгений Буравлёв был избран ответственным секретарём областной творческой организации профессиональных авторов. В неё тогда входило всего пять членов Союза писателей. Это – Александр Никитич Волошин, Геннадий Модестович Молоstown, Евгений Сергеевич Буравлёв Тамара Германовна Ян.

Пятым стал германоязычный Герберт Густавович Генке.

О нём в кузбасской литературной среде вспоминают не так часто, хотя его вклад в советскую культуру, в укрепление дружбы народов нашей многонациональной страны стал очень значительным.

Он был поэтом, писателем, переводчиком, автором многочисленных произведений на русском и немецком языках.

Герберт Генке родился 14 ноября 1913 года в немецкой семье крестьян-собственников, проживавших в селе с поэтическим названием Анетта, что в Ярунском районе Волынской губернии Российской империи (ныне Новоград-Волынский район Житомирской области на Украине).

С 9 лет мальчик открыл для себя потрясающую красоту поэтической лирики классика немецкой литературы Иоганна Гёте. И когда маленький Герберт начал слагать свои первые стихи, в них он старался продолжать эти творческие традиции.

Писатель Герольд Бельгер в одной из телепередач вспоминал, как Герберт в девятилетнем возрасте однажды впервые в жизни прочёл стихи Гёте, сидя в цветущем летнем саду. Необычно красивые поэтические фразы в сочетании с восторгом перед пышной природой серьёзно вдохновили ребёнка. И в конце концов привели его к поэзии: «Он сам начал сочинять поэтические строки. С тех пор для него существовал особый мир – мир искусства, а в искусстве для него существовала поэзия. Образцом поэзии Генке считал немецкую классическую поэзию...»

После 1917-го – года социалистической революции – в России, помимо немцев Поволжья, существовали ещё 14 национальных районов советских немцев: на Украине, в Крыму, на Кавказе и в Сибири. Общая численность советских немцев в начале 1930-х годов составляла около 2 миллионов человек. Но к концу 30-х все национальные районы советских немцев были упразднены. Осталась одна АССР Немцев Поволжья, к которой и потянулись все соплеменники из разных регионов. Так и семейство Генке оказалось в Поволжье. Герберт с раннего детства отлично владел немецким и русским языками.

В 1931-м он поступил на рабочий факультет вуза в Саратове, а в 1937 году успешно окончил Немецкий пединститут в Энгельсе (город в Саратовской области России). Он всегда подчёркивал, что годы учёбы в институте стали для него счастливыми. У него было много знакомых и друзей – литераторов, среди них – Кристоф Завадский и другие. Он тесно общался с ними и считал, что многим им обязан.

Уже тогда у него проявились разные способности. Например, он в совершенстве овладел стенографией. И это позволяло ему быстро набрасывать на бумаге пришедшие на ум поэтические строки.

Литературную деятельность Герберт начал в 1934 году – со студенческих лет. Первый поэтический сборник Генке на немецком языке назывался «Вольная Волга» («Freie Wolga»), его издали в СССР в 1938 году. Вторая книга стихов Генке вышла в предвоенном 1940-м.

В 1939-м в московском журнале «Дружба народов» опубликовали первые переводы немецких стихов Г. Генке на русский язык. Творчество поэта было положительно отмечено критикой. О его стихах написал журнал «Интернациональная литература».

В 1939 году в жизни молодого литератора состоялось ещё одно большое событие – приняли в Союз писателей СССР. Особо выделим, что рекомендацию для вступления в Союз писателей ему дала знаменитая немецкая писательница Анна Зегерс, которая с 1958-го по 1978 годы являлась председателем Союза немецких писателей ГДР.

А в 1940-м Герберт впервые в жизни побывал в Москве, принял участие в семинаре молодых литераторов, где встречался с Леонидом Соболевым, Львом Кассилем, Константином Фединым и другими известными советскими авторами.

До начала Великой Отечественной войны Герберт активно работал в советско-немецких изданиях – газете «Nachrichten» («Известия») и журнале «Der Kämpfer» («Камфора») Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья.

Однако с началом военных действий многие советские немцы Поволжья были депортированы в Сибирь на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28. 08. 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Для расселения были выделены аграрные районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие местности. Установили жёсткие сроки выселения – 24 часа с момента объявления сборов. Более 400 тысяч немцев Поволжья были в считанные дни вывезены на восток страны. Не избежал этой участи и молодой поэт.

Так 1941 году он оказался в Красноярском крае, где занимался пчеловодством. Его направили в так называемую Трудовую армию, которая представляла из себя систему рабочей повинности населения, мобилизованного в созданные по военному образцу трудовые организации. Но даже в таких условиях Герберт сумел сохранить творческую энергию.

По окончании Второй мировой войны Генке перебрался в село Тамбар Тисульского района Кемеровской области. Здесь он проживал до 1968 года, работая в местной школе учителем немецкого языка.

Он оставил заметный след в этом учебном заведении. Многие его ученики долгие годы добрым словом вспоминают своего учителя. Дети любили педагога за то, что он умел выслушать каждого, если нужно, принять справедливое решение. Герберт Густавович делился своими педагогическими размышлениями с коллегами, публиковал заметки на эти темы в газетах Кемеровской области. Так, в газете «Кузбасс» от 9 января 1965 года в заметке «Педагогическая строгость» он писал:

«...Если коллектив в ответе за каждого, то тем более и каждый отвечает за себя. Почему из-за шалости озорника наказывают весь класс? Иногда возмущённые ребята оскорбляют виновника или даже побьют. Вот цена этой игры... Часто мы слышим: ничего ученику нельзя простить. Сколько окостеневшей чёрствости в этом правиле. Разве сам учитель иногда не забывает свой учебник? Случается. Тогда ученик протягивает ему свой. А если это случится с учеником? Его отчитывают, хмуря брови, посылают домой. В душе юного ребёнка под напором требовательности гаснет огонёк – стараться всё равно бесполезно. Да, у строгости есть свои пределы, особенно там, где она стала придирчивостью...»

В эти годы стихи учителя из села Тамбар часто появлялись в немецких периодических изданиях, выходящих в Советском Союзе. Знали о его творчестве и в Германской Демократической Республике. Переводы немецких стихов Герберта Густавовича печатают и издания Кузбасса.

В 1962-м Герберт Генке участвовал в создании Кемеровской областной писательской организации, членом которой затем являлся около шести лет. В 1966 году вступил в КПСС. В 1967-м в Кемеровском книжном издательстве вышла книга его стихов на русском языке «Праздник мёда» в переводе Валентина Махалова. В предисловии переводчик отметил:

«Стихи Генке заслуживают того, чтобы звучать на русском языке. Они умны, строги и по-хорошему философичны. В них присутствует целомудренная любовь к природе, к людям. Во многих стихах Герберта Генке, даже в его стихах о природе, сквозит мысль: нельзя слепо верить в счастливое будущее, надо бороться за него, чтобы избежать всяких трагических случайностей. Эта мысль глубока и человечна».

Вот строки из стихотворения «Праздник мёда»:

Мой отец был тихим человеком.
Он любил детей, цветы и книги,
Мой отец простым был пчеловодом
И носил густой медовый запах
В бороде окладистой своей.
Этот запах я запомнил с детства,
С той поры, когда ещё мальчонкой
Озорно резвился на коленях
У отца, который мне казался
Самым добрым в мире человеком.
Он учил меня любить природу,
Понимать весёлый птичий посвист.
Будто знал, что это пригодится
Мне потом, когда я повзрослею, –
Для любви, для жизни, для стихов...

«У нас в Кузбассе живёт и работает интересный немецкий поэт, член Союза писателей Герберт Генке, – писал Валентин Махалов в другой газетной заметке. – Он преподаёт немецкий язык ребятишкам в средней школе села Тамбар Тисульского района. И много работает, как поэт. Стихи его регулярно публикуются в немецких газетах и журналах, в еженедельнике «Новая жизнь». О творчестве поэта тепло отзывается критика. Ему посвятили свои статьи такие корифеи немецкой культуры, как Анна Зегерс и Иоганнес Бехер. Мне очень интересно переводить стихи Герберта Генке. В них я нахожу глубокое понимание природы, ясный ум и доброе сердце».

Тебя туман морозный опоясал
И скалы взяли в жёсткое кольцо,
Мой край – таёжный уголок Кузбасса,
Я пристально гляжу в твоё лицо...

Славным труженикам земли Кузнецкой, природе нашего края поэт посвятил немало ярких поэтических строк. А в стихотворении «Записи» Генке славит нелёгкий труд металлургов:

Есть в Новокузнецке такая река –

О ней, может быть, вы слышали:

Зажаты в дымящиеся берега

Бурлящие струи из стали.

А сколько задорного оптимизма, позитивного юмора, любви к жизни в таких его стихах:

В наш дом девчонка-почтальон

Идёт шагами быстрыми.

А я давным-давно влюблён

В её глаза лучистые.

С большущей сумкой на ремне

Идёт она по этажам.

Но не приносит письма мне

И не стучится к нам.

Её я ждать совсем устал.

И вот, набравшись сил,

Себе письмо я написал

И в ящик опустил.

Наутро радостный звонок

Гремел на весь этаж:

– Письмо!

– Письмо!

Моё письмо мне принесла мечта...

«...Генке, прежде всего, поэт мысли, – говорится в читательской рецензии, опубликованной в газете «Кузбасс» 30 декабря 1967 года. – Философская мысль, объединяющая в единое целое человека и природу в неразрывное единство, – основа его мироощущения. Его пейзажная лирика – не средство уйти от современности, а, наоборот, желание глубже осмыслить жизнь.

...Лирика Генке гражданственна своим подходом к человеку, его ответственностью за будущее. Вопрос, который его волнует, – «Сохранилось ли Родины чувство во мне?» Через многие его стихи проходит мысль о том, что человек должен оставить след на земле. Его «Баллада о Казыре», которая посвящается Александру Кошурникову, «Сказание о топи» пронизаны гордостью за тех, кто боролся за самое светлое, самое лучшее на земле».

...Летит корабль по заданной орбите,

Нырняя в небе рыбкой золотой.

И я, поэт и деревенский житель,

Взволнованно машу ему рукой.

Цвета и звуки города ночного

Мелодией звучат в моих ушах.

И спутник – светлой музыки основа,

К которой прикасается душа.

Но не только стихами увлекается автор: пишет и прозу. Его юмористический рассказ «Почему я хожу пешком», опубликованный в немецкой газете «Нойес лебен», был – в переводе В. Назаровой – напечатан в газете «Кузбасс» 18 января

1970 года. И привлёк внимание читателей. В нём – шуточная история о том, как жена приревновала мужа, найдя у него в кармане два 6-копеечных билетика для проезда в автобусе...

В дальнейшем его прозаическое дарование нашло серьёзный выход в многочисленных повестях и рассказах.

К большому сожалению, в 1968 году Герберт Густавович Генке уехал в Алма-Ату. Туда, где в Казахстане обитает большое сообщество советских немцев. Здесь он прожил около 30 лет. Работал в редакции немецкого радио, переводил на немецкий язык казахскую поэзию.

Герберт Генке – автор семи поэтических книг: «Вольная Волга» (1938), «Весна» (1940), «Праздник мёда» (1967), «Зелёное эхо» (1977), «Пульс моего времени» (1980), «Лестница» (1985), «Круговорот» (1990); цикла стихов «Kija-Schaltyr» («Кия-Шалтыр»), поэмы «Mein Zeitalter

» («Мой век») и других лирических произведений.

Его стихи по-прежнему проникнуты чистотой и философией. Его непростая судьба не убила в нём радость жизни, умение найти позитив даже там, где его, казалось бы, не было. Поэт всякий раз припадает к своим истокам и черпает в них силы, чтобы идти дальше:

Я вернулся.

И слышу, как шепчет трава

Мне пропахшие ветром слова:

– Где ты был?

Как ты жил?

У какого огня

Сердце грел

Без друзей,

Без меня?

Я вернулся.

И вижу, мне шепчут

кусты:

– Сколько вёсен не видел

нас ты?

Может, ты позабыл,

Может, ты разлюбил

Те дороги, какими ходил?

Я вернулся в края,

Где родился и рос.

И повсюду мне слышится

Этот вопрос:

– Как я жил,

Кем я был

На чужой стороне?

Сохранилось ли Родины

чувство во мне?

Наиболее значимые прозаические произведения Герберта Генке – повести «На тропе детства», «Трудные времена», «Исполнившиеся надежды». Эта автобиографическая трилогия была опубликована в газете «ДАЦ» (национальная республиканская газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» (DAZ) образована в 1966 году, является единственной газетой немецкого этноса не только в Республике Казахстан, но и на территории всей Центральной Азии).

Так же он выпустил сборник рассказов «Персики» (1973). В 1983 году в Алма-Ате вышел сборник повестей и рассказов «Листая страницы жизни». Сборник его поэзии и прозы «Lesebuch» («Книга для чтения», 1988) был напечатан в выпусках альманаха «Феникс» в 1994-1995 годах.

Произведения Густава Генке вошли также в сборники «Рука об руку» (М., 1960, 1965); «Надежда живет во мне» (М., 1972); «Сказ о моих друзьях» (М., 1974); «Мой Казахстан» (Алматы, 1978), «Твоей непричастен судьбе» (Алматы, 1991).

Современные критики называют Герберта Генке необычным, своеобразным поэтом, который не вписывается в обычные общечеловеческие нормы. Образы украинской и сибирской природы, покорение космоса, образ человека-созидателя – вот основные темы его произведений. Многие произведения Г. Г. Генке переведены на русский и казахский языки.

Герберт Густавович также активно переводил на немецкий язык казахскую поэзию. В частности, им составлен сборник казахской поэзии «Ритмы степей» (1976), в котором ему принадлежит большинство переводов.

За большой вклад в развитие казахской культуры литератор награждён Почётной грамотой Верховного Совета Республики Казахстан.

Нередко Герберт Густавович в составе групп немецких авторов из Казахстана выезжал на Дни немецкой литературы в другие регионы СССР, где компактно проживают представители немецкого народа.

Такие мероприятия проводились, например, на Алтае. Здесь проходили литературные встречи и чтения произведений, семинары, участниками семинара были проживающие на Алтае немецкие писатели и приглашённые немецкоязычные литераторы из других областей и республик. Кроме Г. Генке в таких встречах принимали участие авторы Э. Каценштейн, Н. Пфеффер, В. Вебер, В. Гердт, М. Юдалевич.

В программах этих Дней были встречи с читателями, чтение стихов, переводов, юмористических рассказов. Генке вспоминал, что участники проводили по два-три выступления в день: днём – в школах, перед учащимися разных возрастных групп, вечером – в клубах.

В 1990-е годы в Казахстане выходила телепередача «Гутен Абенд!» («Добрый вечер»), освещавшая как жизнь немцев в Республике Казахстан, так и общие вопросы развития страны. В ней показывали интервью и встречи с интересными людьми: композиторами, писателями, художниками, представителями самодеятельного творчества, актёрами, политиками, предпринимателями.

Авторы программ проводили съёмки в Казахстане и Кыргызстане, России и Германии – на съездах российских немцев, фестивалях народного творчества,

освещали многие мероприятия Совета Немцев Казахстана, организаций «Возрождение-Видергебурт».

Редакция снимала и документальные фильмы про жизнь земляков. Тележурналисты совместно с писателем Герольдом Бельгером подготовили серию передач о творчестве российско-немецких авторов: Нелли Ваккер, Норе Пфеффер и других. Было в этом списке и имя Герберта Генке.

4 марта 1999 года Г. Г. Генке не стало...

Ему было 85 лет. Из них более 65 лет он работал в литературе. «Это редкий творческий дар, выпавший на его долю», – отмечали исследователи его поэтико-прозаического наследия. Не многим авторам выпало такое длительное и плодотворное долголетие.

Однажды, в самой середине 1960-х, когда Герберт Генке ещё проживал в Кузбассе, он сочинил стихотворение «Георгины». Поэту тогда было всего за пятьдесят, впереди его ещё ждала долгая, полная творчества жизнь. И, будто пророча долгую судьбу своих произведений, он написал:

...И опять я поверю угрюмо,
Что спасенья от старости нет.
И мои невесёлые думы
Подтвердит умирающий цвет.
Через сердца глухие удары
Вдруг почувствую времени бег,
Я, поживший, но в общем не старый,
Ещё нужный земле человек.
И когда вот накатит такое –
Словно камень, влекущий ко дну,
Я полночные окна открою
И на звёздное небо взгляну.
И увижу, что даль – бесконечна,
Звёзд пылающих в небе не счесть.
Если звёздам дарована вечность,
Это значит – бессмертие есть.

**Алексей Васильевич Косарь:
«...И куда нас только не бросало
с авто-, аэро-, желдор- и морвокзалов!»**

1.

Алексей Васильевич Косарь настолько прикипел к Кузбассу, что даже спустя много лет после того, как он уехал из Кемеровской области на Украину, о нём говорили: кемеровский журналист и поэт.

Нина Инякина, дочь поэта Михаила Небогатова, как-то прислала небольшую заметку об этом человеке. «У Небогатова, – сообщала она, – в дневниках есть такая запись (см. с. 155 в книге «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет»): «1984 год, 19 августа, воскресенье: ...к шести часам были дома. Через сорок пять минут началась телепередача «Кузбасс литературный». Первым выступал Гена Юров, за ним я. Между прочим, Гене изменила память: он сказал, что поэзия в Кузбассе началась с Буравлёва. Это далеко не так. Первый сборник Жени, который редактировал я (назывался он «Кладоискатели»), вышел в 1956 году, к тому времени у меня было уже две книжки: «Солнечные дни» (1952 г.) и «На берегах Томи» (1953 г.). А ещё раньше – в 1947 году – вышла первая поэтическая книжка Алёши Косаря «Углеград». Правда, Алёша так и не вошёл в литературу, значит, поэзия началась с меня.

Запись наших выступлений велась безо всякой репетиции, и я мог бы, если бы она (репетиция) была, сказать обо всём этом Гене, а так мне было неудобно навязываться в зачинатели поэзии в Кузбассе, и я не стал поправлять в своём выступлении Гену. Но телезрители, наверно, поняли, с кого и что начиналось, потому что всё моё выступление основывалось на литературном, ещё довоенном прошлом.

Звонил вчера Витя Баянов, я рассказал ему об этом. Он согласился со мной, Женя, говорит, начал примерно в одно время со мной, тут Гена нарушил историческую правду. Я как-нибудь поговорю с Геной об этом, а то он ещё где-нибудь, скажем, в статье, повторит свою ошибку».

Говоря о самых первых профессиональных писателях Кузбасса, называют 5 имён: Александр Волошин, Евгений Буравлёв, Геннадий Молостнов, Герберт Генке и Тамара Ян. Именно они стали первыми членами вновь созданного отделения Союза писателей РСФСР.

Самым первым вслед за этой пятёркой в Союз писателей был принят Михаил Небогатов. И далее организация медленно, но, верно, пополнялась новыми и новыми поэтами и писателями-профессионалами. Среди этих имён имени Алексея Косаря, действительно, нет. Однако это не значит, что он перестал писать, нет. У него выходили книжки, публиковались стихи, рассказы, очерки.

Он так и остался только членом Союза журналистов. А вот членом Союза писателей так и не стал.

«Очень жаль, – пишет далее Н. М. Инякина, – что в сборнике стихов А. Косаря в моей домашней библиотеке, редактором которого был Михаил Небогатов («Откровенное слово». – Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1958) нет ни предисловия, ни вступительного слова от редактора. А хотелось бы прочитать хотя бы несколько слов... Эти несколько слов к читателям сказал сам поэт:

Я видел райские края:

Там с гор хрустальная струя

Скользит, сверкая и шумя,

Восторг рождая детский...

Но песнь моя, мечта моя –

Не рай, не клетка соловья,

А вы, надёжные друзья,

И дочери, и сыновья

Родной земли Кузнецкой».

2.

Алексей родился в мае 1919 года в селе Русаловка Черкасского уезда Киевской губернии, УССР (ныне – центр сельского совета Маньковского района Черкасской области Украины). При этом исследователи его творческой биографии отмечают, что одна дата – его рождения – дана в трёх разных источниках по-разному: есть и 1919-й, и 1920-й, и 1918-й годы. Но мы будем исходить из той, от которой впоследствии Алексей Васильевич отмечал своё 90-летие...

В семье его родителей-крестьян – Косаря Василия и Косарь Марии – было девять детей. В начале 30-х годов семья попала под молоха раскулачивания и была выселена, с 1932-го проживала в Магнитогорске, где родители работали на строительстве металлургического комбината.

Алексей участвовал в Великой Отечественной войне, получил тяжёлое ранение. В мирное время числился майором запаса.

Он прошёл уникальную школу журналистики, отдал этой профессиональной деятельности около 70 лет своей жизни. Его первое произведение было напечатано в 1941 году.

С 1940-х годов А. В. Косарь жил и трудился в Кемеровской области. Работал заведующим отделом культуры областной газеты «Кузбасс» (1943-1956), редактором художественной литературы Кемеровского книжного издательства (1954-1956). Был собственным корреспондентом «Экономической газеты» в Сибири и Молдавии (1956-1966).

Он принимал участие в конференции молодых писателей-сибиряков, состоявшейся в Новосибирске 28 ноября – 2 декабря 1947 года, в 1950-м – в совещании молодых литераторов в Москве.

Алексей Васильевич был организатором литературного кружка «Среда» при областной газете «Кузбасс». Так что в истории становления писательской организации Кемеровской области, официально появившейся в 1962 году, он занимает особое место. Благодаря руководству литературным кружком в газетной редакции, он очень хорошо был осведомлён о творчестве кузбасских поэтов и писателей, знал его изнутри. Как и другие первые, Косарь «стоял у истоков», много и интересно рассказывал на страницах газеты о начале литературной жизни области, писал об этом в подробностях, событиях и лицах.

Дружил (и тепло отзывался о нём) с писателем, лауреатом Государственной премии СССР Александром Волошиным, Сашей...

Многие кузбасские поэты, литераторы и журналисты тех лет обязаны Косарю своей состоявшейся творческой карьерой. Например, именно Алексей Васильевич в своё время обратил внимание на скромного Мишу Небогатова – постоянного участника занятий литературной группы при редакции. В 1945-м как раз Косарь порекомендовал редактору «Кузбасса» Арсену Арсеновичу Бабаянцу зачислить Небогатова в штат редакции в качестве литсотрудника.

Сам Небогатов так вспоминал это неписанное шефство над собой:

«С Алексеем Косарем я работал в одном отделе. Видя стеснительность и даже некоторую робость нового литсотрудника, Алексей часто говорил:

– Ты, когда идёшь за материалом, оставляй свою застенчивость и мягкость в редакции, вот здесь, – указал он на стул. – Заходи к директору завода, садись вот так (при этом он с важным видом закинул ногу на ногу) и, свысока глядя на него, начинай беседу. Ты – журналист. Пишешь хорошо. Посмотри, сколько наград с фронта привёз. Надо знать себе цену, понял?

– Хорошо... Только я так не умею. Я имею в виду, вот так сидеть.

– Учись. В общем, больше достоинства, смелости и вообще...»

13 ноября 1946 года А. Косарь опубликует статью в газете «Кузбасс» под заголовком «Кемеровская литературная группа»:

«...Члены литературной группы решили, что не стоит ожидать, когда откуда-то придут маститые писатели, чтобы создать местную литературу. Мы сами должны и можем положить ей начало.

Нечего и говорить: цель благородна, велика и ответственна. Шахтёры, металлурги, химики, многие труженики городов и сёл Кузбасса заслужили право стать героями романов, повестей, пьес, рассказов, поэм и песен. Едва ли где в другом месте нашей страны так сконцентрированы богатства недр и красоты природы, как в Кузбассе. Нетронутых богатейших тем, которых хватит для десятка книг, в Кузбассе больше, чем в другом месте...»

Алексей Васильевич смело называет читателям имена молодых кузбасских авторов, претендующих стать литераторами нашего региона. Среди них он приводит нам имена П. Чеха, М. Небогатова, Г. Замятиной, В. Ольгина, И. Балибалова, А. Полозовой и других. Кстати, он одним из первых заметил талантливые рассказы А. Волошина из Сталинска...

Косарь стоял и у истоков создания литературного журнала Кемеровской области. «Нам кажется, – призывал он в 1946-м, – что пришла пора, когда необходимо собирать поэтов и прозаиков Кузбасса и объединить их, организовать и выпускать «Альманах» (как сделали сталинградцы и ворошиловградцы), ускорив этим назревающее рождение кузбасской литературы».

И в феврале 1949 года вышел первый номер альманаха «Сталинский Кузбасс» (ныне «Огни Кузбасса»). В нём были напечатаны: начало романа А. Волошина «Земля Кузнецкая», стихи М. Небогатова, Г. Молостнова, И. Ховеса, К. Бранчукова, да и стихи самого А. Косаря. Ответственным редактором первого номера журнала стал А. Бабаянц, а Алексей Косарь – секретарём редколлегии журнала.

«О чём же пишут начинающие поэты Кузбасса?» – задавал Косарь риторический вопрос на страницах газеты. И сам отвечал на него: «Центральное место в произведениях начинающих поэтов занимает Родина. Ей посвящены лучшие чувства и мысли».

В 1969 году по совету медиков по состоянию здоровья Алексей Косарь переехал на Украину. До 1973-го трудился заведомо сельского хозяйства и советского строительства Одесской областной газеты «Знамя коммунизма».

Он – член Союза журналистов СССР и Украины. Выйдя на пенсию, продолжал активную профессиональную и творческую деятельность. Журналисты Одессы избирали его руководителем первичной творческой организации.

Награждён многими правительственными медалями и орденами, в том числе орденом Отечественной войны II степени (1985), орденом «За мужество» (2002).

Им написано немало книг, среди которых – «В краю сокровищ» (сборник стихов, Кемерово, 1952), «Родной Кузбасс» (стихи, Кемерово, 1953), «Откровенное слово» (стихи, Кемерово, 1958), «Тридцать второй обескровленный», «Эрозия», «Заморенное чудо».

Алексей Косарь автор поэм «Углеград» (Кемерово, 1947), «В шахтёрском городе», «Австралия», «Богатырь», «Голодомор». Его произведения напечатаны на страницах журналов «Сибирские огни», «Октябрь», «Новый мир», «Огни Кузбасса», в издательствах Москвы, Новосибирска, Кемерова.

3.

В одной из автобиографических публикаций сам Алексей Косарь так очертил свой творческий ориентир, к которому стремится:

«Моим богом и наставником был и остаётся Владимир Владимирович Маяковский. И не только потому, что он написал такие замечательные поэмы, как «Хорошо!» и «В. И. Ленин», вступление в поэму «Во весь голос», которые знаю наизусть, а также статью «Как делать стихи» – незаменимое творческое пособие для каждого молодого (и не только молодого) поэта. Все эти сегодня расхваливаемые на всю вселенную (особенно – западные, заокеанские) сверхгениальные поэты в своём творчестве не сумели подняться до недостижимого уровня лирики Маяковского и прежде всего в его поэмах «Облако в штанах», «Про это» (о любви)...»

Он навсегда запомнил столицу Кузбасса как город мощных заводов и предприятий. В лирике 1950-х годов он делал акцент на рабочем облике Кемерова. В его стихотворении «Кемерово» (1952) воспета «эскадра заводов» города: «Коксохим» с новой коксовой батареей, «Азот», ГРЭС:

«На самом почётном
Заслуженном месте –
Могучий и статный завод-коксохим.
Здесь городу каждый рабочий известен,
Он рос,
возмужал
и прославился с ним.

В стихотворениях Алексея Косаря очерчена история Кемерова: от «домика-заимки, / За мелководной Искитимкой, / Что до сих пор ещё жива», – к появлению селений («На правом берегу – Щеглово, / На левом – Кемерово – в ряд...»), от «уездного городка» до большого города («Размах от центра до окраин – / Как будто крылья у орла»).

Поэт-журналист газеты «Кузбасс» спел поэтический гимн производственной мощи города:

«Хотя ты внешне прост и скромн,
Подобно жителям своим,
Твоих трудов итог огромен,
Запас богатств неисчислим.
От кокса, угля и лекарства
До удобренья и машин –
Всё для родного государства
Даёшь, Отчизны верный сын».

В Новосибирске и Киеве по его сценариям созданы четыре кинофильма. Так, в 1959 году А.В. Косарь стал сценаристом документального кинофильма о Горной Шории «В долинах Мрас-Су», производства Новосибирской студии кинохроники, который транслировался в эфире Кемеровской областной студии телевидения. Кстати, помогала ему в фильмографии жена Идея Несторовна Алиевская, выпускница Института кинематографии, много лет работавшая редактором Одесской киностудии.

4.

Алексей Васильевич не забывал свой период жизни в областной газете Кемеровской области. В 1982 году, когда газета «Кузбасс» отмечала 60-летний юбилей со дня выхода первого номера, он прислал из Одессы в редакцию стихи. Они были опубликованы в «Кузбассе» 7 января 1982 года:

...Ты велел врачам:

«Лечите

Поскорей фронтовика!» –

первый друг мой и учитель,
первая

моя

строка!

Посылал меня

в заботы,

в жар печей

и в даль дорог:

«Слышь,

задание

любое,

хоть умри,

но сделай в срок!»

И я

потом

бессчётно раз,

кляня

с тобой

разлуку,

благодарил

тебя, «Кузбасс»,

за добрую

науку.

Любознательный

по-детски,

я объездил

всю планету,

Но родной

Земли Кузнецкой
в целом свете
лучше нету.
Уважая
журналистов,
Дань отдам
любой газете.
Но в любви своей
неистов
лишь – к «Кузбассу»
в целом свете!
Родной «Кузбасс» –
в сердцах у нас.
Моё признание
кстати ли?
С тебя, «Кузбасс»,
не сводят глаз
Мильоны
почитателей.
Всегдашний рядовой солдат
из армии газетчиков,
Тебя, «Кузбасс»,
я видеть рад
грядущего
разведчиком!

В 2002-м Алексей Косарь, уже давно проживающий в Одессе, прислал в Кемерово очерк, посвящённый 90-летнему юбилею Александра Волошина. Автору очерка к тому времени было 83 года. А его друга – писателя Волошина не было в живых уже почти четверть века. Но как же образно и просто, сердечно и откровенно Косарь рассказал о нём! А ещё не меньше вспоминал он в этом очерке и о начале своей непростой журналистской жизни:

«Всякая новая встреча обрисовывает ещё чётче не только нашего собеседника, но и нас самих, высвечивая каким-то волшебным всепроникающим лучом наши мысли, желания, до самых затаённых. Возникает то, широко распространённое теоретически, но, к сожалению, редко встречаемое на практике состояние, о котором в обиходе говорят: «Мы понимаем друг друга с намёка, с полуслова».

Что же можно сказать о неисчислимых встречах с Александром Волошиным, подаренных мне судьбой за добрых полтора десятка лет близкого с ним знакомства? Причём, не в расцвете его славы и популярности. Тогда вокруг него вились, словно тучи надоедливых однообразно гудящих комаров перед грозой, сонмища всевозможных льстецов-прихлебателей. Нет! Не тогда!.. И это очень важно. Добрых полтора десятка лет нашего близкого с Александром знакомства в начале его самого трудного творческого пути.

(Позже, спустя двадцать лет работы после госпиталя в Сибири, я вынужден был, чтобы не остаться без ног, обмороженных на войне, – облитерирующий эндартериит – переехать на Юг).

Опуская подробности – для них не хватит и целой книги – выделю главное: каждая встреча открывала ещё одну грань в его сложном, противоречивом, сильном характере. Естественно, поначалу противоречивость не бросалась в глаза. Её полностью заслоняли обаятельная доброжелательность, постоянная доступность, особенно близкая мне восторженность и, конечно же, щедрое гостеприимство.

Последнее может показаться кому-нибудь надуманным, даже смешным. Достаточно вспомнить, какими нищими были мы в первые годы послевоенного разора. Особенно газетчики и начинающие литераторы. Те из них, кто, кроме минимальной зарплаты и ограниченного до ничтожного предела копеечного гонорара, ничего не имели. А на поклон к местным богачам – торговцам и мошенникам – не шли. Из принципа! Чтобы оставаться независимыми в своём выборе, кого хвалить, кого высмеивать.

Хотя кажущуюся независимость выбора постоянно держали за горло власть предержащие. Очень часто приходилось писать не по велению души, а по указанию сверху, чаще всего – из обкома партии, если говорить о нашей газете. (И не верьте храбрым хвастунишкам, кто, удрав за границу, ради саморекламы готов на полном серьёзе – благо, доверчивых ещё предостаточно, – похвалиться своей былой в то время независимостью!)»

Многого стоят его «зарисовки с натуры» – картинки-воспоминания о редакционной жизни в газете «Кузбасс»:

«Как тут не вспомнить вроде легкомысленную (по крайней мере, на словах, – не раз прилюдно гордилась своими женскими, истинными или придуманными, победами над запросто привороженными достойными мужчинами) Дору Борисовну, нашу сотрудницу, москвичку в расцвете «неотразимой» красоты. Ласково улыбаясь, она могла сесть напротив меня, положить на мой письменный стол свой пышный бюст и, заглядывая в глаза, неожиданной шуткой заставить меня, недавнего солдата, побагроветь от смущения:

– Неужели вам, Алёшенька, никогда не хочется меня?! Все поэты так любят хорошеньких женщин!..

Её перебивал из-за соседнего стола мой начальник:

– Как вам не стыдно, Дора Борисовна? Вы же годитесь Алёше в матери!

– А я и люблю его по-матерински, – продолжала шутить Дора Борисовна, мельком взглянув на Виктора Львовича.

И вот она-то, всегда безупречно нарядная, носила штопаную-перештопанную одежку (другой-то не купишь!).

Однако Дора Борисовна ни за что не захотела принять подарок – отрез на платье – от растроганного её очерками директора эвакуированного из Украины в Кемерово электромеханического завода. Даже слушать о подарке не захотела.

Вот так!..

– Как же после его подарка смогу я завтра критиковать дарителя?! – не на шутку рассердилась Дора Борисовна, слушая упреки Виктора Львовича. Его меньше всего волновала газетная этика:

– Дура ты, Дора! Не взяла такого ценного подарка...

– Да я лучше буду нищей, – продолжала горячиться уязвленная литсотрудница, – но свободной. Независимой. Особенно от начальства!..»

Косарь отмечает, что «таким же «богатым» был и Волошин, когда мы встретились с ним впервые у него дома в Сталинске. Полупустая комната. Старенькая железная кровать. Два обшарпанных примитивных стула возле ещё довоенной тумбочки. Ни письменного стола. Ни малейшего намёка на убранство»...

Или вот ещё о газетных буднях послевоенных лет, о которых нынешняя пишущая для интернета, молодёжь, возможно, даже и не знает:

«Так надо, – непререкаемо требовал редактор. – Сталин работает всю ночь. Обком партии – тоже (вдруг среди ночи позвонят из Кремля!). А мы – газета областного комитета партии. Нам сам бог велел сидеть до утра».

Слова редактора подкреплялись ещё и тем, что вечерние телеграммы ТАСС поступали из столицы поздно (плюс разница во времени между нами и Москвой – четыре часа). А областная газета обязана была давать эти телеграммы в текущий номер. Где же тут, при всём желании, на трижды устаревшем полиграфическом оборудовании (спасибо типографистам за их мастерство!) управишься с выпуском газеты до рассвета? А если и случалось подготовить газету к печати раньше обычного, ночью, то не побредёшь же домой по тёмному городу...»

5.

В начале «двухтысячных» в Одессе за журналистом-легендой гонялись молодые коллеги, чтобы поведать о нём читателям. А Косарь не очень-то любил рассказывать о себе, о своём литературном творчестве. Если и соглашался на интервью, то сразу подчёркивал: «Запомните: никаких подвигов! А то в одной статье меня таким героем представили...»

Тем не менее одно только издание книги «Тридцать второй обескровленный» стоило ему немало нервных клеток. В предисловии к ней он так сказал о своей задумке:

«После посещения восьмидесяти с лишним стран всех континентов, встреч с украинцами и русскими людьми, разбросанными по всему Земному шару, мечтающими хоть перед смертью вернуться из «райских» стран на свою Родину, беды нашего великого многострадального народа стали ещё понятнее, а настойчивость осуществить задуманное и создать эпическое произведение уже не покидала».

Когда работа была закончена и выверено каждое слово, он столкнулся ещё с одним испытанием: «Нигде в мире ... не доводилось встречать подобного «порядка», когда за свою работу автор должен... платить... Обычно у нормальных руководителей за труд писателя платят гонорар». Но в беспределе середины девяностых годов он не отступился от задуманного, и книга увидела свет.

«Книга разошлась по Украине. В России дошла аж до Камчатки. Долетела до Америки. Одесские газеты... напечатали о ней пространные положительные отклики. И только из родного села, о котором написана трагедия, ни словечка!», – с грустью признавался автор.

Вспомнишь тут есенинское: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

Одесская журналистка Ирина Денисова в одной из публикаций сказала про поэта: «Голос Косаря... выделяется ненавязчивым соло, к которому именно от его ненавязчивости тянет прислушаться»:

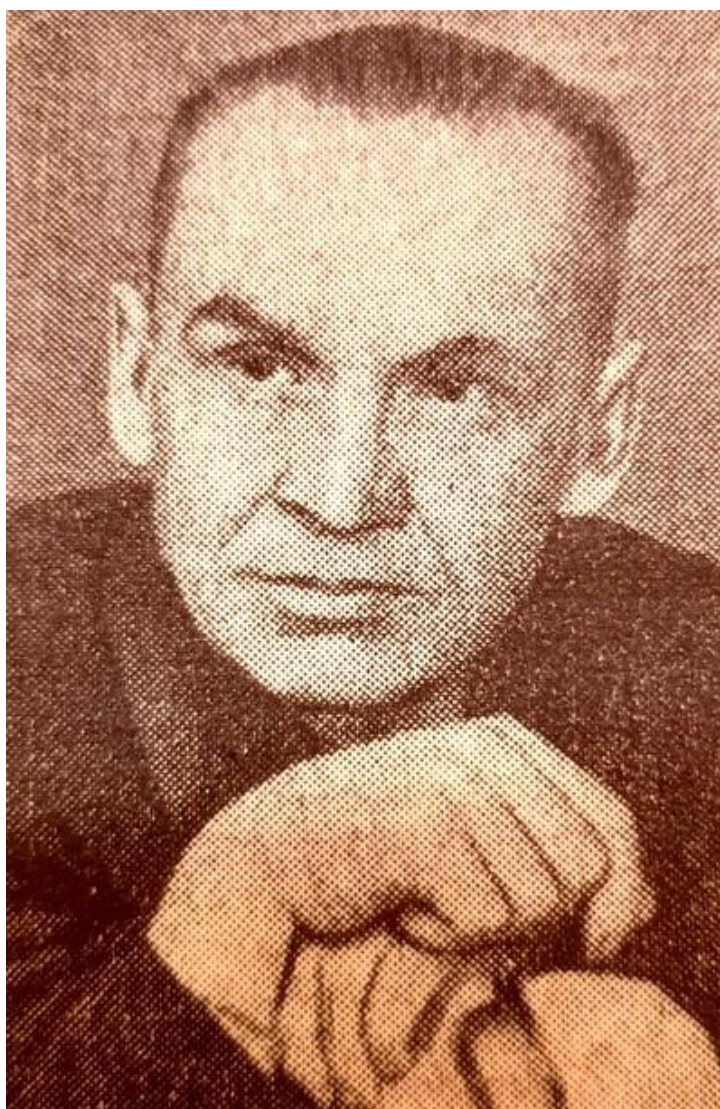
Мечты. Метания по свету.
То слишком щедр. То снова гол.
Нигде не зашибал монету.
Не тем душа моя согрета.
Кажись, объехал всю планету,
Но счастья так и не нашёл.

Журналист и поэт Алексей Васильевич Косарь ушёл от нас 30 января 2010 года – на 91 году жизни.

Он родился вместе с этой страной в переломное время. Вместе с ней испытал все тяготы и победы, перегибы роста и взлёты. Радовался её величию и пережил её крах. Вместе с миллионами других людей до последних дней скорбел о потерянном и несохранённом... Пока мог, он говорил с нами языком стиха:

Неповторимости ментальной страна,
богатая на диво,
неслыханно многострадальна,
невиданно трудолюбива...
И ты бессмертной вольной птицей
опять сумеешь возродиться...

Новокузнецкий журналист Василий Целищев: о людях нельзя писать общими фразами

Василий Иванович Целищев был одним из старейших газетчиков города Новокузнецка.

Журналистов часто считают птицами перелётными и непоседливыми. И это правда. Многие из них с ростом профессионального мастерства, в силу характера и интереса к той или иной теме нередко меняют место работы и регион. Но встречаются среди пишущей братии люди, прикипевшие к родной и единственной газете душой и сердцем.

Одним из таких редких людей в редакции «Кузнецкого рабочего» был Василий Иванович, – писала журналистка этого издания Татьяна Эмих.

Сейчас в Новокузнецке осталось немного людей, которые знали и помнят Василия Ивановича. А ведь всего-то полвека назад его имя было известно чуть ли не каждому горожанину. Ответственный секретарь, а затем и заместитель редактора «Кузнецкого рабочего», он отвечал за выпуск газеты, и в каждом номере стояла его фамилия. «Голова», – говорили про него коллеги по редакции.

Он не был коренным сибиряком. Родился 30 марта 1908 года в деревне Брагичи Вятской губернии (ныне Кировская область) в семье крестьянина-середняка.

Окончил сельскую школу-пятилетку. И, работая подсобным рабочим, продолжал учёбу в школе для взрослых. Также прошёл два курса Ленинградского книжного техникума. В 1931 году по путевке профсоюза приехал в Кузнецк – на стройку меткомбината. Однако грамотного паренька отправили работать в первом книжном магазине Кузнецкстроя. Любознательному Василию встречи с книгами открыли целый мир. Благодаря им он и взялся за перо.

В редакцию городской газеты В. И. Целищев пришёл в ноябре 1932-го. Название газеты в ту пору часто меняется: «Сибирский гигант» – на «Большевицкую сталь», ныне «Кузнецкий рабочий», – однако сам Василий уже не изменял своей профессии. Это был выбор на всю жизнь!

Сначала он работал литсотрудником.

А о чём можно было писать в 30-е годы в Кузнецке? Несомненно, о строительстве и пуске Кузнецкого меткомбината. Сперва новенькому поручали обрабатывать письма и принимать посетителей. Потом стали давать более ответственные задания – описывать более или менее заметные события в жизни небольшого тогда Кузнецка.

В 1930-е годы его имя на страницах газеты встречается редко, – отмечает Татьяна Эмих. Оно и понятно, мастерства маловато, чтобы писать большие статьи, а маленькие в тот период было не принято подписывать. В газетах тех, особенно, военных лет, было очень много безымянной информации. Специалистом по трудовым свершениям Кузнецкстроя Василий Целищев стал в 1940-е: эти ответственные темы поручали только опытным и проверенным журналистам, – не было номера газеты без его заметки или репортажа.

В 1947 году он снова «подтянул» свой образовательный уровень: окончил курсы подготовки учителей среднего и старшего звена Сталинского педагогического института. Опытного теперь уже сотрудника назначали заведовать различными отделами редакции, включая промышленный отдел. И он увлечённо занимается с рабкорами, проводит рейды, поднимает на щит передовой опыт.

Потом Целищев трудился выпускающим, литературным, ответственным секретарем газеты. В 1948-м вступил в КПСС. Вскоре его приняли в члены Союза журналистов СССР.

С 1950 года Василию Ивановичу к основной должности вменили дополнительную нагрузку – внештатную работу корреспондента ТАСС. И он с удовольствием успевает заниматься и этим делом. Именно из материалов Василия Целищева страна узнавала о трудовых подвигах Кузнецкого меткомбината. Его известные тассовские публикации: «Правофланговые пятилетки», «Укрощение огня», «Сталевары рапортуют» и многие другие, – перепечатывали местные газеты в разных уголках СССР.

С 1963 года и до выхода на пенсию Василий Иванович работал заместителем редактора газеты. Считалось, что за Целищевым коллектив редакции – как за каменной стеной.

Проверено на опыте, что настоящий журналист запоминается не только своими публикациями, но и своим характером, отношением к людям.

Известный в городе газетчик Зинаида Гавриловна Черновол, пришедшая в газету в 1958-м и отработавшая в «Кузнечике» более 20 лет, однажды вспоминала:

«Невзирая на должности, Василий Иванович всегда относился к сотрудникам уважительно. Он был педантичным и интеллигентным человеком и никогда не позволял себе опускаться до оскорблений. А ещё я помню, как он просил нас беречь зрение. Сам-то ходил в очках с толстыми стеклами...»

Или вот Надежда Васильевна Анохина, которая начала работу в газете тоже в 1958 году с должности учётика писем, отмечала:

«В нём было удивительное сочетание: мягкий и добрый в общении, он был спокойным и твёрдым в работе. Настоящий профессионал. И если нам приходилось задерживаться на работе, он мягко и настойчиво говорил: «Надо!»

Он по праву считался самым опытным журналистом города. Его материалы отличались принципиальностью, знанием дела и проблем, любовью к людям. Не только читатели, но и сотрудники газеты восхищались его яркой, грамотной речью.

В редакционной стенгазете, подготовленной к выходу 10-тысячного номера «Кузнецкого рабочего», среди дружеских шаржей есть рисунок, посвящённый Василию Целищеву, где он – с интеллигентным тонким лицом в больших очках, – и вдруг в захватской русской косоворотке. Подпись:

«Ах, какое это зрелище,
Когда рассказывает Целищев!
Речь его отнюдь не тусклая –
Где ты, где, старинка русская?»

29 марта 1963 года областная газета «Кузбасс» поздравила на своих страницах Василия Целищева с 30-летием журналистской деятельности. Автор поздравительной заметки, он же – редактор газеты «Кузнецкий рабочий» Ю. Баландин пишет:

«Старый газетчик, член районного комитета партийно-государственного контроля выступает и с критическими материалами. Вот самая недавняя из его корреспонденций – о шайке взяточников, орудовавших в среднесортном цехе КМК.

Вместе с рабкорами он тщательно разобрался в обстоятельствах дела, заклеил носителей позорного пережитка прошлого, взволнованно написал о том, как важно держать незапятнанной честь советского труженика».

...Три с половиной десятилетия проработал Василий Иванович в городской газете. Писал о металле и его творцах. И ещё – воспитывал учеников, которые могли бы хорошо писать о горновых, сталеварах, прокатчиках.

Сколько его питомцев трудились потом, да и трудится ныне в газетах Сибири!

О том, как он работал с молодёжью, со своими учениками, я обнаружил небольшой документальный рассказ в номере газеты «Кузнецкий рабочий» за 30 марта 1968 года. Публикация заслуживает того, чтобы привести её полностью.

«...Василий Иванович начал, не торопясь, читать рукопись... Автор очерка, молодой журналист, сидел напротив и не спускал с него настороженных глаз.

Прочитана первая страница, вторая, третья... Перевернут последний лист. Василий Иванович сложил рукопись аккуратной стопочкой, стряхнул с неё пылинку и сказал:

– Не пойдёт.

Автора точно ледяной водой окатили.

– Кому это нужно – где родился да где крестился...

– Но у него самая обыкновенная биография, – подавленно пробормотал паренёк.

– Он такой же, как все.

– Тогда зачем ты написал именно о нём?

– Как же? Он работает лучше других!

– Ага, значит, уже не такой, как все! А у тебя – общие фразы. Поставь вместо его фамилии другую – сойдёт за милую душу. Нет индивидуальности героя очерка. Я не слышу его голоса, не вижу его походки. За счёт чего он добился высокой стойкости свода подин? Не сказано. В общем, надо переделать.

Через неделю на столе В. И. Целищева лежал новый вариант очерка о сталеваре.

– Толково написано, – одобрил он. – Герой выписан правдиво. А кому из сталеплавыльщиков ты давал просмотреть материал?

– Никому.

– Почему же?

– Да я почти дневал и ночевал в цехе, – взмолился газетчик. – Всё узнал, всё записал!

– Пусть посмотрит кто-нибудь из мартеновцев, – Василий Иванович отодвинул рукопись.

Юный очеркист бежал снова на завод. Рукопись прочитал один из мастеров.

– Добро, – прогудел Целищев. – Только у меня одна поправочка будет. Печи мы загружаем агломератом, а не рудой, как тут написано.

– Разве?

– Поверьте мне.

Парень не спал всю ночь, переделывал очерк. А наутро сказал:

– Спасибо, Василий Иванович! Чуть было ляпа не дали».

Когда Василий Иванович собрался выйти на заслуженный отдых, за его плечами была большая творческая жизнь. И она была тесно связана с металлургией. Ведь когда-то Целищев начинал писать под впечатлением первых плавов на КМК. Город рос. Вместе с ним росли люди – его создатели. И вместе с ними формировался журналист Целищев. Изо дня в день корпел над очередным выпуском «Кузнецкого рабочего».

И после ухода на пенсию он не прерывал связи с любимой газетой: продолжал работать в общественной приёмной, стал внештатным корреспондентом «Кузнецкого рабочего».

Участвовал в выпуске документальных сборников, посвящённых юбилеям города Новокузнецка и Кузнецкого меткомбината («Хроникально-документальная летопись к 35-летию КМК» и другие издания). Статьи и очерки В. И. Целищева публиковали также в газетах и журналах нашего региона и страны.

Он до последних дней писал, спешил поделиться со всеми нами своими знаниями, своим опытом. Вплоть до дня ухода из жизни – 25 августа 1981 года – В. И. Целищев создавал материалы по истории города, собирал большой краеведческий архив. В него вошли воспоминания о встречах со знатными металлургами, неопубликованные статьи, переписка, коллекция плакатов и листовок... Сейчас всё это собрание хранится в Новокузнецком филиале областного архива и ждёт своего изучения.

Именно Целищев создал историю городской газеты «Кузнецкий рабочий». Вот как Василий Иванович описал в своих мемуарах выход в свет первого номера газеты «Сибирский гигант»:

«В ночь на 30 марта 1930 года в одном из временных тесовых бараках, что стояли на Нижней колонии по улице Орджоникидзе, до самого утра горел свет. Выездная бригада газеты «Советская Сибирь» (из Новосибирска) готовила к печати первый номер Кузнецкстроевской газеты «Сибирский гигант». Новосибирцы шефствовали над всенародной стройкой. Сами собрали материал, привезли механизмы, наборщик вручную набрал весь номер, сверстал его.

В соседнем тесовом бараке, который именовался типографией, всю ночь никак не хотел вращать печатную машину нефтяной двигатель. Однако к утру как-то само собой маховое колесо заработало бесперебойно. Один оттиск, второй, третий... К утру тираж был полностью отпечатан. Сотрудники газеты сами разнесли её по рабочим местам строителей».

В. И. Целищев участвовал и в выпусках номеров газеты «Большевицкая сталь» 22 июня 1941-го – в день начала Великой Отечественной войны, и – в День Победы 9 мая 1945 года. Вот строки его публикации:

«...В типографии Сталинска 22 июня 1941 года был аврал. Редакция протянула со сдачей материалов, и потому выпуск очередного номера «Большевицкой стали» задерживался. Наконец весь тираж был отпечатан, и только тогда собравшиеся было домой типографские включили радио в «красном уголке». Война! Печатники отправились в редакцию, где безо всякого срочного вызова, сразу после объявления о нападении Германии на Советский Союз, собрался весь коллектив».

Как вспоминал старейший журналист городской газеты Василий Целищев, «паники не было, сразу же приняли решение сделать экстренный выпуск. От руки записали выступление народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, которое каждые полчаса передавали по радио. Текст напечатали в листовке – «молнии» и развезли по предприятиям города».

«Союзная и международная информация стала поступать с перебоями. Сказывалась и нехватка бумаги. Скоро газета стала выходить половинным форматом, иногда на обычной обёрточной бумаге, – писал в мемуарах В. Целищев. – Правительственные сообщения о положении на фронте, сводки о

работе фронтовых бригад, сформированных на предприятиях города, письма земляков, воевавших далеко от дома, заполняли газетные страницы тех лет. В редакции, и без того немногочисленной, осталось лишь несколько человек...»

Многолетняя плодотворная работа В. И. Целищева в печати была отмечена высокими наградами страны: орденом «Знак Почёта», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. И это, пожалуй, тоже очень важно...

Дело всей жизни прозаика-документалиста Юрия Панова

«...О певице Лидии Андреевне Руслановой сказано много, в том числе давно приоткрыта тайна-завеса по поводу её ареста, – писал Юрий Панов в своей документальной книге «СибЛag ГУЛАГа». – Многим известно, что она отбывала срок в одном из лагерей Тайшета, неподалёку от своего мужа генерала Крюкова. Но волею судьбы Лидия Андреевна посетила и Томусу. Не по собственному желанию, к сожалению.

Первую информацию о ней я услышал совершенно неожиданно. В пригороде Междуреченска, в поселке Чульжан, что расположен в живописнейшем месте, на берегу протоки Томи, в очень жаркий июльский день я искал одного человека, как по той пословице: «Найти то, не зная, что...»

Эта книга – печальная повесть о судьбах десятков и сотен советских людей – для писателя и журналиста Юрия Парфентьевича Панова стала делом всей жизни. Он долгие годы работал над ней, по крупицам собирая вместе многочисленные доступные и недоступные порой факты, складывая их воедино, чтобы, внезапно исчезнувший когда-то в смутное время, человек снова вернулся к своим родным и к своей Родине в документах и воспоминаниях.

А начиналась писательская биография Юрия Панова, как и у многих других мастеров пера, с журналистики.

Юрий родился 30 апреля 1939 года в маленькой деревеньке Подкопённое Промышленновского района Кемеровской области. С малолетства столкнулся с нелегким грузом далёкой, казалось бы, войны. С ранних лет увлекался рисованием – Бог наградил мальчика даром изображать на бумаге обступающую его жизнь.

С десятилетнего возраста он проживал в Кемерове. И здесь увлекался живописью, участвовал в серьёзных выставках и мог стать профессиональным художником. Но был у него и талант писательства. Впрочем...

Он рано начал печататься в областных газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Но его публиковали тогда, как художника. Его рисунки привлекали внимание редакций своей непосредственностью и поразительно точным, и в тоже время, удивительно свободным изображением мельчайших деталей и фрагментов окружающего мира.

Так же просто, точно и свободно он стал вскоре писать свои первые газетные материалы. Прочтите его строки из «СибЛуг ГУЛАГа», представьте и почувствуйте это сами:

«Анатолий Маркин – один из первых узников лагеря в Ольжерасе. Ему пришлось жить там в палатке, в юрте, строил бараки, а когда туда прибыл Камышлаг – лагерь особого назначения, его переправили в зону, которую зэки прозвали «Пионерской». Там содержались «тихие», простые мужики-работяги, которые и умели что делать, так это хорошо всю жизнь работать.

И в этом «Пионерском» он, как шофер в прошлом, был расконвоирован. День он ездил, возил продукты, грузы различные, ремонтировал машину, а вечером шёл в зону, в свой барак, на свои нары, как ходят молодые холостяки в общежитие. Вход и выход из зоны у него был свободным, по пропуску, естественно. О Руслановой он рассказал мне, не будучи уверенным, что меня это заинтересует, о ней я у него не спрашивал и даже не планировал...»

Повторюсь, Юрий Парфентьевич вошёл в литературу, прежде всего, как человек, оставивший после себя результат титанического труда – «Сиблаг ГУЛАГа», повествующий об узниках сталинских лагерей, ставших невольными помощниками в строительстве первых предприятий и первых жилых домов района Томусы, о зарождении городов Мыски и Междуреченск.

Долгие годы проживая затем в Междуреченске, Юрий Панов проделал колоссальную работу: изучил, обработал и систематизировал десятки томов архивных материалов. Лично встречался со многими узниками Томусы – в том числе переписывался и со знаменитым историком и философом Львом Николаевичем Гумилёвым, которому также было суждено связать часть своей жизни с нашими сибирскими краями, отбывая срок по политической статье.

«Сиблаг ГУЛАГа», вышедший в 2005 году, стал для Панова итогом неимоверно тяжких трудов. И можно не без основания предположить, что именно эта громадная работа подорвала здоровье автора. Он пропустил через себя, через

своё сердце и душу такое большое количество неизбывного человеческого горя, что не выдержал.

Юрий Парфентьевич ушёл от нас 7 февраля 2007 года после тяжёлой продолжительной болезни. Писатель похоронен в Мысках. И теперь ежегодно, 7 февраля, в Междуреченском городском краеведческом музее проходят дни памяти исследователя, журналиста, писателя Юрия Панова.

Его читатели и поклонники отмечают, что он был разносторонне одарённый человек. Кропотливо собирал материалы о том, как в болотистой таёжной местности возникали лагерные поселения. (Это сейчас на их месте построены целые города). Накапливал документальные свидетельства о незаконно репрессированных. Результатом многолетней поисковой работы стала Книга.

В предисловии к ней автор немного сказал о себе:

«Родился я в маленькой, затерявшейся в берёзовых лесах, деревеньке... На всю катушку познал голодное военное и послевоенное лихолетье. С детства очень увлёкся живописью, ...но вторая тяга – писать – победила... Это уже в областном центре – с десяти лет я жил в Кемерове. До сих пор считаю его своим родным городом. Он дал мне всё. Не судим (Бог миловал!), не состоял, не имел. Со множествами НЕ и далее...

В областных газетах печататься стал очень рано, но как художник. Горжусь тем, что иллюстрировал поэму известного кузбасского поэта Евгения Буравлёва «Первая плавка» в газете «Комсомолец Кузбасса» – почти полгода из номера в номер. Автор был очень доволен моими рисунками. Своим учителем, духовным отцом в литературе считаю автора романа «Земля Кузнецкая» Александра Никитича Волошина, ныне несправедливо забытого. На учителей и добрых людей мне в жизни очень везло...»

В день памяти Юрия Парфентьевича в Междуреченский музей приходят близкие, друзья и коллеги Панова. Среди них – известный бард Междуреченска Сергей Меринов. Тогда, в 2005 году, на торжественной презентации «Сиблаг ГУЛАГа», он исполнял для автора книги свои произведения. А теперь, в дни памяти друга – исполняет свои стихотворения и авторские песни, наполненные грустью о безвременной кончине писателя.

Пришедшие на эти встречи читают вслух строки из «Сиблаг ГУЛАГа», которые напоминают, как всё было:

«...Когда наша встреча уже вроде завершалась, оставалось встать, поблагодарить хозяина квартиры за беседу, за горькие для него воспоминания, он вдруг сказал:

– Больше всего из тех лет я запомнил концерт Руслановой!

И я снова присел на стул.

– Было это в пятидесятом году под осень, мы ещё не надевали бушлаты. Работал я в тот день в гараже, на ремонте стоял. Гараж наш находился рядом с лагерем Камышлаг. Зона та ещё строилась, а находилась вот где сейчас (в Междуреченске) Дом культуры шахты имени Ленина и до магазина «Турист» –

очень большая зона была. Вахта стояла как раз на месте, где сейчас Дом культуры. Наш гараж – рядом. И вот как-то вбегает к нам в гараж мужик и кричит:

– Русланова поёт! Пошли, послушаем!

– Где? – у всех вопрос.

– Да там, в зоне. В ту зону нам доступа не было. Но мы высыпали из гаража и к вахте, а там уже народ, вытянув головы, слушает. И вертухай на вышке – это я хорошо запомнил – положил руки на автомат и тоже слушает. Мы забрались в кузов машины, но и оттуда ничего не видно: забор-то высоченный. Там, за забором, эстрада – мы её строили. Посмотреть хочется, но на вышку, на забор не полезешь.

Слышу:

– По морозу босиком. К милому ходила...

Русланова! Она! Её голос. Её голос ни с каким другим не спутаешь. А тут народ подходит, на машину к нам лезут, и все – одно слово: «Русланова! Русланова!» После каждой песни – аплодисменты, да такие, что, казалось, забор вот-вот повалится. Часа два она пела. Мы в свою зону в тот день к сроку опоздали. Вообще-то мы могли сказать, что задержались на работе, нам доверяли, а тут у нас причина опоздания как бы ещё весомее, чем работа, была. Мы Русланову слушали.

– Что же было слышно о Руслановой? – спросил я.

– А ничего! Из той зоны ничего нельзя было узнать, у нас прямого общения с номерниками не было, не могло быть. Я так думаю, что она там случайно была. Ведь та зона была чисто мужская, лагерь особого назначения, а Русланова, скорее всего, этапом через ту зону проходила, а может, ради концерта привозили её из другого какого места».

Работники музея обязательно проводят участников дня памяти Юрия Панова по специальной экспозиции, чтобы они увидели экспонаты, переданные сюда и самим Юрием Парфентьевичем, и его товарищами. Это – уникальнейший материал, которого нет ни в одном из музеев области. Письма, написанные бывшими заключенными, рукописи готовившейся книги «Мыски и мысковчане», печатная машинка, ручки и карандаши автора.

Междуреченский журналист Владимир Келлер дополнил эту коллекцию новым экспонатом – стулом, на котором сидел Юрий Панов, работая с документами на даче в посёлке Карчит, где он жил последние годы.

Презентован музею и каталог, в котором помещены графические работы художника Владимира Кирилловича Гоменко, как иллюстрации к книге «Сиблаг ГУЛАГа». Каталог составлен по материалам фондов главным хранителем музея Л. Л. Карнауховой. Художник В. К. Гоменко был хорошо знаком с автором, поэтому в числе первых прочёл рукопись Панова. По просьбе Юрия Парфентьевича он нарисовал иллюстрации к его книге. К сожалению, эти иллюстрации в книгу так и не вошли. И тогда художник вручил музею свою графику.

Юрий Парфентьевич долгое время был большим другом местного паноптикума. За годы поисков у него образовался ценнейший по исторической значимости

архив, который он ещё при жизни передал в дар музею. В том числе есть там письма, книги и фотографии легендарного узника лагеря «Камышлаг» Льва Николаевича Гумилёва, рукописи и лагерная записная книжка адмирала Сергея Боголюбова, письма и фотографии бывшего первого секретаря Ульяновского обкома партии Ивана Терентьева, документы и фотографии первого начальника лагеря в посёлке Ольжерас Василия Климеца, другие документы, снимки, мемуары.

Музейная экспозиция «Памяти жертв политических репрессий» создана и действует благодаря помощи Ю. П. Панова, с ней на сегодняшний день может ознакомиться любой посетитель.

«Потому повезло Юрию Панову на добрых людей, что он сам предельно бескорыстный, открытый, любящий жизнь во всём её многообразии, – вспоминал о нём известный кузбасский журналист Анатолий Паршинцев. – Он – товарищ до конца. Знаю его много лет по журналистскому перу, работали вместе в одной из районных газет нашей области. Панов выручал газету в любой ситуации: не только рисовал и писал, он никогда не расставался с фотоаппаратом. Вот этому разносторонне одарённому человеку и было велено Судьбой взвалить на себя громоздкую ношу исследователя десятков судебных, прошедших через «СибЛag ГУЛАГа».

Перечитал и я этот удивительно сильный, страшный своею кажущейся простотой пановский документальный скрипт. Судьба репрессированной певицы Лидии Андреевны Руслановой тронула более всего. Видимо оттого, что, как и миллионы живших в СССР, я знал и помнил её по первым телевизионным концертам только-только набравшего «разгон» советского телевидения, по старым грампластинкам в доме у моих родителей, хранивших её задушевный голос. Советская певица, заслуженная артистка РСФСР, она и до репрессий, и после реабилитации проживала в Москве. Основное место в репертуаре Руслановой занимали русские народные песни. Именно она была одной из самых популярных исполнительниц своего времени в Советском Союзе. Её исполнение русских народных песен считают эталонным.

Русланову в своё время называли «баловнем судьбы». Но и ей довелось пережить ужасы ГУЛАГа. Однако не сломалась. И там, как могла, занималась своим любимым делом, помогая выживать людям, попавшим в сибирские лагеря.

«Концерт проходил под открытым небом, – пишет Панов, – в зоне, на огромной площадке перед вахтой. С певицей были двое мужчин. Один объявлял, а другой аккомпанировал на роскошном баяне. У Руслановой, видимо, было хорошее настроение, и несколько песен по настойчивой просьбе благодарных слушателей ей пришлось исполнять по несколько раз, но они чередовались с другими песнями.

Мест на лавках всем не хватало, большая часть заключённых стояла полукольцом рядом с импровизированной сценой. На полу был постелен богатый ковёр. Кто-то из расконвоированных шоферов из той зоны, знакомый Шарапову, говорил, что тот ковёр он привёз из квартиры самого начальника лагеря, генерала...»

– Передо мной – рукопись почти в 700 машинопечатных страниц! И это только часть его наработок, посвящённая тем людям, кто стоял у истоков создания города Победы – так замышлялось назвать нынешний город Междуреченск, – справедливо и точно отметил в предисловии к книге Ю. П. Панова Анатолий Николаевич Паршинцев. – ...Исследования Юрия Панова – это ранее неизвестная страница нашей истории.

Инна Макарова: большая актриса России из маленького кузбасского города

Среди документов Совета народных депутатов Кемеровской области начала двухтысячных моё внимание случайно привлекло Постановление областного парламента от 8 августа 2001 года № 1174 «О награждении медалью Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса».

В нём говорится: «Учитывая многолетнюю плодотворную работу, высокий профессионализм, значительный вклад в социально-экономическое развитие области... наградить медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» I степени Макарову Инну Владимировну – актрису Московского государственного театра киноактера, город Москва».

Что это: дань вежливости перед знаменитой артисткой, приехавшей на гастроли в Кузбасс? Или депутатами двигали какие-то иные соображения? – с этими вопросами я обратился к «экс-министру культуры Кузбасса», бывшему директору департамента культуры администрации Кемеровской области Владимиру Ивановичу Бедину.

– Инну Макарову по праву считают легендарной личностью в отечественном кино, – сразу отметил Владимир Иванович. – Она прошла через лихолетье войны, послевоенные тяготы и сумела стать любимой актрисой нескольких поколений советских зрителей. Прошла путь от провинциалки до звезды, при этом, в отличие от многих, особенно, современных актёров, не заболела звёздной болезнью. Она осталась такой же милой, доброй и улыбчивой.

– Но самое важное, – подчеркнул В. И. Бедин, – она же наша, кузбасская. Родилась в городе железнодорожников – в Тайге. Потом долго жила в Новосибирске. Она всегда подчёркивала это, рассказывая о своей жизни, причём

говорила с особой любовью к малой Родине, к Сибири... В тот её памятный приезд в родной Кузбасс, летом 2001-го, Инна Владимировна отметила 75-летие. По её просьбе мы свозили её в Тайгу, в Новосибирск... И предложили представить народную артистку к областной награде. Губернатор нас поддержал, депутаты областного Совета – тоже. У Макаровой немало наград, но эту она носила с особой гордостью...

Актриса, которую знала и любила вся страна, родилась 28 июля 1926 года в Кемеровской области – в небольшом городке с суровым названием Тайга. В те времена он входил в Томский округ Сибирского края.

Она была ещё младенцем, когда родители переехали в Новосибирск, и всё детство Инны прошло именно там. Её отца звали Владимиром Степановичем, он работал диктором на радио, писал стихи и прозу. В 1934-м стал членом Союза писателей. Умер совсем молодым, в 34 года.

А маму звали Анна Герман. По образованию она была филологом, и это помогло ей сначала быть литературным редактором-корреспондентом. После она работала в Новосибирском радиокомитете, была заведующей литературной частью местного ТЮЗа, затем – в новосибирском театре «Красный факел» трудилась на должности руководителя литчасти.

Кстати, родители Инниного отца – вятские переселенцы. Дедушка всю жизнь мастерил гармони, имел отличный музыкальный слух, виртуозно владел гармонью, гитарой и мандолиной. А Иннин дед по матери – родом из Прибалтики – Ван Людвиг Арман, ссыльный католик. Чтобы жениться на бабушке, принял православие с именем Иван Михайлович Герман.

Инна с детства чувствовала себя настоящей артисткой. Первый раз девчушка выступила перед публикой в пять лет. Сценой стало крыльцо дома, где жил её дедушка. В школьные годы её желание стать актрисой окрепло. Она начала заниматься в школьном драмкружке, когда училась в 4-м классе. Первой ролью в её творческой биографии стала Поповна в постановке по сказке Александра Пушкина «О попе и работнике его Балде». Роль была без слов, но девочке понравилось ощущение сцены...

А второй ролью она вообще сразила всех наповал. «Я же была очень весёлая, озорная – энергия так и била ключом, – рассказывала сама актриса. – Помню, перед премьерой (я играла Паньку в пьесе «Кухаркины дети») я почему-то решила, что все мы должны волноваться. А раз так – надо выпить валерьянки.

Я понятия не имела, как её нужно пить, но хотела, чтобы всё было по-настоящему. И саданула чуть не четверть стакана. Реакция на валерьянку оказалась сродни кошачьей: на сцене я буйствовала. Посуду начала бить. Артистка же! И родители, и все кругом знали, кем я буду...»

В 1941-м Инне было всего 14 лет, когда началась война. Девятиклассница вместе с другими членами драмкружка начала выступать в новосибирских госпиталях перед ранеными. Припоминала: «Помню, обожжённые танкисты, забинтованные

лица – что под повязками, подумать страшно, а глаза юные, страстные. Один мне всё время подмигивал – мол, не тушуйся! Кричали: «Не уходи!»

В 1943 году она окончила школу и твёрдо решила стать настоящей артисткой.

«Новосибирск, где тогда жила наша семья, – традиционно очень театральный город, а во время войны и подавно, – не раз вспоминала Инна Владимировна. – Туда из Ленинграда были эвакуированы Александринский театр, ТЮЗ, Филармония.

Я не вылезала из театров, училась в музыкальной школе, играла в драмкружке. Мы ездили со спектаклями по госпиталям и имели огромный успех. На наши репетиции приходили выдающиеся мастера сцены: Корчагина-Александровская, Юрьев, Николай Симонов.

Кстати, это Симонов первый сказал мне: «Надо поступать в театральный!» И он не просто, а с нажимом это сказал... Для меня играть – это было всё! Вне сцены я себя не представляла».

Поступать надо было в театральный или кинематографический. Пораздумав, она взяла курс на Алма-Ату. Именно в этом городе в эвакуации находился знаменитый Всероссийский государственный институт кинематографии (ВГИК). Набирать новый вгиковский курс приехали актёры МХАТа Владимир Бибиков, Ольга Пыжова, Валентина Серова. Война не мешала высокому конкурсу среди абитуриентов.

– Случайно я узнала, – рассказывает Макарова. – что эвакуированный в Алма-Ату ВГИК объявляет первый набор. Лето 1943 года, Курская дуга позади, началась реэвакуация... Я собрала чемоданчик со скромными пожитками, и – в путь. Приезжаю, а там девочки – «первые ласточки» – уже больше месяца живут, а до экзаменов ещё месяц. Педагоги решили сразу всех отсеять, чтоб не мариновать. Прослушали, собрали и объявили каждой популярно, почему ей нужно ехать домой, забыв об актёрской профессии. Очередь дошла до меня, и я услышала: «А вам, девочка, мы советуем остаться!» Я словно громом была поражена...

На прослушивании она читала Тургенева и монолог Сони из «Дяди Вани». Спросили:

– Вы поёте?

– Нет!

Ей немедленно задают этюд:

– Вы парижская певица, первый концерт в СССР и..?

– Выхожу и откуда-то взявшимся басом затягиваю:

«Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой...»

Макарова смогла пройти через все испытания и пополнить ряды студентов вуза. Вскоре ВГИК вернулся в Москву, и руководителем курса был назначен Сергей Герасимов, который всегда подчёркивал, что Инна была самой талантливой и любимой его студенткой.

«Идёт Сталинградская битва – а нас, девчонок, в мягком вагоне везут в Москву учиться на актрис! Где ещё такую страну найдёте?!» – восклицала Инна Владимировна.

Она училась вместе с Кларой Лучко, Людмилой Шагаловой, Евгением Моргуновым, Сергеем Бондарчуком. Ещё до окончания вуза начала выступать на сцене театра. Ей дали роль Кармен, благодаря которой биография Макаровой и сложилась удачно.

Постановку «Кармен» с Макаровой в главной роли однажды посмотрел писатель Александр Фадеев – автор книги «Молодая гвардия». Ему понравилась игра начинающей актрисы.

Экзаменационным спектаклем во ВГИКе для Макаровой стал спектакль «Молодая гвардия», по роману А. Фадеева. Роль Любки Шевцовой в пьесе Герасимов отдал своей любимой ученице – Инне.

В одном из интервью она рассказывала, что на экзамене Фадеев тоже присутствовал, ведь «Молодую гвардию» планировали ставить и на профессиональной сцене, и надо было отобрать актёров на главные роли: «Когда в финале спектакля я запела украинскую песню «Дивлюсь я на небо...», Александр Александрович заплакал. А потом раздались аплодисменты! Такого на экзамене ещё не было. Пока мы ждали результатов экзаменационной комиссии, ко мне подошёл шофёр Герасимова и шепнул: «Любку будешь играть ты. Фадеев сказал».

Потом этот спектакль пошёл на профессиональной сцене. И зрители плакали, в их числе были и великие артисты:

«Я видела, как они смотрели на нас снизу – Фадеев, Бабочкин, Раневская, – припоминала Инна Владимировна. – У них глаза были влажными, но сияли. Они так нам аплодировали! Кого я там только не видела за эти полтора месяца, пока шёл спектакль, – Мордвинов и Крючков целовали мне руку. Актриса Марецкая за кулисами просила меня ещё раз спеть заключительную песню из постановки. А однажды подвели меня к Эйзенштейну. Он долго-долго молча смотрел на меня, а потом, как мой дедушка, погладил меня по голове».

Однажды после театра к ней в троллейбусе подошёл мужчина и преподнёс пирожное, завернутое в белую бумагу, – преподнёс как цветы. Это был поэт Михаил Светлов: «Мне казалось, что это и есть слава...»

Но настоящая популярность пришла к ней после экранизации романа!

Этот двухсерийный художественный фильм режиссёра Сергея Герасимова по одноимённому роману Александра Фадеева – о героической деятельности подпольной антифашистской комсомольской организации украинского города Краснодона – вышел на экраны в конце 1948 года.

Актёр Владимир Иванов, сыгравший роль Олега Кошевого, припоминал о репетициях:

«...Одержимо работали над ролью все без исключения создатели и участники фильма. Когда я приходил в Театр киноактёра и искал свободную репетиционную комнату, то непременно заставал где-нибудь Инну Макарову или Сергея Гурзо,

которые в одиночестве плясали и жестикулировали. В конце концов мне стало казаться, что в нашем коллективе не менее десяти Гурзо и столько же Макаровых».

– Большую часть фильма снимали в Краснодаре. Там я познакомилась с мамой Любы Шевцовой – Ефросиньей Мироновной. – говорила Инна Владимировна. – Она, когда увидела меня, сразу обняла и поцеловала. Я не сдержала слёз. Первое, о чём рассказала Ефросинья Мироновна, был довоенный «подвиг» Любы, не описанный в романе. Она решила прыгнуть с обрыва в старую затопленную шахту – проверить характер. Ну и я полезла. Внизу озерцо диаметром метров десять. Стою, качаюсь. Герасимов кричит: «Не смей!» А я шагнула. Хорошо вошла. А вода всё холоднее, сердце замерло: выберусь или затянет, задрывала ногами – выплыла. Вижу: Нонна Мордюкова к обрыву мчится. И с ходу – за мной!

Первым зрителем картины стал Иосиф Сталин. Вскоре после выхода фильма на экраны кинотеатров съёмочной группе присвоили государственную Сталинскую премию 1-й степени общей суммой 100 тысяч рублей. Лауреатом премии стала и Инна Макарова:

«Сто тысяч поделили на пятерых актёров, ещё часть досталась режиссёру и оператору. На эти деньги мы с Лялей Шагаловой, которая играла Валю Борца, решили купить по цигейковой мутоновой шубе, которые только что завезли в ЦУМ. Но за ними были дикие очереди! И мы решили, по чьей-то подсказке, пойти в Моссовет. Какой-то большой начальник нас сочувственно выслушал и позвонил директору магазина. Вскоре нам передали свёртки. Шикарная была шуба – я её носила лет десять. Вот и вся премия...»

После «Молодой гвардии» она сыграла более пятидесяти ролей. И считает это настоящей удачей. «Это просто чудо, что меня после такой заметной роли, как Любка Шевцова, режиссёры стали приглашать на другие картины, ведь такие роли всегда опасны... Кроме того был период малокартинья – снималось всего по шесть-семь фильмов в год. И следующую большую роль в фильме «Высота» я ждала почти десять лет».

Хотя до «Высоты» тоже были кинороли. Режиссёры уже рассмотрели недюжинный талант актрисы, и работы у неё стало намного больше. Фильмы выходили один за одним, актриса становится всё более популярной и востребованной. В фильме «Сельский врач» (1951) она сыграла роль Барановой. В «Возвращении Василия Бортникова» (1952) – Фроську Блинову, в «Деле Румянцева» (1955) – Нонну Снегирёву, в «Димитровградцах» (1956) – Людмилу Кузнецову.

Но особенно критики и зрители оценили её роль Кати в «Высоте» – фильме о работе монтажников-высотников на строительстве доменной печи. Он вышел на экраны в 1957-м, и редко кто, посмотрев картину, не напевал после слова из «Марша монтажников»: «Не кочегары мы, не плотники...»

Газеты писали: роль Кати, сумевшей на экране преодолеть свою вульгарность и обрести природную женственность, «сыграна И. Макаровой с присущим ей блеском, лёгкостью, непринуждённостью». Главным её партнёром по фильму стал легендарный Николай Рыбников.

Не зря же фильм получил в 1957 году главную премию на международном кинофестивале в Карловых Варах, Золотую медаль на международном кинофестивале в Москве. Был признан лучшим фильмом года по версии журнала «Советский экран».

А после «Высоты» Макарову сразу пригласили в картину «Дорогой мой человек», принесшую ей ещё одну волну всенародной любви. Говорили, что писатель Юрий Герман писал сценарий фильма специально под Инну:

«Да, под меня и под Алёшу Баталова. Мы уже до этого работали вместе – на съёмках «Дела Румянцева». Эта картина – из самых моих любимых».

Эта картина до сих пор по праву считается лучшей драмой за всю историю советского кино.

Инна Макарова – актриса разноплановая, но лучше всего ей удаются драматические роли. Подтверждением тому служит целый ряд работ в фильмах «Женщины», «Преступление и наказание», «Русское поле».

Потом были съёмки в комедиях «Девчата», «Женитьба Бальзаминова», «Вас вызывает Таймыр», но её героини не вызывают смех, у каждой из них своя внутренняя трагедия.

В 1986 году она в картине «Лермонтов» стала бабушкой поэта Михаила Лермонтова – Елизаветой Арсеньевой. После этого актриса снималась ещё, но, как правило, во второстепенных ролях, вплоть до середины 1990-х. Затем в её киношной карьере наступил перерыв – она занялась концертной и сценической деятельностью.

Возвращение в кинематограф состоялось в 2006-м, причём Макаровой тогда предложили сразу шесть проектов. Самым значимым стал фильм «Капитанские дети», где ей довелось перевоплотиться в главную героиню Эмилию Гринёву.

В 2007-м Макаровой предложили работу в трёх кинокартинах: «Пушкин. Последняя дуэль», «Оплачено смертью» и «Посмертный дебют». В сериале «Оплачено смертью» актрисе снова досталась главная роль.

Было ещё участие в телесериале «Срочно в номер». А следом – наступил ещё один длительный перерыв в кино. Поговаривали, что Инна Макарова совсем ушла из кинематографа. Однако в 2015-м она вернулась на экраны. Сыграла Фею в детском фильме «Тайна Снежной королевы». В этом фильме ей посчастливилось сниматься вместе со своими внуками.

Личная жизнь Инны Макаровой была непростой.

– Провинциальная девочка из города Тайга вдруг оказывается в самом сердце страны. Вам тогда уже было знакомо такое понятие, как первая любовь? – спросили у неё как-то журналисты.

– Да Бог с вами! Для меня это было ещё слишком рано. Кто-нибудь из мальчишек чмокнет в щёчку, а я возмущаюсь: «Какой ужас!!!» Это мне казалось настолько лишним, ненужным... Ухаживать – пожалуйста, но, чтобы что-нибудь другое, да избавь Бог! На втором курсе Герасимов с нами, актёрами, объединил «режиссёров», потому что у нас играть мужские роли в этюдах было некому... Только на третьем курсе с фронта стали мужчины приходить на актёрский факультет.

И Сергей Бондарчук пришёл на третий курс ВГИКа прямо с фронта. «Он мне казался очень старым, хотя ему было всего 26 лет», – улыбается Инна Владимировна.

А по-настоящему они познакомились на репетиции «Идиота», где она играла Настасью Филипповну:

«Уже при первой встрече стало понятно, что мы с ним невероятно разные люди. Он – фронтовик, взрослый, сформировавшийся человек, я – школьница с некрашеными губами, косичками и ветром в голове. И всё же он влюбился. Я сама не понимаю, почему Сергей Фёдорович обратил внимание именно на меня – там ведь были такие красавицы, взрослые девушки, в него влюблённые! К тому же на момент нашего знакомства он был женат...»

Они встречались несколько лет, прежде чем оформили свои отношения. И сначала, несмотря даже на бешеную популярность Макаровой после выхода «Молодой гвардии», им негде было жить.

«Сошлись мы в 47-м, – вспоминала Инна Макарова. – Расписались в 50-м. Свадьбы толком у нас не было, даже из-за безденежья подвенечного платья не купили. Я ему много раз повторяла перед загсом: «Серёж, давай поживём годика три просто так. Вдруг разойдёмся, и что тогда?» Конечно, это не значит, что я была против, наоборот, но я ведь ещё совсем девчонкой была. Он был непреклонен. У меня тогда даже паспорта не было, а только временное удостоверение, развалившееся на четыре части. Он сидел и всю ночь его склеивал. Моей маме письмо отправил, где просил моей руки и благословения. Это «послание в Сибирь» он писал два дня – извёл несчётное количество бумаги на черновики, обдумывал две недели. Очень волновался».

Когда они вернулись со съёмок фильма в Москву, им действительно негде было остановиться. На частных квартирах не прописывали даже временно, но, поскольку многим в то время нужны были деньги, им сдала квартиру женщина с двумя детьми: «Однажды мы вернулись со съёмок около двенадцати ночи, и нам никто не открыл. На холодной лестнице просидели больше часа. Когда наконец дверь открылась, Бондарчук сказал хозяйке: «Эх, вы! А ещё член партии!»

Они ночевали и в Театре киноактера, на диване, откуда их сгонял сторож-пожарный... Наконец на Садовой-Триумфальной нашлась комната, хозяйка которой находилась в длительной командировке в Германии: «Полуподвальное помещение обогревалось железной печуркой, к тому же там водились крысы размером с кошку. И всё-таки это был почти свой дом...»

В этом подвале они с Сергеем и встретили, и пережили всесоюзную славу. А потом вышло продолжение «шубной» истории:

«Сергей был в Киеве на съёмках «Тараса Шевченко», а я пошла к дядечке в Моссовет поблагодарить за шубу. Рассказала, что мне негде даже прописаться. «Ну что ж, напишите заявление. Вы же не с улицы, а лауреат Сталинской премии». Я нацарапала что-то на бумаге и тут же забыла об этом. И вдруг спустя пару месяцев примчалась соседка с невероятной вестью: «Тебе квартиру дали!» Я приехала к Сергею в Киев и помахала перед его лицом ордером. О, это было счастье. На радостях я даже забеременела. Так что наша дочь Наташа родилась уже в новой квартире...»

И всё же они расстались. Вот как об этом рассказывала сама Инна Владимировна: – Это чудо, что мы прожили вместе десять лет. Ведь мы практически не виделись из-за длительных гастролей. Мы расстались по моей инициативе, без скандалов и ссор. Не хочу мазать всё одной краской – чёрной или белой. Сергей мне очень многое дал. Мы высоко друг друга ценили. Но всё-таки у нас с Бондарчуком была не та любовь, с которой живут долго. Я поняла: мы разные люди. Сначала летали друг к другу в разные концы на съёмки, как птицы, а потом это стало утомительно. Когда мне в 57-м предложили съёмки в «Дорогой мой человек», я, улетаю в Ленинград, решила: пора расставаться...

Сергей Фёдорович вообще не собирался уходить из дома, умолял всё начать заново. Но я так устала от пошлости, звонков, анонимок, постоянных разъездов, проявлений тяжёлого характера и прочего, что забрала у него ключи и самостоятельно стала воспитывать нашу дочь Наташку. Меня даже вызывали в ЦК партии, чтобы нас помирить. Никакого романа у меня не было в тот момент. Бондарчук ушёл к актрисе Ирине Скобцевой, а мне и уходить было не к кому. А когда я осталась одна и прошло время, у меня оказалось много поклонников. Чересчур много. Но я долго, 12 лет, не выходила замуж... Пока вот не встретила Мишу.

Это был Михаил Перельман, хирург, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР – РАМН. Эта история – удивительная, считает Инна Владимировна:

– Я встречала Мишу в Новосибирске ещё во время войны. Он заканчивал медицинский, а я выступала в госпитале, где он практиковался. Мы даже уехали из Новосибирска одновременно – в 43-м – я в Москву, он в Ярославль. И потеряли друг друга. А потом спустя годы я искала хорошего врача для мамы, и мне порекомендовали чудо-доктора. Оказалось, что это он... Потом он лечил меня от бронхиальной астмы и камня в почках. Едва поправившись, я уехала тогда в экспедицию на съёмки «Русского поля». Было трудно. Нонна Мордюкова едва не опрокинулась на тракторе в реку, все переволновались. Режиссёр отпаивал нас самогонем. Внезапно приехал Миша, и я всё про нас поняла.

– Я не могу сказать, что он меня покориł как-то особо. Просто он человек другой профессии, неведомой мне, с удивительным мышлением, взглядами на жизнь – мне с ним очень интересно. Он известный хирург, профессор-пульмонолог. Много оперирует, каждый день спасает людей от смерти, приходит домой выжатый, а я создаю уют. Мне с ним очень легко – у нас абсолютная гармония. Это те отношения, которых мне так не хватало в первом браке.

Вместе супружеская пара прожила около 40 лет, до самой смерти Михаила Израилевича в 2013 году.

Дочь артистки Наталья также стала актрисой. Она принимала участие в таких известных картинах как «Звезда пленительного счастья» и «Солярис».

У дочери Инны Макаровой двое наследников. Примечательно, что творческие профессии выбрали себе и внуки Макаровой. Старший внук Ваня стал известным композитором, а внучка Маша пошла по стопам матери и бабушки. В кинокартинах она начала сниматься с 14 лет.

Наша землячка Инна Владимировна Макарова прожила долгую, наполненную творческими удачами, счастливую жизнь.

Среди её наград и званий, кроме кузбасской медали, звания: заслуженная артистка РСФСР (1962), народная артистка РСФСР (1971), народная артистка СССР (1985); награды: Орден Трудового Красного Знамени, Орден Дружбы (2002), орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2006).

Она ушла от нас 25 марта 2020 года, на 94-м году жизни. Похоронена в Москве на Троекуровском кладбище.

В одном из интервью она заметила: «Ой, как не любили меня цыганки! Но, когда ехала во ВГИК, сунула одной ладошку, а она мельком глянула, фыркнула: «Ты будешь при хлебном деле!» Жизнь я прожила интересную, что и говорить...»

Глава 3.

О коллегах по творческому цеху

Анна Шибеева. Рождение редактора

Когда Анна весной 1954 года принесла свою первую заметку в газету, её встретили не очень-то дружелюбно. Весенняя страда в редакции сельской газеты всегда бывала напряжённой: «свободных» перьев не так уж много, да и те – в постоянных разъездах по сёлам, бригадам, полевым станам. На ходу отпишут репортажи, статьи – и снова в поля.

Правда, написанный от руки на листке бумаги, материал у начинающего агронома в редакции всё-таки приняли. «Посмотрим, – сказали. – А пока – не мешайте! Без вас дел хватает...»

Она ждала публикации недели две. Волновалась, открывая свежий номер «районки», быстро просматривала все четыре полосы. «Опять не напечатали!», – расстроено откладывала газету в сторону.

И вот однажды увидела свою фамилию на газетной странице под крохотной информацией... Это показалось ей каким-то необыкновенным чудом! Анна набросала вторую заметку – её тоже вскоре опубликовали. Потом в газете вышла небольшая статья агронома Шибеевой. Следом – ещё и ещё. Чудо газетной полосы завораживало...

Так состоялось рождение журналиста.

10 февраля 2022 года Анны Александровны Шибяевой не стало. Журналистика Кузбасса и Новокузнецка понесла большую утрату. Её имя было хорошо известно многим поколениям газетчиков, которых она учила, пестовала, направляла. Её любили за верность профессии, ею гордились те, кому дала путёвку в профессию. «С мая 1958 года до настоящего времени я журналист!», – писала Анна в своей автобиографии.

Она родилась 25 октября 1935-го. Окончила 7 классов школы, потом получила техническое образование. Вообще-то её трудовая биография началось в 1954 году, когда, после получения диплома Сталинского плодово-овощного техникума, Анна три с половиной года проработала агрономом. Но её тянуло в газету, куда писала свои первые заметки, кстати, такие толковые и складные, что её пригласили в редакцию на работу. Недолго думая, она стала литсотрудником редакции.

И почти 30 лет жизни отдала газете Новокузнецкого района «Сельская правда». Начинала здесь рядовым сотрудником, потом стала заведующей, заместителем редактора.

Набравшись журналистского опыта, учила коллег профессиональным секретам, но и сама не ленилась учиться. В 1970 году заочно окончила Новокузнецкий педагогический институт, в 1977-м – отделение журналистики Новосибирской высшей партийной школы.

А в 1978-м Анну Александровну назначили главным редактором «Сельской правды». В этой должности Шибяева трудилась двенадцать лет. И не просто «выпускала» очередные газетные номера. Каждый из них содержал интересные, часто – острые материалы. Газету с нетерпением ждали подписчики, её выписывали буквально в каждой семье Новокузнецкого района.

Талантливое редакторство Шибяевой не раз отмечали на всех уровнях. Сколько раз ей предлагали перейти в более крупные издания! Звали даже в Новосибирск. Но она неизменно отвечала: «Остаюсь в своём районе, в своей районке».

Её коллега-новокузнецчанка Маргарита Стахович вспоминала:

– Она проходила и мимо заманчивых предложений занять руководящие посты в райкоме и обкоме КПСС. «Ну что ты не пошла?! – удивлялись каждый раз обкомовцы. – Табличка бы на кабинете висела!» Но ценнее всяких табличек и других привилегий для Анны была работа в «Сельской правде». Газета тогда, в 1980-е годы, гремела, получала награды на конкурсах районной печати от Урала до Дальнего Востока.

Анне Александровне удалось создать мощный журналистский коллектив. Из-под её легкой руки вышло 11 редакторов городских и областных изданий! Среди них – Александр Трутнев, редактор газеты «Кузбасс», Евгений Богданов, редактор «Комсомольца Кузбасса» и «Кузнецкого края». Нынешний редактор новокузнецкой городской газеты «Кузнецкий рабочий» Вадим Речицкий тоже начинал в

«Сельской правде». Школу Шибоевой прошёл известный всему Новокузнецку Валерий Немиров. Отсюда родом многие ведущие журналисты области.

Под крылом «Сельской правды», редактируемой Анной Александровной, собралась целая плеяда молодых и горячих, тех, кто потом стал журналистом из первого ряда. Среди них и Виктор Кунгурцев, ответсек и замредактора «Кузнецкого рабочего», Маргарита Стахович, Борис Химич, Алексей Шувалов, Татьяна Негода и другие.

Новокузнецкий журналист-ветеран Михаил Михайлович Гревнёв в один из юбилеев Анны Александровны Шибоевой отметил:

«Каждый из них был ершист, с собственным мнением, а то и самомнением, но она умела не просто ладить, но, кажется, ещё и поощряла задиристость. И если было нужно (а это случалось часто), ложилась грудью на амбразуру начальственного гнева, принимая огонь на себя. Всегда готова взять на себя ответственность за других. Однако могла и спросить: жёстко, прямо, принципиально, без экивоков и «китайских» церемоний.

Было – и ссорились, но это как в семье, где всякое бывает. Зато и мирились – захлёб, со слезами на глазах (хотя в работе и в жизни слёз очень не любила: «Что расклеился? А ну-ка, соберись!!!»).

Она из того сплава, из которого делаются энтузиасты. Если для кого-то слова: «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете», – были лишь словами пафосной песни, то для неё это была повседневная жизнь, без всякого ложного пафоса и внешнего блеска. Это – работа, которую она привыкла делать честно и с полной отдачей».

Она умела подбирать людей. И главным критерием для неё – осязаемое скорее на уровне интуиции: горят ли глаза у человека?

– Она так и хвалит: «Я вижу, у него (неё) глаза горят (загорелись)!» Или, наоборот, ругает: «Я ему говорю, а у него не горят глаза», – припоминал ещё Михаил Гревнёв. – Значит, чужой – и эмоционально, и профессионально, и всяко разное. И, значит, надолго не задерживался. А уж если задержался, то точно – свой.

Она говорила: мы должны помогать людям, району каждой заметкой, чтобы жизнь становилась лучше. Председатели хозяйств района признавались: её авторских статей ждали с опасением, старались не давать газете поводов для критики.

«Я, например, делала не просто сводку текущих показателей работы района, а сравнивала показатели с прошлыми годами, анализировала. Каждая цифра должна работать», – делилась Анна Александровна секретами мастерства.

При этом же она вела активную общественную жизнь. Выкраивала время и с удовольствием путешествовала по Сибири и России. И в своих публикациях потом умело сочетала темы о дачных делах с общественно значимыми. Её статьи многие подписчики читали с интересом и особым удовольствием.

Как-то, например, когда в один из декаблей все ждали конца света, решила Анна поднять читателям настроение. Вспоминает:

«Я пишу им в газете: мужайтесь люди, скоро дача! Начались звонки, стали задавать вопросы и говорить, что я вдохновляю людей».

Однако – всё проходит...

Пришло время, и Анна уступила дорогу молодым. Только сидеть дома на пенсии она не собиралась. Да и многие из тех, кто знал её, не верили, что Шибаева тихо отойдёт от дел.

Вскоре выяснилось, что ушла она из «Сельской правды» вовсе не для того, чтобы отдыхать в домашней обстановке. Оказывается, она давно вынашивала идею: создать газету для тех, кто живёт на земле, кто любит свой сад-огород. Её первой профессии – профессии агронома – тоже хотелось выхода.

И вот Анна Александровна организовала выпуск нового для Кузбасса периодического издания. И с 1990 года стала бессменным редактором этой областной газеты, названной «Усадьба» (затем «Кузнецкая усадьба»). Расчёт себя оправдал – газета сразу же стала суперпопулярной.

Секрет успеха оказался прост. «Усадьба» стала первой и единственной в то время специализированной газетой в Кемеровской области – газетой для садоводов и огородников. А их в Кузбассе, как говорится, немерено. Поэтому тираж к началу 1996 года превышал 50 тысяч экземпляров, а свежие номера расходились, как горячие пирожки.

– Для меня самое важное, чтобы от газеты был прок, – радовалась Анна Александровна. – А главным для редакции всегда была верность земле – в селе и в садах, и людям, на ней живущим.

Выбирая темы для статей, она в первую очередь опиралась на вопросы и нужды читателей, на их предпочтения. Шла в ногу со временем и даже старалась его опередить: рассказать о том, что большинство дачников ещё не знают: «Буквально недавно я сама узнала, что морковь надо убирать вечером. Оказывается, за день она за счёт солнышка набирает сахар, а ночью листики забирают этот сахар себе».

Волна популярности газеты докатилась и до соседних регионов Сибири. Например, Алтайский НИИ имени Лисовенко стал регулярно давать в газете рекламу новых сортов плодово-ягодных культур. А Кемеровский НИИ сельского хозяйства рассказывал садоводам и огородникам о новых сортах картофеля и других овощей.

Коллеги вспоминают, как сильно она любила свою малую Родину – Новокузнецк и Новокузнецкий район. Любила свой дом, а вид из кухонного окна её квартиры очень нравился хозяйке, придавал ей вдохновения. Вообще, кухня была любимым местом для творчества.

– Когда смотрю в окно, на нашу площадь Торжеств, у меня поднимается настроение, хочется работать ещё лучше, доставлять удовольствие своим читателям. Иногда мне говорят: «Ой, какая интересная газета у вас!» На это я

отвечаю, что для меня самое важное, чтобы от газеты была польза, иначе ей грош цена».

Анна Александровна посвятила журналистике 60 лет жизни. Такое дано далеко не каждому, кто связал свою судьбу с непростой профессией.

«Чем дальше я уйду от того времени, – вздыхала Анна Александровна, – тем больше ценю тот дух, ту атмосферу, в которой мы работали и жили...»

А ведь она совершила ещё и нравственный подвиг, о котором знают далеко не все. Воспитала двоих племянников – сирот погибшего вместе с женой родного брата... И делала это, не ожидая благодарностей, и уж тем более не выпрашивая их, потому что всегда ставила на первое место высокое человеческое достоинство и не прощала его отсутствия.

– Человек, Учитель, Журналист! Знаток слова и дела, великолепно чувствующий жизнь, труд, настроение, глубоко понимающий всё о мире, о себе, о нас, людях... Мы все знали Анну Александровну, любили, уважали, обращались за советом и делились проблемами. И всегда у неё, мудрой и заботливой, находился самый верный совет, – такова оценка председателя правления Новокузнецкого отделения областной организации Союза журналистов России Надежды Николаевны Бейльман. – Она всегда умела идти по жизни с поднятой головой. Хотя дорога её жизни не была застелена ковром из цветов. Она была и останется любовью и гордостью новокузнецкой журналистики!

Большие профессиональные и творческие заслуги Анны Александровны Шибасовой оценены по достоинству. В 1983 году ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Среди других государственных наград – медаль «За трудовое отличие», среди областных – медаль «За служение Кузбассу».

Она любила жизнь. Она умела жить...

И от того память о прекрасном человеке, талантливом журналисте, мудром наставнике и красивой женщине будет светла.

Юрий Дмитриевич Баландин: «Газета без ошибки, что девушка без улыбки»

«Газета без ошибки, что девушка без улыбки». Эту известную газетчикам шутливую фразу впервые запустил в оборот именно Юрий Дмитриевич Баландин. А начинал он свою журналистскую карьеру корректором областной газеты «Кузбасс».

К слову сказать, возможность пропуска ошибки признается даже нормативами. Однако корректоры «Кузбасса» никогда не приводили этот довод в оправдание, более того, за любой «прокол» сами себя ругали жёстче, чем руководство.

Эта «корректорская школа», даже – корректорское братство, если можно так сказать, глубоко засело в душу Баландина. И потом, когда он достиг своих высот как журналист-руководитель, став главным редактором самой крупной в Кемеровской области городской газеты – новокузнецкого «Кузнецкого рабочего», а позднее – работая заместителем главного редактора областной газеты «Кузбасс», Баландин бережно, уважительно, в то же время – требовательно относился к подчинённым.

Юрий Дмитриевич родился в столице советского Татарстана – городе Казани 25 мая 1923 года. Родители его были служащими. В 1940 году Юра хорошо окончил среднюю школу. Поехал в Москву и поступил на исторический факультет

Московского государственного университета. Но побыть студентом удалось всего один год.

Началась Великая Отечественная война. И в октябре 1941-го, со второго курса МГУ, его забрали на фронт. Воевал в 74-ом гвардейском стрелковом полку 27-ой гвардейской стрелковой дивизии. В 1944 году – в перерывах между боями – вступил в члены КПСС. Дожил до Победы. Закончил войну в Берлине в звании майора.

И вот, вернувшись с фронта, Юрий Баландин устроился работать корректором в областную газету «Кузбасс». Для тех, кто не знает, отмечу особо: это была очень тяжёлая, ответственная и трудоёмкая профессия. Одна из опытейших корректоров областной газеты Зоя Александровна Проскунова, пришедшая в «Кузбасс» в феврале 1947-го, вспоминала:

– После смены мы, корректоры, выглядели не лучше шахтёров. Гранки, оттиски полос прокатывали свежей типографской краской, и потому чёрными были не только руки, но и лицо – как ни бережёшься, все равно мазнёшь ненароком...

А вот что пишет ветеран областной журналистики и редакции «Кузбасса» Тамара Дмитриевна Малышкина:

«...Юрий Дмитриевич Баландин начинал свою карьеру корректором, поэтому ведал, каков этот хлебушек на вкус. Конечно, «разбор полётов» проводился, но коллектив редакции к корректорам всегда относился бережно. ...Зайти в корректорскую мог только дежурный по номеру, остальным вход категорически запрещался. Обо всём этом знаю не понаслышке – сама тогда работала корректором.

До появления новых технологий рядовые корректоры знали лишь, когда начинается смена, потому что заканчивалась она только с подписанием номера в печать. ...Так что работали ночами, а бывало, и сутками. Но это не давало повода расслабиться, потерять бдительность. Авторитет корректоров в редакции по части правописания всегда был на высоте».

В коллективе редакции корректоров иначе, как стражами грамматики и синтаксиса, и не называли. После такой серьёзной «обкатки», уже в 1947-м, Юрия Баландина приняли в литературные сотрудники «Кузбасса».

Авторитет Юрия Дмитриевича среди журналистов области год от года рос. Прибавлялось опыта, расширялся кругозор. Его обстоятельные публикации заметили и в Кемеровском обкоме КПСС. В те советские времена существовала практика: назначать на ответственные руководящие должности опытных людей. И когда в 1960 году в новокузнецкой городской газете встал вопрос замены главного редактора, на эту должность назначили Баландина, прошедшего школу областного издания.

Ещё раз подчеркну, что «Кузнецкий рабочий» – самая крупная в Кемеровской области городская газета. Коллектив здесь всегда был и остаётся очень амбициозным в хорошем смысле слова. А если к этому добавить давнее соперничество между Кемеровом и Новокузнецком, то становится понятно: должность главного редактора южной столицы Кузбасса – далеко не «свадебная»,

а очень непростая, ответственная, хлопотная. Однако ж, он согласился и вскоре приступил в Новокузнецке к своим новым обязанностям.

Он сумел подобрать ключи к коллективу, завоевать авторитет, укрепить и авторитет газеты у читателей. В редакторской должности Юрий Дмитриевич трудился более шести лет. В этот период его избирали членом Новокузнецкого горкома партии. А новокузнецчане, доверяя редактору, выбрали его депутатом Новокузнецкого городского Совета.

А затем он вновь вернулся в Кемерово – в областную газету «Кузбасс», где стал заместителем главного редактора. Авторитетного журналиста и в Кемерове избирали членом горкома КПСС.

Все, кто знал, работал с Юрием Дмитриевичем, отмечают его открытость, общительность, несмотря на очень серьёзный внешний вид, он умел быстро находить общий язык даже с незнакомыми людьми. В числе его друзей и знакомых – немало коллег по цеху, писателей, поэтов.

Писатель, драматург и журналист, фронтовик Александр Никитич Волошин, автор известного романа «Земля кузнецкая», поработавший и в новокузнецких, и в кемеровских средствах массовой информации, в своих заметках писал, что Юрий Баландин запомнился крепким фронтовиком, спокойным и суровым на вид человеком.

Дружить Юрий Баландин умел. О настоящей мужской дружбе Юрия Баландина и поэта Михаила Небогатова мы узнаём из статьи Нины Инякиной «Только и останется твой голос...»:

«В бытность Баландина заместителем редактора стихи Михаила Небогатова печатались в этой газете довольно часто. Не раз приходилось ему слышать одобрительные слова Юрия в свой адрес, а иногда и то, что «это лучшее из написанного тобой в последнее время». Как, например, в случае, когда Небогатов написал стихотворение памяти 19-летней отважной бортпроводницы Нади Курченко. Она вступила в единоборство с воздушными пиратами, нападшими на экипаж советского самолёта, и погибла от их рук. (Стихотворение опубликовано в газете «Кузбасс» 22 октября 1970 года)».

Запись в дневнике поэта от 30 октября 1970 года:

«Юра Баландин порадовал меня сообщением: на планёрке моё стихотворение «Дочь народа» (Ошибка в названии: стихотворение называется «Дочь Родины». – Н. Инякина) было признано лучшим материалом номера, достойным красоваться на Доске почёта. Это редкий случай высокой оценки стихов».

И в быту Небогатовы и Баландины дружили, как говорится, семьями. Часто, собравшись за столом, все с удовольствием слушали, как поёт Юрий Дмитриевич. У него был приятный бархатный баритон.

О том, что с Юрием Дмитриевичем Небогатова связывали крепкие дружеские и доверительные отношения, говорит, например, такой факт: вначале свой венок сонетов «Золотая осень» он писал к собственному полувековому юбилею как некий отчёт о жизни и «проделанной работе», а в сборнике «Спасибо сентябрю» 1972 года появляется посвящение: «Юрию Баландину, фронтовику, журналисту».

Член Союза журналистов СССР Юрий Дмитриевич Баландин совмещал работу в газете с общественной деятельностью. В Новокузнецке он был председателем Новокузнецкой городской журналистской организации, активно помогал коллегам в решении творческих и бытовых проблем. В Кемерове жители города выбирали его депутатом Кемеровского городского Совета депутатов. И он постоянно держал на контроле выполнение наказов избирателей, старался сделать лучше жизнь кемеровчан.

Ю. Д. Баландин награждён десятью государственными наградами. В их числе – боевые награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945) и другие. Его мирный труд отмечен Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Когда 15 июня 1974 года Юрия Баландина не стало, друг-поэт Михаил Небогатов очень горевал. В первую годовщину его ухода поэт написал стихотворение «Памяти друга-журналиста» – пронзительное, светлое, печальное:

Год уже, как нет тебя на свете,
Год во мне – ударом ножевым.
Часто – и сейчас, в минуты эти –
Говорю с тобою, как с живым.

Будто не алеют гроздь ягод
Над твоей могилкою в цветах.
Будто ты уехал, скрылся на год
И вернёшься в город свой на днях...

Если бы разлуки сбросить бремя,
Сразу б ты спросил наверняка:
«Как жилось, что делал это время,
Не валял, случайно, дурака?».

Я давно привык с тобой считаться.
Сам не раз прикидывал, поверь:
Чем бы мог я за год отчитаться,
Если б снова встретились теперь?

Рассказал бы очень откровенно,
Чем красно житьё моё бытьё,
Зная, что услышу непременно
Умное суждение твоё.

Кое-что я сделал в дни разлуки.
Даром не растрчивал свой пыл.
Не сидел, сложа от скуки руки.
Ты ведь работающих так любил!

Может статься – было это чаще, –
Пробежав глазами строчки все,
Что-то ты одобрил бы: «Блестяще.
Подходяще к первой полосе.

А вот это, – не сдержал бы вздоха, –
Надо вытанцовывать ещё...»
О плохом ты прямо резал: «Плохо».
О хорошем: «Мило. Хорошо...»

Облако вдали зашло за крышу –
Как твоя седая голова...
От кого сегодня я услышу
Честные, правдивые слова?..

Михаил Попрядухин – от последней строки до последнего патрона

В ночь с 29 на 30 августа 1941 года политрук пулемётной роты лейтенант Михаил Попрядухин спал плохо. Утром предстояло идти в наступление. Все волновались: как выполнить этот приказ, если немцы прут вперёд, на Москву, огромными силами, не считаясь с потерями? Приказ о наступлении на превосходящего противника – почти не выполним. Но и не выполнить его нельзя. Значит, предстоит биться до последнего.

Их 211-я стрелковая дивизия прибыла на фронт 4 августа 1941 года – в Смоленскую область, район современного Десногорска, Рославля, Ельни – на восточный берег реки Десны. Михаил Попрядухин вместе с бойцами своей роты квартировал в одном из стрелковых батальонов. Военного опыта у большинства явно маловато, – думал политрук. Вернее, его нет совсем. А воевать надо. Надо выполнять приказ – бить страшного врага.

Директива Ставки пришла в штаб Резервного фронта 25 августа. Она предписывала 43-й перейти в наступление, разгромить Ельнинскую группировку противника, освободить Ельню, развить наступление на Починок и Рославль, и к 8 сентября выйти в район Хиславичи-Петровичи. Сам-то Михаил уже имел военный опыт. Участвовал в финской кампании 1939 года. А вот бойцы его пулемётной роты – совсем необстрелянные. Как-то поведут себя в первом бою?

Биография Михаила Степановича Попрядухина, журналиста прокопьевской городской газеты «Ударник Кузбасса» (ныне «Шахтёрская правда»), проста и очень типична для его поколения, в истории которого воедино слились подвиг трудовой и подвиг ратный.

Сын шахтёра. Год рождения – 1912-й, место рождения – село Прокопьевское (ныне город Прокопьевск).

Выпускник городского промышленного училища. Недолгое время – студент Сибирского металлургического института. Служил в армии. Участвовал в советско-финской войне 1939-1940 годов, причиной которой стало желание советского руководства отодвинуть финскую границу от Ленинграда (ныне Санкт-Петербург) для укрепления безопасности северо-западных границ СССР, и отказ финской стороны сделать это. И что бы ни писали и ни говорили о тех схватках, СССР всё-таки в результате добился территориальных уступок от Финляндии, о которых просил в ходе мирных переговоров.

После армейской службы Михаил работал литсотрудником, заведующим промышленным отделом редакции городской газеты.

«Ему, младшему лейтенанту запаса, прошедшему дорогами финской войны, был всего 29-й год. И потому, наверно, когда он устроился в редакцию, никому не приходило в голову называть его по имени-отчеству, для всех он был просто Миша, – писала в своих воспоминаниях старейший сотрудник газеты «Шахтёрская правда» Екатерина Митрофановна Белокопытова в книге «Журналистика Кузбасса: строки истории». – Я работала вместе с Михаилом Попрядухиным всего два месяца – май и июнь 1941 года. Но и такого короткого срока хватило, чтобы увидеть, как много сочеталось в нём хороших качеств, необходимых журналисту».

Да и к его натуре, ко всему его облику редакционная атмосфера подходила как нельзя лучше. Он весь светился радостью и весельем, любил шутку, извечный в редакции розыгрыш, никогда не жаловался на усталость.

– Как это можно устать, – говорил он, – если работа в удовольствие?!

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на СССР. Началась Великая Отечественная война. И уже на четвёртый день, 26 июня, Прокопьевский горвоенкомат призвал Михаила Попрядухина на фронт. Накануне он сдал в секретариат редакции последний свой газетный материал.

Местом его службы стал 894-й стрелковый полк, (куда его – с лейтенантскими погонами на плечах – назначили политруком пулемётной роты), 211-й стрелковой дивизии 43-й армии Резервного фронта РККА, дислоцируемого в Московском военном округе.

В июле 1941-го 211-я стрелковая дивизия дислоцируется в городе Загорске (ныне город Сергиев Посад в Московской области) и формируется из мобилизованных призывников Новосибирской (куда в те годы входил Прокопьевск), Запорожской, Ростовской, Ивановской, Ярославской областей и Ставропольского края. Дивизией командует полковник Фурсин, а 894-м полком – майор Устименко.

В одном из стрелковых батальонов дивизии находился и М. С. Попрядухин.

В военных документах отмечается, что личный состав дивизии не имел боевого опыта. Тем не менее, в условиях войны с этим не считались.

По всем фронтам шли кровопролитные бои. Враг наступал, Красная Армия с боями отступала на восток. В этих условиях советское командование скрыто готовило контрнаступление силами 43-й армии, получившего для этого свежее, необстрелянное подкрепление.

Миша, Михаил Степанович проработал в прокопьевской городской газете менее полутора лет. Но все, кто близко знал журналиста Попрядухина, отмечали, что он искренне был предан профессии газетчика. Хотя с детства мечтал совсем о другой. Хотел стать инженером. Только вскоре после того, как он поступил в Сибирский металлургический институт, умер его отец.

Не знавший лёгкой жизни, не избалованный материальным достатком, шахтёрский сын мог бы пробиться и на стипендию. Однако надо было думать о семье: помочь младшему брату окончить школу, встать на ноги. И недавний студент пошёл работать в редакцию, не особенно надеясь, что репортёрство окажется ему по плечу.

Только сомнения были напрасными. Работа ему понравилась, так увлекла, что для такого человека, как Михаил Попрядухин, общительного, способного видеть широко вокруг, строго спрашивать с себя, на короткое время стала главным делом в жизни.

«Его часто хвалили за оперативность, за живость изложения материалов, а главное – за их действенность, – отмечала Е. М. Белокопытова. – Это очень нелегко – поспевать за быстротечными событиями, добиваться нужной отдачи от того, что ты написал. Но помогали его неистощимая энергия, умение работать с людьми. Трудно назвать в Прокопьевске такой рабочий коллектив, в котором бы его не знали. На шахте «Центральной», именовавшейся тогда № 3-3-бис, его считали своим собственным корреспондентом. На шахтах имени Ворошилова, имени Калинина тоже говорили: «Наш Миша».

Часто к Попрядухину приходили шахтёры, строители, специалисты горного дела. Это были, как говорил Михаил Степанович, его ребята, то есть выращенные им рабочие корреспонденты.

Рано утром 30 августа, после артиллерийской подготовки, войска 24-й и 43-й армий перешли в наступление на Ельню. 894-й стрелковый полк, где служил Михаил Попрядухин, пулемётным огнём прикрывал один из флангов дивизии. Михаил с пулемётными расчётами находился в самом пекле. Умело направлял огонь своей роты.

Бои были очень жаркими. Неожданность нашего удара первоначально принесла успех. В первый день наступления наши прорвали оборону немцев и продвинулись вперед на 12 километров. Но дальше развить наступление не удалось. Утром 31 августа 1941-го враг нанёс контрудар. И уже 1 сентября наши войска были вынуждены снова отойти к Десне.

Вот строчки из докладной командующему Резервным фронтом генералу армии Г. К. Жукову от его первого заместителя генерал-лейтенанта И. А. Богданова:

«Ход событий на фронте ударной группы (211,149 сд (стрелковые дивизии) и 109 тд (танковая дивизия) к вечеру 31.8 и 1.9.41 г.:

В течение 31.8.41 г. дивизии продолжали успешное наступление и к 16.30, встречая сильное огневое сопротивление противника, вышли на фронт: Новое Крутилово, Старые Костыри, северная окраина Буда 3-я, Макаровка и высота 215,0.

Около 19 часов, когда 211 сд достигла рубежа Новое Крутилово, Старые Костыри, а 149 сд – северная окраина Буда 2-я, Макаровка, выс. 215,0, противник произвёл контратаку на правый фланг 211 сд в общем направлении на Григорьевку.

Второй эшелон 894 сп (стрелковый полк) в это время был в районе Васильевка. Около 10.00 1.9.41 г., стало ясно что, 887 сп, отошедший в беспорядке, находится в лесу 2,5 км с-в. Васильевка, остальные два полка перемешались и отошли в лес на 2 км ю-з. Богданова».

Положение 43-й армии беспокоило штаб Резервного фронта. 1 сентября на командный пункт 211-й дивизии прибыл командующий Резервным фронтом Георгий Жуков и до 9 сентября сам руководил боями.

Битвы были настолько жаркими, что оружие не успевало остывать. Политрук Попрядухин помогал бойцам заливать в кожух перегревшихся пулемётов Максима испарившуюся воду. (В стрелковых наставлениях по этому пулемёту советовалось охлаждать ствол через каждые две расстрелянные пулеметные ленты. Иначе оружие может выйти из строя).

Вместе с командиром роты Михаил Степанович строго требовал от солдат, чтобы содержали оружие в порядке. Ведь от пулемётчиков во многом зависел исход каждой схватки с врагами.

Благодаря толковой тактике Жукова и героизму наших частей и подразделений в начале сентября удалось отбросить гитлеровцев к реке Стряне. Но наши войска были очень измотаны. А противник предпринял ряд крупных контратак при поддержке артиллерии и авиации. И продвижение вперёд 211-й дивизии опять затормозилось.

12 сентября гитлеровцы предприняли ряд контратак под Амшарами и Шмаковым против 211-й дивизии. 13 сентября немцам удалось оттеснить советские войска за реку Стряну и занять западный берег реки. Наши части снова и снова несли потери. Боевое состояние 211-й дивизии на конец сентября таково: по штату положено 14500 человек, фактически – 9673 человека. Немецкие войска превосходили войска 43 армии в людях в 3,2 раза, в орудиях и миномётах в 7 раз, в танках в 8,5 раза.

Отдельные части 43-й армии попали в окружение. Весь сентябрь рота политрука Попрядухина вместе со всей дивизией не выходила из тяжёлых боёв.

Удивительно, что в этой обстановке отчаянно сражавшийся с врагом под ураганным огнём лейтенант Михаил Попрядухин не получил даже царапины. Затишья между боями были такими короткими, что он не всегда успевал написать

письмо домой. Поэтому научился мысленно общаться со своими родными и коллегами из редакции, как бы молча «пересказывая» им итог каждого боевого дня. Это напоминало ему чтение книги, но не вслух, а «про себя».

Попрядухин был семейным человеком, воспитывал двух дочек. В мирной жизни, засиживался на работе допоздна. Но дома на него не обижались за то, что задерживался в редакции.

– У Миши было много благодарностей за хорошую работу, – перебирала в памяти пережитое жена Попрядухина Муза Владимировна. – Но и мы ему всегда и бесконечно благодарны. Он очень заботился о семье. В каждом письме с фронта просил меня: береги дочек, береги себя.

– Я всегда представляю Мишу Попрядухина только молодым, полным сил и неистощимой энергии, каким впервые увидела его. В ту пору он заведовал промышленным отделом редакции, а я была всего-навсего практиканткой, которой надо было учиться да учиться у старших, – вспоминала прокопьевская журналистка Е. М. Белокопытова. – У Попрядухина научиться можно было многому, и прежде всего, умению работать с людьми, находить нужные контакты, источники самой свежей информации.

Человек очень общительный, он поразительно быстро сходилась и с рядовыми рабочими, и с теми, кто возглавлял коллективы шахт и заводов, имел техническое образование.

Ему то и дело звонили с угледобывающих предприятий, к нему приходили в редакцию, приносили заметки, статьи, обращались за советом, за помощью. Обращались не официально, а просто как к близкому и понимающему человеку, которому можно всё без утайки рассказать и доверить.

Работая в газете, Михаил не имел привычки просиживать рабочий день в кабинете: это претило его характеру, противоречило его понятию о журналистской деятельности. Поговорка: журналиста ноги кормят, – это о нём. Он бывал в трудовых коллективах очень часто, особенно там, где не справлялись с планом, где не решались как следует какие-то важные вопросы производства.

И если уж в газете появлялся его большой материал, то он был глубоко обоснованным, бил в нужную точку и помогал улучшить дело. Работал Михаил Попрядухин всегда увлечённо, с большим удовольствием, и со стороны казалось, что именно для этой работы он и рождён, что никогда ни о какой другой не мечтал и не думал.

Немцы изо всех сил рвались к Москве. И перед нашими войсками стояла одна задача – удержать врага любой ценой.

2 октября 1941 года на участок фронта длиной 60 километров, который удерживала 43-я армия, фашисты, в ходе операции «Тайфун», превосходящими силами – пятью танковыми и двумя пехотными дивизиями – перешли в

наступление, пытаясь выйти на Варшавское шоссе. И им удалось прорвать нашу оборону.

События развивались драматично и стремительно. В октябре остатки 43-й армии включили в состав Западного фронта.

Из Боевого приказа от 3 октября 1941 года: «211 сд с 145 тбр оборонять рубеж Ивановка, Заболотье, отм. 236,0, Горачёвка, Роганы, Андреевское, отм. 210.7, Колодези, Новосёлки, Павловка. Не допустить дальнейшего прорыва противника в направлении Заболотье, Малиново, Воробьёвка, собрать и привести в порядок отошедшие разрозненные группы и мелкие подразделения».

Однако сдержать противника не получалось. Части 43-й армии с тяжёлыми боями отходили в направлении населённых пунктов Спас-Деменск, Юхнов, Медынь, Угра, Малоярославец, Износки, Мятлево, Шаховский.

В октябре 1941-го 43-я армия не могла выполнить поставленную задачу: остановить наступление немецких войск на Десне. Но её бойцы и командиры в жестокой обороне на Деснянском рубеже до конца выполнили свой долг, и ценой многих своих жизней задержали продвижение врага на дальних подступах к Москве. Тем самым они дали возможность подходящим из тыловых районов частям Красной Армии организовать оборону под Можайском и Малоярославцем.

В тех изматывающих, смертельных боях пропал без вести политрук М. С. Попрядухин. Через три месяца после ухода на фронт от нашего земляка, прокопьевского журналиста уже не было ни одного письма...

Вот что удалось прочесть в воспоминаниях журналиста А. П. Ханова, который вместе с Михаилом Степановичем работал в редакции прокопьевской городской газеты и вместе с ним начинал боевой путь:

«Политрук пулемётной роты Попрядухин мужественно преодолел всё страшное и ужасное, что было на фронте, был смелым и решительным в бою. Как родных братьев, берёг солдат, в критические моменты сам поднимал их в атаку на врага.

Погиб отважный политрук, наш товарищ по перу, коммунист Попрядухин в тот момент, когда у бойцов и командиров, удерживавших рубеж, кончились все патроны...»

К сожалению, нет ни даты, ни точного места его гибели...

В одном из писем с фронта он писал: «Когда пригласили в редакцию, не думал, что задержусь здесь. А взялся за газетную работу, и сам не заметил, как отдал ей руку и сердце».

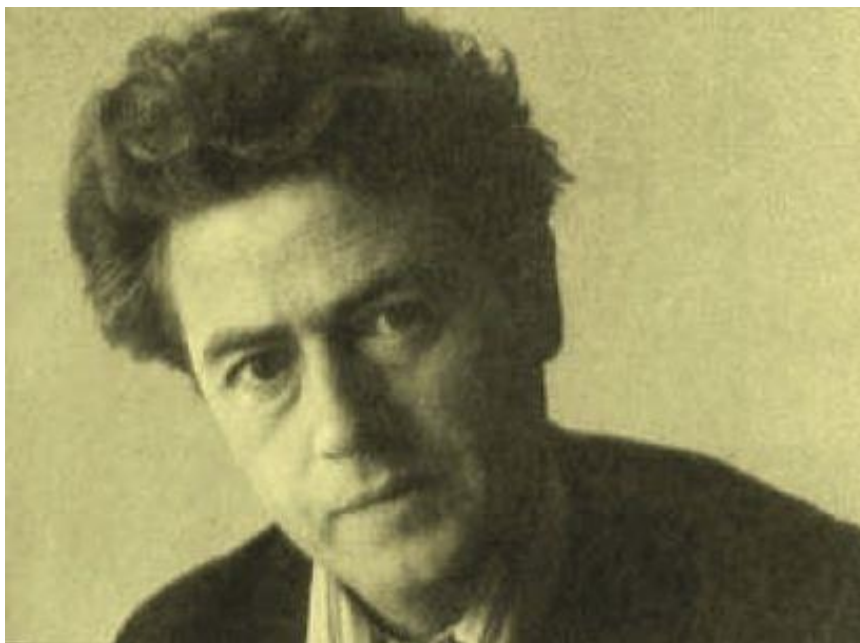
Таким вот, влюблённым в своё дело, он и расстался с коллективом газеты, с семьёй, родным городом. Родина призвала его на защиту своих рубежей, на бой, святой и правый. Михаил Степанович погиб за Родину.

Но его гибель, как и гибель тысяч и тысяч солдат Великой Отечественной, не была напрасной. Они до конца выполнили свой долг, ценой своей жизни задержали продвижение врага на подступах к Москве, дали возможность

подходящим из тыловых районов страны частям Красной Армии организовать оборону под Можайском и Малоярославцем.

Именно с этих рубежей 5 декабря 1941 года войска Западного фронта начали разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой. Отсюда начиналась наша Великая Победа.

Валентин Иванович Масленников: от геологии до вдумчивой журналистики

«Среди гор и бескрайней черневой тайги я проработал несколько лет, – написал в своей автобиографии Валентин Масленников. – Пока в 1961-м не переехал в Кемерово, где и нашёл себе настоящее дело по душе».

Он, конечно же, имел в виду работу журналиста. Но приблизиться к этой профессии ему удалось далеко не сразу. Впрочем, давайте по порядку...

Валентин Иванович родился 16 августа 1937 года в Свердловске (ныне Екатеринбург) в семье рабочих. В начале Великой Отечественной войны его родители переехали в небольшой, тысяч на 30 тысяч жителей, городок Ирбит Свердловской области. Город по всем понятиям – старинный, его история уходит корнями в начало XVII столетия, когда при впадении реки Ирбит в реку Ницу беломестными казаками был основан острог, а государственные крестьяне населили Ирбеевскую слободу.

В Ирбите Валентин окончил основную школу. Здесь же впервые задумался о выборе жизненного пути. С рабочими местами в городе складывалось примерно так: в военные годы в Ирбите разместили оборудование эвакуированных с запада страны стекольных и фарфоровых заводов – и возник Ирбитский стекольный завод; а на основе вывезенного в 1941-м из Москвы мотозавода создали Ирбитский мотоциклетный завод (знаменитая марка «тяжёлых» мотоциклов ИМЗ).

Но ни то, ни другое предприятие не прельщали юношу. Он решил пойти по жизни другим путём. Трудно сказать: повлияли ли на этот выбор родители? Известно, что его отец Иван Николаевич Масленников участвовал в битвах Великой Отечественной войны и погиб на фронте. А мать Анфиса Ивановна была скромной рядовой работницей одного из ирбитских предприятий. До конца жизни проживала на Урале, в последние годы – в Ревде – городе в Свердловской области.

И вот с одним из школьных друзей Валентин решил стать геологом. Молодых людей привлекала романтика экспедиций, поиск и разведка полезных ископаемых. Он поступил в Исовский геологоразведочных техникум в городе Нижняя Тура, что в 350 километрах от Ирбита.

Учился парень хорошо. Через некоторое время получил аттестат о среднем образовании, затем – и диплом техника. В 1958 году молодого дипломированного специалиста направили по распределению на Шалымский рудник (ныне Таштагольский район Кемеровской области), где добывали железную руду и сопутствующие минералы для металлургических предприятий Новокузнецка.

Несколько лет прожил Валентин в Усть-Шалыме – посёлке рударей и геологов, который сегодня уже соединился с городом Таштаголом, став одним из его пригородов. Жил и работал Масленников среди гор и бескрайней черневой тайги, пока в 1961-м не переехал в Кемерово.

Поселившись в столице Кузбасса, он устроился не в редакцию. Ещё и не помышлял о журналистике, ведь недаром же говорят: Москва не сразу строилась... В Кемерове он начал работать в научно-исследовательском институте, где сначала трудился техником, потом – старшим техником и даже – инженером. Однако внутри у него «засвербела» уже творческая жилка: первые его заметки начали печатать в газете как раз в этот период.

Именно в Кемерове произошло два важных события в его жизни. Во-первых, Валентин Иванович влюбился и женился на Евдокии Моргуновой. В 1962-м у них родилась дочь Марина. А во-вторых, почувствовав вкус к печатному слову, решился-таки сменить профессию. И в 1964-м поступил на заочное отделение факультета журналистики Уральского государственного университета.

Пока учился, перешёл на штатную журналистскую работу. На первых порах около года поработал литсотрудником в редакции газеты «Ленинский путь» в городе Топки, где под оком мудрого районного редакторствования быстро набирался ума-разума. Потом, став редактором-многотиражником, начал самостоятельно выпускать газеты в Кемерове – одной из них была многотиражная газета треста «Кемеровопромстрой», другой – многотиражка УМЗ (Управления мест заключения).

Тут-то талант Масленникова заметили, наконец, в ведущих СМИ области. И осенью 1967-го его позвали на Кемеровское телевидение – редактором промышленной телередакции. С телевидением он связался надолго. Трудился здесь без малого семнадцать лет.

В 1969-м, когда он успешно окончил УрГУ, его назначили старшим редактором промышленной редакции ТВ. В одной из публикаций, посвящённых истории Кемеровского областного государственного телевидения (ныне ГТРК «Кузбасс») Фёдор Мефодьевич Ягунов, бывший главный режиссёр КСТ, писал:

«Валентин Иванович Масленников – человек мягкий, интеллигентный, вдумчивый журналист – занимался на КСТ передачами промышленного направления и, в первую очередь, угольной отраслью. Его популярные рубрики – «Славься, шахтёрское племя», «Шахтёрские горизонты» – не только рассказывали о работе коллективов шахт, разрезов, но и брали на себя организаторские функции.

Успехом у зрителей пользовались праздники типа «Голубого огонька», устраиваемые телевидением совместно с облсовпрофом по поводу вручения «Хрустального кубка» – переходящего приза бригаде-победительнице в квартальном соревновании горняков. В их организации тоже активно участвовал Масленников».

Был Валентин Иванович и среди авторов популярного в 1980-е годы телевизионного конкурса «Кто из 16?». Была такая развлекательная программа, напоминающая КВН.

В качестве информационного подспорья для производства телепередач Валентин Иванович использовал публикации газеты «Кузбасс». Один из его ТВ-сценариев на угольную тему начинался так:

«Ноябрь 1928 года. Утверждён проект Урало-Кузнецкого комбината, предусматривающий возведение трёх металлургических заводов на Урале и одного – Кузнецкого – в Кузбассе. Становилась реальной идея знаменитого «маятника» – возить кузнецкий уголь на Урал, а обратно – руду для КМК. Так осуществлялся один из главных принципов размещения производительных сил – всемерное приближение промышленности к источникам сырья.

Попытаемся проследить, как журналисты «Кузбасса» того времени помогали добывать уголь, выжигать кокс, возводить корпуса металлургических гигантов»...

«1 февраля 1929 года. На страницах газеты «Кузбасс» под рубрикой «Перекличка угля и металла» крупным шрифтом набрано: «Урал просит Сибирь давать хороший уголь и кокс».

Ниже – письма: «Что говорят рабочие и специалисты Урала о качестве нашего угля и кокса, – вещал журналист своим зрителям. И далее, – газета обращалась к рабочему человеку, к его сознанию, спрашивала его совета по вопросам повседневной экономики и находила горячий отклик...»

В феврале 1973 года Валентина Ивановича приняли в ряды профессиональной журналистской организации – он стал членом Союза журналистов СССР. Это событие вдохновило молодого журналиста на новые творческие поиски.

Телезрители отмечали удачные авторские работы Масленникова. Например, киночерки под рубрикой «Признание», автором сценария которых был Валентин Масленников. Документальные видеоматериалы рассказывали об известных людях Кузбасса, их жизненном пути и славном труде...

А в 1984-м Валентина Ивановича направили на усиление другого «крыла» телерадиокомпании – перевели в редакцию Кемеровского областного государственного радиовещания (ныне канал «Радио России – Кузбасс») – на должность главного редактора.

Должность ещё более ответственная, чем была ранее. Под его началом в радиоэфир ежемесячно выходили десятки передач. Сегодня на областном радио уже не осталось тех, кто когда-то работал под его началом. Вместе с тем, ветераны ОблРадио отмечают его внутреннюю сдержанность, культуру, интеллигентность.

Татьяна Микельсон когда-то была корреспондентом областного радио:

– Валентин Иванович, безусловно, был очень талантливым человеком. Правда, казался нам, радийщикам, немного странным. Но он всё же – телевизионщик. Наверное, этим и запомнился больше всего.

– Когда я пришла на радио, – поделилась бывшая журналистка ОблРадио Наталья Милютина, – он у нас был главным редактором. Недолго я с ним работала, он вскоре ушёл в книжное издательство. Остался в памяти такой сухощавый, интеллигентный мужчина.

Действительно, в 1987-м В. И. Масленников перешёл на должность главного редактора Кемеровского книжного издательства – одного из крупнейших за Уралом.

Заслуженный художник России Василий Кравчук, который трудился в те же годы главным художником издательства, подчеркнул, что в 80-е годы здесь ежегодно выпускали десятки наименований художественных и поэтических книг, общий годовой тираж которых доходил до 3 миллионов экземпляров.

«Так что работы у Валентина Ивановича в издательстве было навалом», – вспоминает В. П. Кравчук.

А вот с началом 90-х годов, когда в стране развернулся полномасштабный кризис, дела в издательстве резко переменялись. Начиная с 1991 года учреждение было вынужденно перейти на выпуск в основном заказной литературы. Объём книжной продукции издательства начинает падать.

Например, если в 1991-м было выпущено 46 названий книг и брошюр, то в 1994 году всего 5 названий.

– Наверное, в связи с этим Валентин и уволился из издательства, – предположил Василий Петрович. – А позднее вообще переехал из Кузбасса в Томск, где жила его дочь.

Впоследствии в Томске, 31 января 2016 года, Валентин Иванович ушёл из жизни. Ему было 78 лет...

В библиотеках Кемеровской области хранится несколько небольших книжек, написанных журналистом и издателем Валентином Масленниковым. Это – «Уравнение со всеми известными» (1982), «Притоки стальной реки: шесть репортажей о путях экономии металла» (1983), «Сокровища старых отвалов» (1987).

Все они – о передовом опыте работы производственников Кузбасса, который мог бы пригодиться на других предприятиях. Он собран автором в ходе многочисленных командировок на предприятия, встреч с людьми, знакомств с трудовыми коллективами. Этот опыт осмыслен и популярен изложен на бумаге. Примечательно, что все издания Масленникова сопровождает один рефрен: «Девиз движения кузбассовцев: «Каждый трудящийся – экономист на своём рабочем месте».

Валентин Иванович верил в реальную силу печатного советского слова. «Для газетчиков тех лет, – отмечал он, – не было более могучего стимула, чем служение новому времени. Ему они отдали свои горячие сердца и таланты. Они

жили одной жизнью со всей взбудораженной и вздыбленной страной. Так позавидуем им и будем благодарны за всё, что они успели и сумели сделать».

За свои заслуги, вклад в развитие профессии В. И. Масленникова наградили знаком Комитета по телевидению и радиовещанию СССР «Отличник телевидения и радио».

Творческие вершины журналиста Валерия Францева

Спортивный журналист Валерий Францев любил цитировать великолепного мастера комментаторского цеха Котэ Махарадзе, который ещё в 1970 году произнёс: «Чтобы излагать свои мысли о чём-либо, необходимо иметь эти мысли, то есть знать предмет, о котором собираешься говорить. В нашем деле это выражается в безупречном знании спорта вообще и того вида конкретно, о котором ты сейчас рассказываешь».

Отыскать подробную биографию Валерия Михайловича не получилось. Известно, что родился он в 1946 году. В 1963-м окончил среднюю школу. В 1979-м получил диплом об окончании Кемеровского государственного института культуры.

На Кемеровскую студию телевидения Францев пришёл в 1970-м. Высокого симпатичного парня зачислили на должность телевизионного диктора. А вскоре он начал специализироваться как спортивный комментатор и корреспондент. На него сразу же обратили внимание телезрители, особенно женская часть этой

аудитории. Вместе с тем, руководству телестудии это было выгодно, ведь рейтинги телепрограммы «Спортивное обозрение», которую вёл Валерий, возрастали.

Тележурналистика «семидесятых» требовала от авторов универсальности. Многие из тех журналистов, кто делал собственные программы, умели держать в руках кинокамеру, а позднее – и видеокамеру. Валерий не был исключением. Нередко сам снимал репортажи для спортивных сюжетов. И, по мнению коллег, у него это получалось не хуже, чем у профессиональных операторов.

Первые выпуски «Спортивного обозрения» появились на телеэкранах кузбассовцев ещё в далёком в 1959 году. Казалось, передача уже достаточно «обкатана» в эфире Кемеровского ТВ и привычна любителям спортивных состязаний, рекордов, новостей. Однако Валерий сумел придать передаче новый импульс, второе дыхание, сделал её более динамичной, смотримой, интересной. Он выпускал эту программу десять лет, был её постоянным автором и ведущим. Любители спорта безошибочно узнавали его в эфире по незаурядной внешности и приятному баритону.

Но не только этим выделялся Валерий Францев из череды спортивных журналистов Кузбасса. Были времена, когда в нашей области выступали команды мастеров по игровым видам спорта, а областное телевидение транслировало эти матчи. Их Валерий Михайлович комментировал за кадром в прямом эфире. Дело это – непростое. Как говорится, надо следить за каждым словом, вести полутора-двухчасовой репортаж так, чтобы «каждое лыко было в строку».

Накладки, конечно, бывали. Хотя, чего там – первая лига по футболу, в которой замечательно играл наш кемеровский «Кузбасс» во главе с капитаном Виталием Раздаевым – это всегда интересно! «Кузбасс» на своём поле не уступал никому, даже знаменитому московскому «Спартаку». Комментировать такие матчи – одно удовольствие. Тем более, что проходят они только в летнее время.

Другое дело – хоккей. Если с шайбой играет новокузнецкий «Металлург», исход матча предугадать трудно. Но, игра идёт хоть и зимой, зато под крышей ледового дворца спорта. По крайней мере, не замёрзнешь. А если это – хоккей с мячом на открытом всем ветрам кемеровском стадионе «Химик», да ещё и в морозный день?! К концу матча замёрзшего комментатора Валерия Францева приходилось «отогревать», чтобы язык от холода не заплетался... А некоторые некомпетентные болельщики, сидя в тёплых квартирах, непонимающе возмущались: «Хмельной Францев комментировал хоккейную игру. В прямом эфире. Однако, замёрз бедняга...»

А «бедняга», между прочим, вошёл в число лучших спортивных журналистов Сибири. Досконально разбирался во многих видах спорта, пахал, как «папа Карло», тщательно готовясь к новым передачам.

Кемеровская область всегда считалась спортивным регионом, славилась и достойными мастерами, и высокими очками, метрами, секундами. Здесь нередко проходили соревнования федерального уровня, которые освещал наш Валерий Францев. И – не только в эфире областного, но даже Центрального телевидения и

Всесоюзного радио. И газетчики «Советского спорта» не гнушались заказывать ему отчёты с различных соревнований.

Постепенно федералы стали привлекать набравшегося опыта Францева и к освещению крупных столичных международных соревнований. Так, в 1980 году Центральное телевидение СССР пригласило его поработать комментатором соревнований по тяжелой атлетике на летней Олимпиаде в Москве.

«Знаковым для всей электронной прессы страны стал период Игр XXII Олимпиады в Москве 1980 года... Наши корреспонденты вошли в состав огромной творческой Олимпийской бригады, под знамёна которой было мобилизовано около тысячи лучших работников ведущих студий всех тогдашних республик СССР», – читаем в одном из отчётов московского олимпийского штаба. Эти строки напрямую касаются и Францева. Валерий профессионально справился с задачей и получил за эту работу благодарность от московских коллег.

Впрочем, Валерий и сам мог выйти на футбольную площадку, чтобы поиграть в любимую игру. Спортивный тележурналист Виктор Сохарев не раз вспоминал, что Францев любил защищать футбольные ворота, и не раз спасал команду, за которую играл, парируя, казалось бы, безнадёжные удары.

В свободное время он тренировался и выступал за знаменитую футбольную команду кузбасских журналистов «Гонорар-82». Тут тоже были свои сложные задачи, которые надо было решить, и не столько репортёрской головой и языком, сколько – крепостью ног. Францева призывали в ряды «Гонорара», чтобы защищать ворота в самых ответственных матчах, подготовка к которым требовала усиленных тренировок.

Малоизвестные спарринги на дворовых площадках с различными футбольными командами города (Ленинского РОВД, преподавателей КемГУ, комсомольских работников) были для него и его товарищей хорошей игровой закалкой в преддверии публичного выхода «Гонорара-82» на большую арену – стадион «Химик».

Некоторые матчи «Гонорара» ветераны вспоминают особо. Например, 15 июня 1982 года в матче с артистами Государственного академического Малого театра Союза ССР состоялось боевое крещение команды журналистов. Вот как эту очень волнительную и принципиальную игру описывал кемеровский спортивный журналист Олег Курочкин:

«...Первым поразил ворота Валерия Францева (в ту пору спортивного комментатора местного телевидения) блистательный супермен из телесериалов Олег Штефанко (а, кроме него, болельщики на «Химике» увидели в игре таких популярных актёров, как Виктор Коршунов, Борис Клюев, Валерий Носик), «Гонорар-82» усилиями Александра Денисова (дважды), Василия Буратынского, Игоря Кошелева (ещё одного телевизионщика) и Виктора Губина добился победы – 5:4. Лучшим игроком команды журналистов был признан её капитан Евгений Красносельский».

Францев тогда не стал лучшим игроком. Но пропустил-то он в свои ворота меньше, чем голкипер именитой команды артистов. И это – факт!

Спортивная журналистика – такая специализация, что в кабинете не посидишь. Приходится быть в постоянном движении, чтобы не пропустить ни одного важного события из перегруженного спортивного календаря советских лет. И Францев успевал везде, оперативно выдавал собранную информацию в областной телеэфир. И про московские средства массовой информации не забывал: там ведь тоже активно интересовались спортивными новостями регионов.

Вот что пишет в своих заметках автор популярного всесоюзного радиоканала «Маяк», обозреватель, комментатор отдела спорта Гостелерадио СССР Александр Александрович Курашов – неоднократный лауреат премий имени Николая Озерова и «Серебряная лань» Госкомспорта РФ:

«Маяк» о спорте», пожалуй, это самые популярные передачи Всесоюзного радио. Сейчас кажется невероятным, что в годы расцвета спортивных программ на «Маяке» по субботам и воскресеньям мы работали на спортивной волне до 4-х часов кряду. Эта небывалая спортивная переключка перемежалась лишь обычными новостными пятиминутками. От имени «Маяка» мы – спортивные комментаторы – обращались во все регионы страны.

Возможно, слушатели «Маяка» тех лет (1970–80-е годы) припомнят, какими деловыми, полемически острыми были эти переключки...

В этих переключках активно участвовали алмаатинцы Пётр Деражинский, Наркас Мулладжанов, Диас Омаров. Бакинец – Акшин Кизим-заде. Нодар Георгибиани из Тбилиси. Ростовчанин Михаил Бердичевский, Валерий Анучин из Мурманска, Ефим Жосану из Кишинёва, Леонид Савицкий из Владивостока, минчане Владимир Новицкий и Альфред Митрофанов, Вергилиус Мундрис (Вильнюс). Краснодарец Михаил Грушевский, Сурен Богдасарьян из Еревана... Валерий Францев из Кемерово всегда занимал в этих переключках особое место (кстати, Валерий Францев начинал работу в ГТРК «Кузбасс», затем трудился на «Маяке», затем, в телекампании PEN-TV)...

Словом, Францев себя зарекомендовал, и его позвали в Москву. Именно – на «Маяк. Это случилось в 1984-м. Валерий Михайлович недолго раздумывал и переехал из Кемерово в столицу, где стал работать как журналист и комментатор спортивной редакции этого всесоюзного радиоканала.

«Маяк» – контора очень авторитетная! Так однажды охарактеризовал радиостанцию в разговоре со мной известный в недалёком прошлом радиоведущий кемеровского ОблРадио Евгений Иванов.

Что и говорить! И у спортивных передач «Маяка» всегда имелся немалый авторитет. Было, ныне кажущееся невероятным, доверие радиослушателей к спортивным комментаторам. Этому способствовало несколько обстоятельств. Слушатели почти всех ведущих комментаторов знали в лицо. Ведь многие из них пришли на радио с телестудий, как Валерий Францев. Узнавали их и по голосам. И голос Францева быстро окреп в этом солидном хоре.

Ещё одно качество – отмечают специалисты той поры – присуще профессиональным комментаторам: они говорили образным, грамотным русским языком. Плохо говорящие, не владеющие литературным стилем, пусть и великие в прошлом спортсмены, изначально имели мало шансов стать комментаторами.

Вот почему радиослушатели тех лет принимали каждое слово в репортажах нашего земляка, который постоянно работал над собой, памятуя заповеди мастера комментаторского цеха Котэ Махарадзе.

Кузбасские коллеги, с которыми Валерий поддерживал связь, называют его везунчиком. Ведь Францеву повезло общаться в «живом» эфире с героями таких глобальных спортивных событий, как Игры «Дружба-84», Игры Доброй воли в Москве, Олимпийские игры. Не оставались без его участия мировые и европейские чемпионаты по футболу, хоккею, другим видам спорта. В эфире звучали его репортажи со Спартакиад народов СССР, Всемирных Универсиад.

На волнах «Маяка» Францев пробыл около двенадцати лет – срок немалый. Побывал во многих городах и весях страны, сделал сотни репортажей, комментариев, интервью с чемпионами и начинающими спортсменами. Но в душе его всё же жил телевизионщик, скучающий по телеэкрану и видеокамере. Когда его в 1996-м его пригласили на молодой телеканал РЕН ТВ – «поднимать» спортивное вещание, Валерий Михайлович не скрывал своего торжества.

РЕН образовался в 1991-м как федеральный телеканал, и активно развивался, с каждым годом наращивая аудиторию. К тому времени, когда туда перешёл наш земляк, телепрограммы РЕН ТВ принимали уже в сотнях населённых пунктов России, в том числе – во всех крупных городах с населением более миллиона жителей. Плюс – вещание на ближнее Зарубежье. Потенциальная аудитория телеканала – 100 миллионов зрителей. Машина!

Валерий Михайлович впрягся в новое дело с энтузиазмом. А работать для экрана сибиряк умел.

РЕН ТВ, позиционируя себя как универсальный телеканал, искал какую-нибудь особенную фишку, изюминку, которая сделала бы присутствие на телерынке более эффектным и эффективным. С этой целью руководство телеканала включало в сетку вещания много спортивных программ и трансляций. Поэтому сюда и пригласили опытного журналиста.

Валерий Францев вёл популярную передачу «Семь дней спорта» – еженедельный обзор спортивных новостей. Рассказывал о турнирах русского и канадского хоккея. Снова готовил репортажи с соревнований, брал интервью у ведущих спортсменов и тренеров страны.

В начале 1997 года маркетологи РЕНа приняли решение сделать ставку на трансляции европейского футбола, уделяя особое внимание показу записей матчей Английской премьер-лиги. (Прямых трансляций, столь привычных сейчас, тогда практически не было).

Коллега Валерия Францева Александр Елагин (Масалов), первый комментатор британского футбола на российском телевидении, подчёркивал: «Английский футбол 90-х – это потрясающая вещь. Здесь было место как техничным волшебникам вроде Эрика Кантона или Джанфранко Дзолы, так и костоломам типа Винни Джонса и Гари Невилла. От наших трансляций все зрители фонарели»...

И, действительно, эти трансляции были очень востребованы российскими болельщиками. Соответственно, комментировать их поручали лучшим, в числе которых был и наш земляк. Так же он активно участвовал в выпусках телевизионных передач «Спорт-курьер», «Футбольный курьер»...

Московское время пролетает быстро. Иногда – так стремительно, что не успеваешь задуматься. А ведь уже подросла самолюбивая молодая смена, которая рвётся «поручить», надеется отодвинуть ветеранов в сторону.

В 2006-м Валерию Михайловичу «стукнуло» шестьдесят. И он вышел на заслуженный отдых. А уже в 2008 году его не стало...

За все годы жизни в Москве, а их вышло два десятка с гаком, у Францева появилось немало друзей, сотни знакомых. Но нет-нет да и вспомнится ему родной Кузбасс, первые шаги, которые делал на Кемеровском телевидении.

Нечасто он приезжал в Кемерово. Хотя здесь друзья-коллеги всегда были рады видеть «выросшего» товарища. Один из таких приездов ему запомнился особенно. Тогда, во второй ещё половине 1980-х, Валерий участвовал в совместной экспедиции газеты «Кузбасс», Междуреченского горкома КПСС, Кемеровского областного совета по туризму и экскурсиям и Географического общества СССР. Знаковая поездка собрала немало уважаемого народа.

По воспоминаниям одного из участников – бывшего редактора газеты «Кузбасс» Виктора Кладчихина, тогда, в конце лета, стоял погожий день, над зелёными ещё горными склонами Поднебесных Зубьев – известного на всю страну туристического района в Кузнецком Алатау на границе Кемеровской области и Хакасии – вовсю светило солнышко. Событие было нерядовым: состоялась установка памятной плиты на одной из горных вершин в системе Терень-Казырского хребта. На плите значилось, что отныне данная безымянная высота (1939 метров над уровнем моря) будет именоваться пиком газеты «Кузбасс».

В том же походе, с разницей всего в один день, состоялось поименование ещё одной вершины, «пониже ростом», но находящейся в том же Кузнецком Алатау, между верховьями рек Малый Казыр и Большой Хунул-Худука. А названа была та вершина в честь великого детского писателя Аркадия Гайдара.

Кроме Валерия Францева и корреспондента радиостанции «Маяк» Ольги Щербаковой, писателя Владимира Мазаева, заведующего корсетью газеты «Правда» Дмитрия Горбунцова и других, в этом событии участвовал ещё и заведомо газеты «Правда» Тимур Гайдар – сын писателя.

Не раз потом вспоминал Францев о том памятном походе, о восхождениях на горные пики, получившие громкие названия. О встречах с земляками и полуночных беседах у костра...

Виктор Скороходов – инженер, которому везло на хороших людей

Виктор Петрович Скороходов «заболел» телевидением, ещё когда был учеником четвёртого класса средней школы. Уроженец 1948-го года деревни Тарасово Промышленновского района, он готов был дневать и ночевать в местном радиокружке.

«В 1958 году в актовом зале школы поставили телевизор, и вся деревня повалила на встречу с чудом техники, – начинает повествование об это привязанности Виктор Петрович. – Сигнал принимали из Кемерова благодаря огромным антеннам. Я тогда чувствовал восторженное недоумение: как это возможно, что прямо по воздуху передаётся изображение?!»

В 1966-м, после окончания школы, Витя задумался: куда пойти учиться? Положение в семье сложилось тяжёлое. Отец прошёл Великую Отечественную войну, служил шифровальщиком в Ставке Верховного главнокомандования. После победы работал прорабом на машинно-тракторной станции и скоропостижно умер от энцефалита. Мама – одна с двумя детьми, один из которых требовал постоянной помощи из-за инвалидности.

Вчерашний школьник оказался на распутье: остаться в деревне и взять на себя роль главы семьи, либо всё же уехать и получить путёвку в новую жизнь... Сделать выбор помогла мама. С её благословения Виктор отправился в Кемерово. Здесь он полностью реализовал мечту детства: поступил и окончил с отличием училище по ремонту телерадиоаппаратуры. В числе преподавателей заведения был Виктор Владимирович Жигулин, в то время руководивший городским телеателье.

Получив диплом и специальность, Виктор Скороходов отправился в Кемеровский телецентр. На парнишку внимательно посмотрели, оценили способности и

приняли в ряды специалистов по монтажу и обслуживанию станции космической связи «Орбита», а по-народному – большая тарелка, что стоит в сквере на Притомской набережной областной столицы. А со временем он стал директором коллектива этого непростого сооружения.

О том, как именно это происходило, бывший руководитель «Орбиты» Виктор Петрович Скороходов вспоминал:

– Молодым специалистом, мечтающим трудиться в святой святыни предприятия, станция распахнула двери именно в период активного приобщения СССР к космосу. Мне, как директору, нужны были специалисты на монтаже и обслуживании «Орбиты». Тогда вообще мало кто понимал, что за диковина такая – наземная станция космической связи. А оказалось, что это – суперсовременный радиотехнический комплекс, передовой и престижный для всей нашей области. Не случайно первый секретарь обкома КПСС тех лет Афанасий Фёдорович Ештокин на уровне правительства страны отстаивал право на первенство в строительстве станции на территории Кемерова. И выиграл этот напряжённый бой! Мы стали первыми в Сибири связистами, которые смогли построить, ввести в строй свою «Орбиту» и выйти на устойчивую связь со спутником».

Оборудование на ней смонтировали при самом непосредственном участии Скороходова. Станция «Орбита» вошла в состав Кемеровского областного радиотелевизионного передающего центра – ОРТПЦ:

– «Орбиту» необходимо было расположить в пределах прямой видимости с Кемеровским телецентром, но так, чтобы действующие радиорелейные линии, работающие в том же диапазоне частот, не оказывали помех на ретрансляцию «космического сигнала». Оптимальный участок для здания земной станции спутниковой связи и был найден на берегу реки Томи. И процесс пошёл, как писали тогда в газетах, «ударными темпами и с опережением графика».

Здесь, в команде ребят, горячо желающих всё узнать, стать профессионалами своего дела, Виктор Скороходов рос, погружался в технические тонкости, разбирался с рукоятками и маховичками. В коллективе царил полный единомыслие и чувство товарищеского плеча.

После каждой зарплаты, например, здесь было принято вносить по рублю в кассу взаимопомощи. В случае необходимости любой мог взять из тумбочки, скажем, тридцать рублей, просто сообщив об этом остальным ребятам, а потом, по возможности, эту сумму в кассе возместить.

Однажды усердие молодого специалиста Скороходова, который самостоятельно изучал и привод, и преобразователь напряжения и частоты, заметили. Виктор Владимирович Жигулин, к тому моменту уже возглавивший Кемеровский телецентр, предложил: «А что, если тебе продолжить образование? Вижу: потребность в знаниях есть!» И выдал ему от предприятия направление в вуз. Так Виктор Скороходов оказался студентом-«целевиком» на факультете радиовещания и телевидения Новосибирского института электросвязи.

Уже на втором курсе он стал секретарём студенческой комсомольской организации. А однажды обратил внимание на удивительную девушку, активистку по имени Александра, которая была членом райкома комсомола. Они

познакомились поближе и поженились. И после окончания института прибыли в Кемерово вместе, одной молодой семьёй. Александра устроилась в ОРТПЦ, Виктор Петрович получил должность сменного инженера «Орбиты».

А спустя полгода он перешёл в Кемеровскую городскую радиотрансляционную сеть, где сначала на протяжении пяти лет трудился на посту главного инженера. Ещё следующие 12 лет был начальником этой сети. Уверен, что кто-то ещё помнит маленькие радиоприёмники, которые имелись почти в каждой советской квартире. Они вещали через провода – ежедневно с 6 утра до 12 часов ночи. За бесперебойную работу этих «петушков» в Кемерово и отвечал Скороходов.

Когда городской радиотрансляционный узел присоединили к ОРТПЦ, Виктор Петрович явился к начальнику управления связи с серьёзным заявлением: с женой – Александрой Ефимовной – в одном коллективе работать не буду, сплетен не хочу!

Позицию сотрудника понять несложно: все премии и награды шли через экономиста Александру Ефимовну Скороходову. Однако начальник управления связи горячему тону Скороходова не поверил, решив, что Скороходов просто блефует. Но ошибся: Виктор Петрович написал заявление и трудоустроился на место заместителя управляющего трестом «Востоксвязьпроммонтаж».

Вскоре трест ликвидировали... А Скороходова – силой обстоятельств и партийной дисциплины – судьба забросила в здание на кемеровской площади Советов, и он стал инструктором обкома партии. Но получилось так, что, после развала СССР, именно в здании Кемеровского обкома КПСС группа энтузиастов начала создавать первое в Кузбассе областное независимое телевидение.

Телекомпанию называли Агентством информации Кузбасса – АИК. Телепередачи АИКа с удовольствием смотрели и в Кемерово, и в Новокузнецке, и окрестностях этих городов. А помогал в технической подготовке передач к эфиру инженер-специалист Виктор Петрович Скороходов.

На этом его связь с телевидением не закончилась, а только усилилась.

Года через полтора – в его судьбе произошёл новый «телевизионный» поворот: Виктор Петрович возглавил региональное отделение частной телекомпании «NTSC», которая была создана четвёркой новосибирских специалистов, в своё время монтировавших оборудование для трансляции московской Олимпиады-80. Возглавлял этих энтузиастов новосибирский предприниматель Яков Рувимович Лондон.

NTSC вещала на всю Западную Сибирь. Её филиалы, кроме Новосибирска, действовали в Омске, Барнауле, Томске, конечно, в Кемерово, где она начала теле вещание в конце 1994 года.

В разных городах телекомпания имела разных сетевых партнёров. Так, например, в Кемерово она работала с ТВ-6, позже – с НТВ, ТНТ. Ну и, несомненно, журналисты кемеровского NTSC делали собственные передачи. Да ещё какие! Без преувеличения, новости NTSC, затаив дыхание, вечером смотрел весь город. Они были острыми, правдивыми, порой, бескомпромиссными. За что директора кемеровского филиала телекомпании В. П. Скороходова, бывало, и на «ковёр»

вызывали в высокие кабинеты. Но он умел защитить своих подчинённых, отстоять свою точку зрения на ту или иную проблему.

Примечательно, что и располагалась кемеровская редакция NTSC, и выходила в эфир из здания всё той же, любимой Скороходовым, станции «Орбита» на Притомской набережной.

В Кемеровском филиале NTSC в разное время трудились очень известные кузбасские журналисты. Виктор Петрович всегда добрым словом вспоминал руководителей редакции – главных редакторов Павла Коваленко, Юрия Кухмаря, корреспондентов и ведущих Елену Ровду, Максима Ушева, Надежду Силину, Светлану Писничевскую, Степана Дубкова и других, режиссёров Татьяну Зарубину, Татьяну Корчагину, Александра Бровина. Многие из них потом работали и работают в Москве, в разных компаниях Кузбасса.

К сожалению, когда Яков Лондон продал свою телекомпанию, новые собственники – московская телекомпания ТНТ – решили закрыть местные программы во всех филиалах NTSC. Причину москвичи объяснили тем, что местное вещание не подпадает под формат их развлекательного телевидения.

Скороходов вместе с коллективом пытался сохранить свой оригинальный телеэфир. Однако сделать это не удалось. В феврале 2007 года Виктор Петрович с горечью делился этими безрадостными новостями в интервью одной из кузбасских газет:

– Пару недель назад к нам приезжали представители ТНТ, ознакомились с состоянием дел и приняли решение закрыть всё наше производство (к нынешнему моменту остались только «Новости NTSC») через два месяца. Я думал, эти два месяца новости будут выходить, как и прежде. Но мне позвонили и сказали снимать «Новости NTSC» с эфира. А ребята уже подготовили сюжеты... Журналисты, операторы, монтажёры телекомпании попали под сокращение и вынуждены подыскивать новую работу...

На новую работу ушёл и сам Виктор Петрович. Вернее, вернулся на старую – в Кемеровский областной радиотелепередающий центр.

Вот так, в 60 лет, получив областную награду – медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени за многолетнюю плодотворную работу, высокий профессионализм, значительный вклад в социально-экономическое развитие области – Скороходов в 2008-м снова оказался в ОРТПЦ – на должности начальника аппаратной службы.

Но, когда в 2011 году директора ОРТПЦ Ивана Николаевича Макущенко направили поправлять дела коллег в Иркутске, и на супругу Виктора Петровича, Александру Ефимовну, легли обязанности по руководству ОРТПЦ, снова возникла щекотливая двусмысленность. Чтобы не порождать ненужных домыслов, начальник аппаратной службы В. П. Скороходов решил уволиться, уйти на заслуженный отдых и помогать своим детям, разгружая их в воспитании внуков.

К глубокому сожалению, в 2021 году Виктора Петровича не стало. Он ушёл из жизни после тяжёлой непродолжительной болезни. Был ещё в расцвете физических и творческих сил...

«Мне всю жизнь везло на очень хороших людей, – с улыбкой благодарности делился Виктор Петрович. – В училище – преподаватели чудесные, такие, как Жигулин Виктор Владимирович. В ОРТПЦ – руководители и наставники Шая Гершкович Гандельман, Владимир Архипович Шахматов, Иван Николаевич Макущенко. С большим уважением, с трепетом в душе отношусь к предприятию, к коллегам. ОРТПЦ бережно хранит человеческое лицо современного бизнеса! И это – уже большая заслуга».

Глава 4.

Время не стоит на месте

Журналист Денис Лизин и его поэтическое амплуа

Он родился под знаком зодиака Весы... И что такого? – спросят некоторые. – Обязательно должен стать журналистом?

По крайней мере, считается, что Весы рождают деятелей шоу-бизнеса. Не верите, посудите сами. К нему подходят многие характеристики людей, появившихся на свет под этим знаком: они скромны, обаятельны и дружелюбны. Не обижаются по пустякам и стараются не причинять боль близким, стремления и желания которых способны угадывать, благодаря чрезвычайно развитой интуиции.

Денис веселый, доброжелательный, приятный в общении человек. Наделён острым умом. Любит раздавать советы. С удовольствием заботится о своем внешнем виде. Проявляет упорство и высокую работоспособность на пути к достижению цели. Словом, настоящие Весы.

Одно прекрасное время назад он записал в своей поэтической тетради:

Держите карманы шире –
вот-вот будут падать звёзды.
Вы встретились в этом мире –

момент звездопада создан...

Поэт Денис Лизин считает, что основа бытия и человеческих отношений «закладывается» в далёком мировом пространстве, где главными вершителями судеб являются звёзды:

Откуда-то с края неба
до края промчится точка,
раскинут созвездья невод
и Девой родится дочка.
Осыплется фейерверком
в честь этого пыль галактик,
и через год, примерно,
у Девы родится братик.
Вселенная отсалюtuje,
порадуется сверхновым,
а лет через двадцать будет
им благодарна снова...

При этом он доподлинно знает, что личные отношения формируются с детства.

Известный российский телерадиожурналист Денис Лизин родился в Кемерово 19 октября 1976 года. В 1993-м окончил кемеровскую школу № 11. В 1998 году – после окончания факультета филологии и журналистики Кемеровского госуниверситета – получил диплом по специальности «Журналистика и русская литература XX века». В его стихах звучат порой ностальгические нотки воспоминаний о кемеровском детстве и юности:

В моих дворах остановилось время,
и юность их осталась далеко,
простите, но я в прошлое не верю,
а в будущее верить нелегко.
Не верю городам в высоком стиле,
где нет знакомых улиц, и ещё
в то, что мои дворы покрылись пылью,
и старость им уже открыла счёт.
Моим дворам осталось жить до срока,
они идут от глубины веков,
но вдруг века начнут свой путь с истока,
а сроков будет сорок сороков?
И пусть все эти строчки – лишь желанья,
хотя они имеют и свой вес
в моих дворах, живущих ожиданьем
от неба им обещанных чудес.

Телевидением он увлёкся в студенческие годы. Хотя, может быть, и раньше... Но именно в студенчестве начал «пробовать себя» на экране. Во второй половине

1990-х в городах и районах Кузбасса новые местные телеканалы росли как грибы. Молодые тутошние телевизионщики активно экспериментировали с форматами, темами и жанрами. Денис тоже внёс свою творческую лепту в этот процесс. Он с коллегами делал в Кемерове на городском негосударственном телеканале «ТВ-Мост», который с августа 1997 года выходил в эфир на базе Кемеровского высшего военного училища связи, популярную информационную передачу «Домино».

«...После каникул я пришёл учиться на 5-й курс журфака КемГУ, не подозревая, что в этой жизни может быть что-то круче, чем летняя практика в газете «Кузбасс». И тут – внезапно мне на голову свалилось телевидение, – поделился он в одном из интервью. – Причём базировалось оно в училище связи на улице Сибиряков-Гвардейцев. Помню, было крайне неохота ехать из Кировского района в такую даль. Но я парень ответственный, сел на трамвай и поехал. А как доехал – так и залип в «ТВ-Мосте» на несколько лет».

Летом этого же года им написана почти поэтическая зарисовка:

Август. Вечер. Цветные огни.
Фонтан прямо в небо рвётся.
Как в эти уже чуть осенние дни
вино замечательно пьётся!
В долг кем-то занята моя душа,
влюблёнными заняты арки,
и два старичка чинно и не спеша
попивают вино на лавке.
У обоих, наверное, сердце шалит,
им бы дома лежать на постели,
но бутылка вина – то ль «Клико», то ль «Аи» –
незаметно как-то пустеет...

Читаешь эти строки и кажется, вместе с автором находишься возле этого фонтана, что на Театральной площади в самом центре любимого Кемерова. Да, признаётся автор, он любит улицы и площади своего детства и студенческой юности.

Денис начинает делать классные передачи для города и горожан... Конечно, не сразу же в первый день. «Пришёл совсем необстрелянный воробей, у которого не было никакого телеопыта», – скажет о нём телена начальство. Но попробовать-то он очень хотел, иначе и не пришёл бы на студию. И в редакции освоился быстро.

– На телевидение я попал, скорее, через безбашенность, – считает Денис. – Помню свои первые телепробы, после которых начальники поняли, что им достался нормальный такой парнишка. По приезде в студию были составлены примерные темы на кучу будущих выпусков, и пока руководство их изучало, я что-то накалякал для пилотного сюжета по теме ЖКХ. Мы с оператором спустились во двор училища связи, я залез в вырытую для какой-то трубы траншею и по щиколотку в грязи записал оттуда стендап. Даже два. Мне это показалось наглядным, а начальству – живеньким...

И пятикурснику дали работу там, где никто не цензурировал и не «резал» тексты. Практически с этого и стартовала его журналистская биография. Программа нового информационного формата давала ответы на вопросы, которые очень волновали жителей Кемерово конца 1990-х, уверен Денис:

– В сентябре 1997 года мы собрались тем коллективом, который стал творческой группой программы. Авторами проекта были наши руководители и шефы – опытные тележурналисты, которые ранее уже работали на ТВ.

Также в бессменном коллективе «Домино» трудились оператор Василий Анкудинов, режиссёр монтажа Евгений Косолапов и водитель Артур Лебер. Первая из передач цикла появилась в эфире в сентябре 1997-го. «Домино» выходило пять раз в неделю и просуществовало почти три года.

– Насчёт основной идеи проекта нам тогда сказали так: «Вот что, ребята. Если мы все живём в городе Кемерово, то давайте начнём делать сюжеты из жизни простых горожан, причём, в форме ответа на их же вопросы, – вспоминает телеведущий Лизин. – Эдакие житейские новости на народном языке и по народному заказу.

Первые 20-30 сюжетов были сняты якобы по просьбе трудящихся, поскольку надо было с чего-то начинать. А потом – пошло само. Начали реально звонить горожане, предлагая острые темы.

Иногда с утра и до обеда приходилось сидеть и выслушивать бесчисленное количество принятых звонков.

Из стихотворения Дениса, написанного в 1995-м:

Наша жизнь – как шахматная партия,
шестьдесят четыре клетки – как года,
а с ферзя несорванная мантия –
жизнь, несыгранная никогда.

Каждый ход – как день на плоскости.
Пешка – просто встречный человек –
старый – не старик, а просто в возрасте –
как в последние года двадцатый век.

Кто на чёрной был – шагнул на белую.
С клетки в клетку – свободы шаг,
чтобы взятым быть. Имейте зрелую
смелость эти вопросы решать...

Эти строки – будто предвидение телепередачи, которую начнёт делать через два года. Кстати, уже в первые месяцы выхода в эфир «Домино» приобрело небывалую популярность и крайне полюбилось кемеровчанам.

«Ведущие из неопытных и никому неизвестных студентов в мгновение ока превратились в местных телезвёзд, у которых начали брать автографы», – оценивает корреспондент журнала «Авокадо» Марина Туманова. А спустя год «Домино» стала и вовсе визитной карточкой телеканала «ТВ-Мост» и одним из главных его проектов.

Скоро Денис и Женя Просветова научились вместе делать в кадре стендапы к своим выпускам. Выходило лихо и складно. Эту пару молодых, притких телевизионщиков – Лизин-Просветова – некоторые зрители помнят до сих пор.

Две половинки втиснуты в меня,
а истина как раз меж двух стихий.
Один из нас бранится прозой дня,
другой бумагой потчует стихи...

Вот так произнесёт Денис в июле 1999-го в стихотворении «Шестидесятник».

В эфире их ежедневная программа шла всего минут 10. И была, как подметил сам Денис в интервью, живее некуда:

– Бывало, снимали репортаж, который по своей живости, по количеству синхронных людей, по насыщенности картинки, тянул один на целый спецвыпуск в 10 минут. И мы делали этот спецвыпуск! Не помню ни одной темы, которая была бы нам навязана сверху. Даже если в училище связи приезжал с проверкой губернатор, мы могли подать его визит под песню «In the Army Now». Так было веселее, доступнее и интереснее. Ну, поругается начальство для проформы, поскольку далеко не все чиновники понимают, что от народа отрываться не надо, ну и что? Нормально.

Это было прекрасное время: интернета не было, скайпа не было, мессенджеров не было, а мобильники только начинались – у чиновников, бизнесменов и братков. Поскольку все в команде «Домино» были молоды, бесстрашны и свободны, то снимали, что хотели и как хотели. С людьми при общении трудностей никогда не было. Разного рода «уважаемые» персонажи того времени – от малиновых пиджаков до наркоманов в шустерах, туфлях и кепочках – относились к телевизионщикам вежливо.

Сложности начались, когда Дениса призвали на срочную службу в армию. Его телена начальство заверило: будешь, мол, числиться солдатом в училище связи и продолжать работать на ТВ.

В назначенный день он поехал на сборный пункт прямо в эфирной одежде – минут за 40 до начала работы: «Думаю – сейчас скажу военным людям слово заветное и поеду... передачу делать. А меня забрили, увезли в учебку куда-то по Юргинской трассе, откуда я вернулся только через месяц».

В общем год он продолжал службу в училище связи, только не бойцом-связистом, а тележурналистом. Но, поскольку в этот период брился наголо, «в кадре» не работал. Телевизионное начальство по этому поводу ссорилось с его армейскими командирами.

Когда волосы отросли, Денис вновь «вошёл в кадр» «Домино», будучи ещё солдатом. В декабре 1999-го он демобилизовался и внезапно осознал: «Я – свободный человек, и поэтому отправился прямиком домой. Больше я в телекомпании «ТВ-Мост» не появлялся...»

С 2000 года карьера Дениса Лизина пошла в «новую гору». Он устроился в ещё более популярную кемеровскую телекомпанию NTSC. Работал над новостями под руководством известных в области телевизионщиков – Павла Коваленко, Юрия Кухмаря, трудился вместе с Еленой Ровдой и другими. Здесь близко сошёлся с талантливым и непредсказуемым Владимиром Антипиным, который впоследствии уехал в Екатеринбург, где подвизался в ведущих СМИ, трагически рано ушёл из жизни. Ему Денис посвятил поэтические строчки:

Если я вдруг уйду
вроде б не навсегда,
то не следует этому верить –
я назад не вернусь
через год или два,
если я вдруг уйду,
широко хлопнув дверью.
Я уйду только так –
мне иначе нельзя,
ставлю точку на этом примере,
если сделаю шаг,
то не ждите меня
и прикройте за мной
неприкрытые двери.
Не смотрите мне вслед,
если всё же уйду,
и в глазах не ищите ответа,
вам известен ответ –
я назад не вернусь,
потому что – плохая примета.

Телекомпания NTSC стала для него определённым трамплином, своеобразным университетом, который он прошёл по ускоренной программе – всего за год, вдоволь набегавшись по Кемерову в поисках сюжетов. И почувствовал в себе силы и способности к покорению более высоких вершин.

Через год Денис решительно уехал в Москву. Чего греха таить, хотелось известности, больших объёмов и широты. В Кемерове казалось тесно:

Расщеплю всю жизнь свою на атомы,
запишу в графу от «А» до «Я» –
упрощу патологоанатомам
ренессанс картины бытия.
Убеждён, а также твёрдо верю и
небезосновательно вполне –
в кулуарах геномной инженерии
будут говорить и обо мне...

В столице из телевизионного журналиста Денис переквалифицировался в радиийщика, покоров своим голосом радиослушателей нескольких FM-компаний. Одной из них стало радио «Ретро FM».

Через несколько лет радиоведущий Денис Лизин признается: «Никогда не задумывался, что лучше: журналистика в газете, в Интернете, на радио или на телевидении. По мне идеал – это чистый лист А4 и чётко поставленная задача, которую я с удовольствием каждый день выполняю».

Он пробовал себя во многих амплуа-ведущего: ведущий информационных новостных передач на «Ретро FM»; ведущий программы «Автоновости» на канале «Москва FM»; ведущий службы новостей «Радио 7 на семи холмах», там же – ведущий передачи «Лёгкий завтрак»... Везде получалось и получается на отлично. Профессионал высокого класса, характеризуют его коллеги. Денис и сам способен оценить свою работу, свои успехи и неудачи. Время подводить некоторые итоги. Они, конечно же, промежуточные, но всё же:

Мне уже тридцать три. И последних семь лет
я живу, будто в рёбра мне тычут ножи,
а вчера я распят был на этой земле,
и тогда я лишил себя права на жизнь,
и способность летать выменял у меня
не за ломаный грош, а за цену Христа,
только крылья дрожат, и сейчас у меня,
чтобы в рай вознестись, десять шансов из ста...

Взлёты и... падения. И это нормально, тем более что падений-то как таковых и нет. О нём говорят: «Лучший!»

Для радиийщиков страны есть ежегодный профессиональный всероссийский конкурс «Радиомания». В жюри входят весьма компетентные и авторитетные специалисты. Победителям почти в двух десятках номинаций вручаются символические бронзовые микрофоны. Такой престижной награды удостоен и Денис.

Он хорошо помнит, как 25 апреля 2008 года в Большом дворце государственного исторического музея-парка «Царицыно» состоялась большая церемония вручения национальной премии «Радиомания». Среди соискателей было около 140 радиостанций и продюсерских компаний со всей России, которые представили жюри почти 300 работ.

В состав жюри входили известные радиожурналисты и руководители ведущих сми России: главный редактор телеканала «РЕН ТВ» Алексей Абакумов, заместитель генерального директора ВГТРК Сергей Архипов, главный редактор РИА «Новости» Светлана Миронюк, генеральный директор ФГУП РТРС Геннадий Скляр и другие.

Символические бронзовые микрофоны получили лучшие в 17-ти номинациях – ведущие и создатели радиопрограмм.

В номинации «Информационная программа» обладателем премии и бронзового микрофона стал информационный канал «Вести FM» Государственной радиокompании «Радио России».

А лучшим информационным ведущим назван Денис Лизин, работающий на «Ретро FM».

Денис вдохновлён высокой оценкой, большой наградой. Хочется трудиться ещё лучше, работать на «твоего слушателя», кроме информации, доставляя ему и хорошее настроение.

Он вдохновенно и по-настоящему «вкалывает» на радиостанции «Москва FM», которая позиционирует себя, как главное городское радио. Концепция содержания эфира этого радио: «Днём – всё, что интересует современных жителей мегаполиса: самые обсуждаемые и актуальные темы, мнения экспертов, тематические рубрики и сообщения слушателей. Новости – раз в полчаса. Информация о движении и погоде – каждые 15 минут. Ночью – самая свежая музыка. Потому что так живёт Москва». Денис Лизин здесь – ведущий популярной рубрики «Автоновости», его информация интересует сотни тысяч людей – и тех, кто уже за рулём, и тех, кто только готовится приобрести автомобиль.

Он знает себе цену и сам высоко оценивает свои возможности. Это строчки из его произведения «Три часа до весны»:

Дайте холст, дайте кисть,
я сейчас нарисую
единение с природой
на стеночках вен.
Мой герой – алый лист,
заблудившийся в суете
и нашедший свободу
в моей голове.

Ещё по его жизни «проходит» радиостанция «Радио 7 на семи холмах». Иногда это кажется нереальным – сочетать такие разные редакции. Но Денису это явно нравится. Наверное, вот почему: «У меня две радиостанции в машине – «Радио 7» и Dfm, – раскрывает секрет один из поклонников его таланта. – Абсолютно противоположные по стилю, но всё зависит от настроения».

На «Радио 7» Дениса пригласили, как опытного журналиста и ведущего. Редакции нужна была «свежая кровь», чтобы придать новое «ускорение» давно сформировавшемуся каналу. Ведь «Радио 7 на семи холмах» – музыкальная радиостанция. Основана в 1992-м в формате лёгкой популярной музыки зарубежных исполнителей. В эфире – популярные песни 2000-х, также хиты 1960-х-1990-х. Её сеть охватывает более 60 городов в России и странах СНГ. Еженедельно «Радио 7» выбирают более 6 миллионов слушателей России.

Конечно, трудно высчитать точно, сколько из них прослушали программу «Лёгкого завтрака», очередной выпуск которого провели Денис Лизин и Рубен Акопян. Но популярность у программы была высокая. В этой утренней программе – живые общественно-политические новости на разные темы, хорошая музыка для хорошего настроения. И астрологический прогноз на предстоящий день, и «день в

истории», и «словарь ударений» – рубрика, в которой обсуждают самые распространённые ошибки в произношении слов, и обзор прессы, и обзор событий в Интернете.

Казалось бы, на все вкусы. Хотя... Приходили в редакцию и такие отклики:

«Радио 7 – суперрадио, его я слушаю. 85 % времени – спокойная музыка, классические минутки, адекватные новости в начале часа, всё ок. Но два ведущих: Рубен Акопян и Денис Лизин, которые ведут утреннее шоу «Лёгкий завтрак», – мой утренний мозг в машине плохо впитывает всю доступную информацию от... этих товарищей. Причём, раньше их диалоги/монологи были вполне даже ничего, но теперь – 99,99% обсуждаемых новостей – это политика... с какой-то детской точки зрения, не углубляясь в суть проблемы, а ограничившись многозначительными «даааааа-ууууууж», и так каждый выход в эфир...»

Ну что же, на вкус и цвет, как говорится... К тому же критика – двигатель журналистики.

...Слова, которые вылетали,
ловить не надо – вернулись сами
и вновь на волю рванут едва ли,
поскольку жизнь уже узнали.

Не всё запомнили, что читали,
не всё озвучили, как считали,
себе во времени стёрли грани,
и то имеем, во что играли.

Признались, где и когда соврали,
и убедились, так..., между нами,
что если роем другим по яме,
то попадаем вперёд ногами
всё чаще сами. Всё как-то сами.

Конечно, жить в постоянном ритме редакции Службы новостей не так-то просто. Приходится пропускать через себя мегаватты как позитивной, так и негативной информации, оставаясь самим собой. Денис Лизин и сегодня продолжает это делать. Продолжает суматошную жизнь журналиста. Не оставляет при этом и поэтического творчества...

Будет ещё аромат сенокоса,
лес, пересчитанный правым плечом,
тур по деревне за этим же лесом,
два мужичка у крылечка сельпо,
кружка и водка со вкусом железа,
модно занюханная васильком.
Будут доярки (куда ж без доярок),
местные, приревновавшие зря,
будет весь день ослепительно ярок
от подключённого мне фонаря.
Будет дорога к какой-то из станций,
парой затяжек добытый «бычок»

и – путь домой мимо леса в багрянце
с лёгкой душой и отбитым плечом,
без сожалений, СВ, телефона,
в тамбуре, глядя в рекламный плакат.
А за окном изумительным фоном
будут всё также висеть облака...

Владимир Александрович Цукров – журналист, педагог, учёный

В 2022 году ветеран труда Владимир Александрович Цукров отметил 90-летний юбилей. Вся его жизнь – живой пример долголетнего упорного труда на благо страны и региона. Он не останавливался на достигнутом и всегда шёл вперёд – к цели, которую считал главной в жизни.

Владимир Цукров родился 20 февраля 1932 года на Украине – в деревне Калиновка Криворожского района Днепропетровской области. Великая Отечественная война застала Цукровых в городе Кривой Рог, куда они переехали незадолго до начала боевых действий. Глава семьи ушёл на фронт, а Владимира вместе с матерью и братом эвакуировали сначала на станцию Лабинскую на Кубани, а затем – в Туркмению.

В августе 1942 года они переехали в Кемерово, к родственникам. Мать Владимира устроилась на Азотно-туковый завод, мальчик же отправился учиться. После окончания десятилетки Владимир поступил в Ленинградский кораблестроительный институт на инженерно-технический факультет. Но некоторое время спустя решил получить другую профессию – на историко-филологическом факультете Томского государственного университета.

В 1956 году, после получения диплома, он остался работать в университете – инспектором по научной работе. А потом стал заведующим спортивным отделом томской областной молодёжной газеты «Молодой ленинец».

Но вскоре Владимир решил вернуться к родным в Кемерово. Здесь он устроился журналистом спортивного отдела газеты «Комсомолец Кузбасса».

В конце «пятидесятых» в его жизнь вошло телевидение. В июне 1959 года Владимира Цукрова пригласили на Кемеровскую студию ТВ. Сначала он был ответственным редактором выпусков новостей. А когда на КСТ создали отдельную редакцию информации и спорта, его назначили её первым руководителем. Именно под его началом вышли в эфир первые выпуски «Новостей Кузбасса». С той поры на полтора десятка лет Владимира Цукров оказался связанным с телевизионными репортажами, очерками, передачами.

Телевидение Кузбасса, да и всей Сибири, тогда только становилось на ноги. И о Владимире Александровиче можно с уверенностью сказать: был среди первых, тех, кто создавал и поднимал на высокий уровень наше областное телевидение – то, которое сегодня носит имя Государственной телерадиокомпании «Кузбасс».

«На студию я пришёл из газеты, – иронизируя, делился воспоминаниями Владимир Александрович в небольшой заметке «Первая съёмка». – Первую свою съёмку для «Телевизионных новостей», куда меня определили, назначаю на стадионе «Химик». В спорте я кое-что понимал, а потому надеялся за бегущими, прыгающими и метаемыми скрыть наличие у меня отсутствия (или – отсутствие наличия?) истинных качеств журналиста.

Минута в минуту приходят операторы. Оба – Викторы. Рассказываю, что будет происходить, показываю возможных победителей, советую, что бы такое-этакое снять. Многие спортсмены по старой памяти здороваются со мною, что явно повышает мой авторитет в глазах операторов. Сами же они рассуждают о ракурсе, фокусе, крупности плана, съёмке с движения, какой-то скрытой камере и ещё Бог весть о чём, мне совершенно недоступном. С любопытством ребёнка рассматриваю «Пентафлекс» До этого я такие в глаза не видел, как, впрочем, и любые другие. Я, если честно, и фотоаппарата в руках не держал.

Начались соревнования. Я бегаю с блокнотом, ребята – с пулемётами – «Пентафлексы» строчат, как тот Анкин «Максим». Операторы из кожи вон лезут: снимают и с самой земли и сверху – с трибун, и рядом со спортсменами бегут, и в лицо им камерами тычут. Что тут скажешь – мастер он и есть мастер.

А на следующий день сами монтируем сюжет, хотя, и не царское это дело – на то монтажница приставлена. Я, само собой, в монтаже ни бельмеса. Но выставить себя полным профаном перед профессионалами не хочется. А потому, что-то советую, во что-то вмешиваюсь и вообще суечусь.

Смонтированный материал принимают без особых замечаний. Текст, правда, как та кошка, гулял сам по себе (сегодня это, кажется, норма). Сюжет как-то неожиданно начинался и столь же неожиданно заканчивался, но ведь всё в кадре

двигалось и всё было видно. Я остался доволен. Оба Виктора – тоже. Причём не только собой, но и, как не странно, мной тоже. Поскольку сразу же после выхода сюжета в эфир попросили взять их на следующую съёмку.

Как вскоре выяснилось, оба усмотрели во мне опытного телевизионного волка, правда, немного суетливого. Для них же тот сюжет был первой пробой пера. Потому-то и снимали вдвоём тот минутный репортаж, как в связке альпинисты, страхуя друг друга.

Виктор Воронов впоследствии многие годы работал на Кузбасском корпункте ЦТ, что само по себе – знак качества. А Виктор Фотин до самой пенсии верно служил нашей студии. И я всегда поражался не столько его операторскому мастерству, хотя и с этой стороны к нему претензий не было, сколько его сценарному видению, которое не то что оператору, не каждому журналисту дано. Подозреваю, что именно это его качество и сыграло главную роль в моём, будем считать успешном, кинодебюте».

Первые годы – время становления телевидения в Кузбассе – были самыми трудными для первопроходцев. Непросто было наладить регулярные выпуски областных новостей. Для этого первые тележурналисты и операторы ежедневно мотались по региону в поисках интересной информации, снимали, монтировали и... оставались «за кадром»:

– Все телезрители тех лет считали, что самые главные люди на ТВ – это дикторы – Татьяна Болотникова и Галина Скударнова, – вспоминает Владимир Александрович. – Про авторов текстов и сюжетов, и прочих никто не знал, все видели только их. Не только благодаря всенародной популярности дикторов «Новости Кузбасса» были суперпопулярны – людям всегда интересно знать, что происходит в регионе.

А вот что рассказывал о совместной работе главный режиссёр Кемеровского областного телевидения Фёдор Мефодьевич Ягунов:

«Редактором, который создавал первоначальную информационную систему КСТ, был молодой и разносторонний журналист, выпускник Томского университета Владимир Цукров. Иллюстративный материал, по-телевизионному – «видеоряд», был беден и состоял из фотосюжетов, рисунков, газетных заголовков. В командировки на съёмку сюжетов редакторы брали с собой фотокорреспондента. Но так продолжалось недолго...

В. Цукров, одарённый журналист, автор множества ярких передач, был ещё и палочкой-выручалочкой в неожиданных сложных ситуациях, возникавших иногда при подготовке программ. Мог за одну ночь написать текст к незнакомой ему дотеле большой передаче. Заинтересовавшись темой многолетнего соцсоревнования между Кузбассом и Донбассом, написал сценарий, организовал съёмки, в том числе и на Украине, фильма «Сегодня и много лет назад». А потом защитил на эту тему диссертацию. Стал первым на КСТ кандидатом наук».

А сложных ситуаций возникало немало – по одной на каждый месяц или даже чаще. Потом телевизионщики вспоминали о них с юмором, со смехом. Но это – потом, когда гроза, как говорится, миновала. А в момент происшествия, бывало, ой как не до смеха! Об одном таком случае Владимир Цукров поделился в книге Юрия Светлакова, посвящённой Кемеровскому телевидению:

«Фёдора Ягунова на студии поначалу назначили начальником киногруппы. Но затем, учитывая его актёрское прошлое, определили в кинорежиссёры. Со свойственной ему тщательностью, переходящей в скрупулёзность, он месяца полтора осваивал режиссёрский пульт. Для дебюта ему дали (выдать в эфир) передачу – проще некуда: выступающий в студии, да в перебивку – немного плёнки. Тем не менее, все видят – волнуется парень, потому как, по моим наблюдениям, Ягунов – человек, уверенный в себе по-крупному, но сомневающийся по мелочам. Только тут-то чего волноваться? Ведь ясно, что ничего плохого случиться не может.

Вот Фёдор садится за пульт, проверяет готовность своей команды и осторожненько нажимает на кнопку. Раздаётся взрыв! Тут же гаснет экран монитора.

Потом выяснилось, что Федя был не виноват. Просто в студии лопнула лампа, а в кинопроекционной почему-то в тот миг остановился проектор. Но ведь это выяснилось потом!»

...Удивительно, но в первые годы становления Кемеровского ТВ начальство не скупилось отмечать успехи подчинённых (чего не скажешь, увы, о дне сегодняшнем), что, безусловно, стимулировало и окрыляло людей, подталкивало к новым творческим поискам. Тот же Ф. М. Ягунов привёл пример:

«...Уже в праздничном приказе к 42-й годовщине Октября (ноябрь 1959 г.) отмечают первые успехи:

«...Отметить работу общественно-политической редакции, подготовившей передачи-журнала «Для вас, женщины» (ред. Корчанова Г. Н.), «Копейка рубль бережёт» (авт. Цукров В. А.), «Юность комсомольская» (ред. Болотников В. В.). По редакции литературно-драматических передач – «Искусство оперетты» (реж. Блехман А. А.). По детской редакции – «Своими руками» (авт. Зубарева), «Рассказ о куклах» (авт. Северьянова В.)».

При этом не стоит забывать, что впервые в эфир Кемеровское ТВ запустили всего лишь в конце апреля 1958-го!

Отличный литературный язык, документальная достоверность, доверительная интонация – вот творческий почерк Владимира Цукрова. Недаром именно ему доверили подготовку первой кемеровской программы для Москвы, сделанной по заказу Центрального телевидения.

Кинодокументалистика по-особому притягивала его. Областное телевидение 1960-1970-х знает немало фильмов, в работе над которыми Владимир Александрович принимал самое активное участие. Например, в 1962 году зрители

страны увидели телеочерк В. А. Цукрова «Человек – людям». Потом вышли на всесоюзный экран его очерки «Тридцать лет спустя» (о КМК и строящемся Запсибе), «Заботой Ленинской согрет» (о роли В. И. Ленина в развитии Кузбасса), «Александр Картавых – мой депутат», «Принимаю огонь на себя», «Сегодня и много лет назад» и много других его талантливых работ.

Елена Юрьевна Светлакова, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры проанализировала в одной из публикаций этот интерес к документальному кино. Отметила:

«...За годы «оттепели» на Кемеровской студии телевидения было снято около ста очерков, из них почти каждый третий – портрет. Снимали сталеваров («Сталевар Кузьма Шабалов»), геологов («Геолог»), пионеров («В стране весёлых людей»), артистов («Солистка народного»). В киноочерке «Сегодня и много лет назад» (автор сценария В. Цукров, режиссёр Ф. Ягунов, операторы В. Фотин и Ю. Светлаков) был снят знаменитый Алексей Григорьевич Стаханов».

Документальное кино этих лет, которым на Кемеровской студии телевидения активно занимается В. А. Цукров, по мнению специалиста, отличается особым интересом авторов к эмоциональным переживаниям героев, преодолевающим трудности. В фильмах превалирует активное авторское начало сценариста, но, особенно, – оператора, который проживает жизнь вместе с героем и камерой, присутствует в кадре, ведёт непринуждённый разговор с героем, таким образом раскрывая не только его характер, но и себя как автора.

Авторы документальных телеочерков были в постоянном творческом поиске, пробовали новые подходы к созданию фильмов, находили новые пути к сердцу и душе зрителя. В качестве примера Е. Ю. Светлакова приводит очерк «30 лет спустя» – о Запсибе, снятый в 1963 году (авторы сценария и режиссёры В. Цукров, Ф. Ягунов, В. Фотин). Фильм «был построен на оригинальном дикторском тексте». Вот небольшой отрывок: «Мы поздравляем тебя, Семён Иванов. Кого подарила тебе жена? Сына! А как зовут его? Этого, оказывается, не знает даже Лида. Но у отца уже на этот счёт сложилось окончательное мнение. Расти здоровым, умным, красивым, наш новый маленький земляк, и будь таким же хорошим человеком, как твои замечательные родители...»

По-особому ярко раскрылся журналистский талант Владимира Александровича в одной из самых популярных передач КСТ 1960-1970-х годов – сатирическом выпуске «Горчичник».

«Горчичником» мы называли телевизионное сатирическое обозрение по материалам Кемеровского областного Комитета народного контроля, – вспоминает в одном из интервью известный ветеран телевидения – экс-сотрудник КСТ Владимир Евгеньевич Аренский. – Сейчас уже не все помнят, что Комитет народного контроля – это был один из органов системы государственного и общественного контроля в СССР. Он контролировал выполнение

государственных планов, расходование средств, соблюдение трудовой дисциплины».

По сути, Комитет народного контроля был всесоюзным «рентгеном», инструментом государственного аудита в масштабах огромной страны. По материалам наиболее важных его проверок даже принимались решения правительства СССР.

«Члены народного контроля вели борьбу с очковтирателями, взяточниками, несунами и с другими традиционными персонажами тележурнала «Горчичник», – вспоминает Аренский. – Идея программы принадлежит Юрию Степановичу Котлярову, собственному корреспонденту газеты «Труд» по Кемеровской области. А название придумал Фёдор Мефодьевич Ягунов, режиссёр КСТ».

Таких критических передач кузбасским зрителям тех годов явно не хватало. И «Горчичник» эффективно заполнял эту нишу. 1 апреля 1973 года, к десятилетию «Горчичника», областная газета «Кузбасс» писала: «Шутка ли, десять лет не греть, а жечь, жарить отдельных товарищей за отдельные недостатки...»

Первым режиссёром «Горчичника» стал Фёдор Мефодьевич Ягунов. Постоянными авторами текстов тележурнала были Виктор Яковлевич Руденский, Юрий Степанович Котляров и, конечно же, Владимир Александрович Цукров.

Бывший главный редактор информационного вещания Кемеровского областного телевидения Виктор Болотников подчёркивал:

«Если зрителю понравился очередной выпуск «Горчичника», – значит, редактор В. Цукров и режиссёр В. Збышинский готовили его с увлечением. Если за телекамерой А. Сеницын, а за пультом главный режиссёр В. Руденский – жди хороших кадров. Причина та же. Плюс, конечно, знание своего дела».

Ветераны и сегодня вспоминают: когда «Горчичник» выходил в эфир и, особенно, когда звучала ставшая знаменитой музыкальная отбивка передачи «Ая-я-яй!», которую придумал звукорежиссёр Виктор Константинович Шамов, жители области буквально припадали к телевизорам.

Шутки и приколы «Горчичника» мгновенно разбирали на цитаты, которые расходились среди телезрителей Кузбасса. А острота сюжетов программы и требовательность авторов заставляли власти на местах, руководителей предприятий исправлять проблемы и недочёты в работе.

Кстати, юмор всегда был присущ Владимиру Цукрову. Он – любитель рассказывать невероятные истории из своей жизни, о своей работе. Вот одна из таких историй из уст самого автора:

– Я проработал на ТВ уже целых три месяца, – рассказывал Владимир Александрович. – Всё, казалось, шло прекрасно. Как вдруг... Прихожу я весь довольный на работу и читаю на доске приказов: «Редактора Цукрова В. А. перевести на должность завпоста». С трудом переварив эту новость, прихожу к следующему: за журналиста меня не признали, но всё-таки не выгоняют, а даже назначают начальником какого-то поста, что утешало.

Плетусь к кабинету директора. Но того ещё нет. В ожидании пытаюсь выяснить, что это за должность такая – завпост? Оказывается, заведующий постановочным цехом. Тот самый, что обеспечивает декорационное оформление передач и спектаклей. В подчинении – художник и два рабочих-столяра, они же монтировщики сцены. Все трое – те ещё выпивохи. На завпосте также – снабжение студии материалами: досками там, красками, тканью, ну и т. д.

Повеяло безнадёжностью, стало грустно, одиноко и неуютно. Тем не менее пытаюсь прокручивать, как в разговоре с начальством реагировать на приказ? Соглашаться? Но ведь дела не знаю, и все завалю с самого начала. Просить продлить испытательный срок? Но и так уже три месяца прошло, и им, видимо, со мной всё ясно. Подать заявление об уходе? В общем, всюду клин.

Наконец, появляется директор Дмитрий Иванович Култаев:

– Входи, Володя.

«Володя» обнадёживает, но ведь он меня и раньше так называл.

Вхожу, сажусь на краешек стула, хотя начальство показывает на кресло.

Дмитрий Иванович, такая у него манера, начинает с малозначащих тем, к основному разговору отношения не имеющих. Я что-то подталдыкиваю, поскольку мысли мои совсем о другом. Жду, когда директор перейдёт к делу. И вот оно!

– Мы здесь посоветовались (а советовался он только с одним человеком, главным редактором Виктором Болотниковым), и решили поручить тебе возглавить... редакцию «Новостей».

– А завпост – это как, временно или по совместительству? – на секунду ошалев и тут же слегка обнаглев, спросил я, пересаживаясь в кресло.

– Пока не получим новые ставки. У завпоста зарплата повыше, чем твоя нынешняя. А ты, что делал, тем и будешь заниматься.

Вот так светлой памяти Дмитрий Иванович Култаев и определил мою трудовую жизнь на следующие пятнадцать лет...

Помимо журналистской работы, Владимир Александрович ещё скрупулёзно занимался научной деятельностью. В 1973 году он защитил диссертацию, стал кандидатом исторических наук, получил звание «Доцент по культурно-просветительской работе». Надо отметить, что он стал первым кандидатом наук в студийном коллективе.

И когда он получил предложение от ректора института культуры Н. П. Шуранова перейти на преподавательское поприще, возглавив создающуюся в вузе кафедру кинофотомастерства, согласился. Накопленный жизненный и профессиональный багаж вполне позволял ему сделать это. В институте Владимир Александрович проявил блестящие организаторские способности.

Приняв кафедру с нулевой материальной базой, он создал на ней настоящий кинокомплекс, где были и съёмочные павильоны, и проявка, и монтажная, и даже

просмотровый зал. Словом, всё для того, чтобы снять фильм, начиная со сценария.

Благодаря ему в 1983 году кафедре был вручён Гран-при за победу в смотре-конкурсе кафедр подобного профиля среди институтов культуры страны. А Владимир Александрович был отмечен знаком «Отличник советской культуры».

На протяжении десятка лет он воспитывал новое поколение кинооператоров и режиссёров. К ведению теоретических и практических занятий В. А. Цукров с удовольствием привлекал авторов «золотой коллекции» очерков-портретов, работников Кемеровского телевидения – Ю. Я. Светлакова, Т. Я. Маслову и других коллег-профессионалов. Его ученики вместе с учителем принимали активное участие во всероссийских смотрах и конкурсах кинематографии. Его выпускники стали прекрасными специалистами, многие из них работали и работают на телевидении и даже в кино, в редакциях печатных и электронных изданий – от Прибалтики до Курильских островов...

В 1984 году Владимир Александрович продолжил преподавательскую деятельность уже в Кемеровском сельхозинституте – преподавателем общественных наук. А через два года его избрали на должность заведующего кафедрой гуманитарных наук Кемеровского государственного сельскохозяйственного института.

И тут Цукров показал себя как ответственный работник, всей душой болеющий за коллектив, как доброжелательный, любящий студентов преподаватель.

Коллеги уверены, что именно его опыт во многом определил то обстоятельство, что кафедра гуманитарных наук не только не потеряла своего места в вузе в результате известных событий начала 1990-х, но и сумела стать концептуальной опорой руководства учебного заведения.

Как раз здесь профессор Цукров создал учебное пособие по политологии «Политическая система общества и политические реалии постсоветской России», рекомендованное для всех вузов страны.

А в 2004-м Владимир Александрович стал инициатором создания в КемГСХИ гуманитарно-педагогического факультета. Одной из выпускающих кафедр стала кафедра истории и педагогики, выделившаяся из состава кафедры гуманитарных наук.

В этом институте Цукров активно занимался и профсоюзной деятельностью, чем тоже снискал уважение профессорско-преподавательского состава. О нём здесь вспоминают добрыми словами: «Он 23 года проработал в нашем институте на кафедре «Гуманитарных наук», из них около 15 лет – её заведующим! О Владимире Александровиче можно сказать только хорошее – справедливый начальник, всей душой болевший за коллектив, ответственный работник, доброжелательный, терпеливый преподаватель. Его жизненной активности можно только позавидовать».

На заслуженный отдых ветеран труда вышел в 2010 году в возрасте 78 лет. К тому моменту его трудовой стаж составил 54 года!

За многолетний и добросовестный труд Владимир Александрович награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», областными медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За служение Кузбассу», отмечен знаками «Отличник советской культуры», «Лауреат Всероссийского смотра кинематографии».

Вера Кривенкова: «За суетой и за работой, друзья, не забывайте жить!»

Людей, занимающихся поэтическим творчеством в шахтёрском городе Анжеро-Судженске Кемеровской области, немало. Местные любители поэзии знают стихи Геннадия Горюнова, Сергея Побоккина, Георгия Ильина, Сергея Подгорнова, Надежды Усольцевой.

В этом ряду имя Веры Кривенковой (Дорогиной) выделяется особо. Она – активный участник городской литературной студии имени Василия Фёдорова, нередкий гость различных акций и событий в городских учреждениях культуры и в образовательных организациях. Ну, и конечно, горожане знают её, как автора официального «Гимна Анжеро-Судженска». Кроме того, несколько десятилетий уже земляки с удовольствием читают интересные публикации журналиста городской газеты «Наш город» Веры Александровны Кривенковой.

Согласитесь, такое выпадает в жизни не каждому!

«А ещё Вера Кривенкова артистична и легка на подъём, доброжелательна и не любит конфликтных ситуаций, – утверждает молодой исследователь её творчества Алексей Трембач. – Среди увлечений Веры Александровны – сочинение стихов и исполнение бардовских песен. Примечательно, что она

создаёт свои стихи экспромтом, подолгу не раздумывая над ними, – всё, что волновало, вдохновляло, радовало, тут же складывается в стихотворные строки».

Её биография проста и открыта. Вера родилась 1 августа 1950 года. Её малая родина – всё тот же небольшой Анжеро-Судженск, где ей с детства знакомы каждая улица и дом, тысячи лиц больших и маленьких горожан.

После школы-десятилетки № 32 она в 1970 году окончила Анжеро-Судженское педагогическое училище, где, кроме других предметов, обучалась игре на пианино. Также училась в Кемеровском институте культуры. Потом работала заведующей клубом Анжерского шахтостроительного управления, заведовала библиотекой горбольницы № 1.

В 1983-м перешла в редакцию городской газеты «Борьба за уголь», позже переименованной в «Наш город». На работу сюда её пригласил ответственный секретарь газеты Валерий Долинский. И здесь Вера окончательно нашла своё призвание – это журналистика.

За почти сорокалетнюю работу в газете «из-под пера» заведующей редакционным отделом культуры, торговли и быта В. А. Кривенковой вышли многочисленные заметки, статьи, интервью, очерки – о городе и его людях. В 1987 году её приняли в ряды творческого Союза журналистов СССР.

Предназначением её бытия стало «верстать жизнь и служить правде». Чтобы газетная строка дышала жизнью любого события, любой человеческой судьбы, журналист должен отдавать и свою частичку теплоты, сочувствия, взаимопонимания. «Именно так и работает все эти годы Вера Александровна Кривенкова, – считают её коллеги. – Ей одинаково хорошо удаются и душевная зарисовка о семье или заслуженном человеке, и репортаж с места событий, и материал о вновь организованном бизнесе.

Она с удовольствием берётся за новые проекты. Деловые и человеческие качества тесно и органично переплелись в её характере. Она безусловный лидер всего коллектива с колоссальными организаторскими способностями».

«В этой работе мне больше всего нравится встречаться с людьми, – утверждает она. – Всегда узнаёшь что-то новое, чему-то учишься, а кому-то и помогаешь. Редакция газеты «Наш город» для меня – второй дом, без преувеличения».

Однако при всём том она никогда не забывала о своём увлечении стихосложением. Писать стихи для Веры всегда было чем-то сродни тому, как дышать воздухом.

Она уверена, что на творческий путь её наставили родители.

– У меня замечательные родители, – признавалась она в одном из интервью. – Оба – инвалиды первой группы по зрению. Мама Екатерина Ивановна работала на комбинате бытового обслуживания. Но при этом всю жизнь пела, ездила с концертами по городам. У неё лирическое сопрано, красивейший голос. Особенно

активную творческую деятельность она вела в молодости. Потом встретила моего отца, который не видел абсолютно ничего... Он в течение 30 лет был председателем городского общества слепых, имел первый разряд по шахматам и по шашкам.

Папа отлично играл на баяне. Они с мамой всегда были на сценах городских клубов, оба были хорошими исполнителями песен. У них было заведено отмечать все праздники творчески, с изюминкой. Шились костюмы, выпускались стенгазеты, сочинялись поздравления в стихах:

– Эта традиция сохранилась до сих пор и у моих детей и внуков... Родители всю жизнь на сцене, и я выросла буквально за кулисами. Помню свой первый выход на сцену клуба с песней «Костёр на снегу» – это было в 1965 году. Спасибо родителям – они всегда были рядом, поддерживали меня...

Образно излагать свои мысли и впечатления, писать в рифму Вера начала с детства.

– Отец немного писал стихи, – вспоминает Вера Александровна. – А ещё мне вспоминается, как однажды в школе нам дали задание – написать о первом бале Наташи Ростовской из романа «Война и мир». А так как это произведение состоит из огромных томов, то я прочитала только этот отрывок. И когда начала готовить сочинение, решила зарифмовать его. Вот после этого и начала писать стихи...

Молодой девчонкой она пришла в городской литературный клуб при городской газете. Здесь зазвучали её первые лирические произведения:

– При городской газете был клуб «Апрель», занятия которого проходили в местном ДК. Я пришла туда, послушала поэтов, они указали мне на мои недостатки, и я захотела сделать так, чтобы было хорошо. И так потихоньку начала писать сначала для себя....

А затем её стихотворения впервые опубликовали на страницах газеты. Для неё это событие стало настоящим праздником.

Со временем её стихи вошли в поэтические сборники «Станция Анжерская», «Вдохновение». Большие подборки её поэзии опубликованы в журнале «Огни Кузбасса», литературных альманахах «О дочерях земли Кузнецкой», «Цвет настроения». В 1997 году был издан сборник стихов Веры Кривенковой «Не ушло бы тепло из сердец...» А в 2012-м и в 2018-м вышли книги её стихов «Наступает пора хризантем» и «Благодарю тебя, судьба!»

Её стихотворения часто печатают на поэтической страничке газеты «Наш город» и на авторской странице сайта Стихи.ру (<https://stihi.ru/2016/12/17/8210>)

Алексей Трембач в исследовании «Вера Кривенкова – Анжерская поэтесса» отмечает:

«Лирика Веры Кривенковой – благозвучная, утончённая, вызывающая у поклонников поэтического слова положительные эмоции... Скромные творения поэтессы несут в себе живую силу воли, волшебство доброты и справедливости, вдохновляюще воздействуют на... вдумчивых, неравнодушных к поэзии читателей

и слушателей, обогащают их внутренний мир яркими образами красоты, любви, счастья.

Её стихам присущи глубина мысли, пламенность чувств, ясность образов...»

В творчестве Веры Александровны можно выделить несколько главных творческих мотивов. Прежде всего, знатоки выделяют трепетное отношение к родине, к сибирской природе, чувство патриотизма к своему городу, философские размышления о жизни и судьбе. И, конечно же, сложно представить себе поэзию Веры Кривенковой без любовной лирики.

В сборнике «Наступает пора хризантем» светлому ощущению влюблённости посвящено несколько стихотворений. Это и «Слова любви», и «О любви». Автор уверена, что «несмотря на все невзгоды и преграды, // Любовь на свете будет вечно жить!»

А. Трембач подмечает, что Вера Кривенкова пытается обобщить и проанализировать отношение к любви разных людей: «...Одни её клянут, другие – нет...», «обычно, до конца её не зная, все много размышляют о любви».

По мнению начинающего эксперта, стихотворение «О любви» является своеобразным образцом её любовной лирики, ведь найденные автором выражения и образы: «чувства нежные», «о любви сонет», «желая милым верными остаться», «провлюблялся до зари», – трогают читателя незабываемо. У поэтессы есть особый дар: когда душу переполняют чувства, она умеет превратить их в волшебные строки...

При этом глубина чувств не мешает автору относиться к явлению любви с определенной долей юмора:

«Любовь была, а счастья не случилось.

Как? Почему такое приключилось?

Ответ одной старушкой мне был дан:

«Не твой, родная, тот был чемодан».

Её пейзажные зарисовки проникнуты глубокой и нежной любовью к родному краю, чувством родной земли, отчего дома. Они восхищают неожиданной эмоцией, дарят читателю «тихую радость общения с природой, поселяют в душе гармонию и покой».

Ну, вот и, здрасте вам, пришла весна,

А я ещё обновок не купила.

У неба свой прикид – голубизна,

И солнце, как кружочек апельсина...

Тепло и радостно становится на душе от таких строк:

...Денёк-другой и зелень разольётся

По нашим паркам, улицам, садам.

И даже незнакомый улыбнётся,

Что был вчера суров не по годам.

А в стихотворении «Ждём весну» – короткая, но блистательная зарисовка с натуры:

...Вон на припёке хитро щурясь,

Кот в ожидании затих.

И пара голубей, целуясь,

Весну разделит на двоих...

Когда всё вокруг ждёт тепла, обновления, то вместе с природой и человеку свойственно меняться в ожидании первых солнечных лучей:

Я улыбнусь, вздохну поглубже

И встречу новый день любя.

И отразится в стылой луже

Улыбка робкая моя.

Авторские миниатюры – эти зарисовки с натуры – просто непередаваемы. Их лучше прочесть и насладиться умением поэта подметить необычную городскую сценку:

Воробышек в луже купается,

Хоть ветер ещё ледяной,

А он всё кружит, кувыркается

И явно доволен собой.

И люди идут, улыбаются

И птичке, и ранней весне –

Розовощекой красавице,

Ступающей по земле...

В стихотворении «Осень золотая» критик отмечает использованную автором интересную рифму: «осень золотая» – «чудная»; «наряжала лес» – «не до чудес»; «проливным дождём» – «за моим окном»...

Пронзительно звучат слова в стихотворении «Дорога к маме» – о самом дорогом в жизни каждого человека. Автору удаётся передать тревогу матери о детях, её одиночество.

...Вы звонили на днях, обещали зайти,

Но опять как-то не получилось.

Да, она всё поймёт, всё поймёт и простит,

И не скажет, как сердце щемило.

Постоит у иконки, молитву прочтёт,

И тихонько помолится в храме.

Много в мире коротких и длинных дорог,

А вот сама долгая – к маме.

Немало стихов самодеятельной поэтессы Веры Кривенковой посвящено Кузбассу, Анжеро-Судженску, где родилась, выросла и продолжает жить. В таких произведениях слышится гордость за малую родину и необычайная теплота:

Есть уголок в Сибири – там родина моя.

Кузбассом окрестили далёкие края.

Шумит тайга, без края, и рвутся вверх копры,

И солнышко, играя, сияет с высоты...

Поэзия Веры Александровны мелодична, неслучайно множество её стихов стали основой для полноценных музыкальных произведений. Песни на её стихи в разные годы исполняли не только самодеятельные певцы и барды, но и профессиональные коллективы.

Так, в репертуар исполнительского трио «Прелюдия» из музыкальной школы № 56 Анжеро-Судженска вошло несколько песен на стихи автора, посвящённых родному городу. К целому ряду стихов Веры Александровны самодеятельный композитор Ирина Алексеева сочинила музыку. Одна из таких песен так и называется «Город наш родной»:

Пусть в бесконечной пляске кружат у нас метели,
Мороз румянит щёки в холодном январе.
Но, город мой родной, всё ж нет тебя милее,
Какая б не стояла погода на дворе...

В 2011 году Вера Кривенкова стала победителем конкурса «Гимн города». Именно её стихи были признаны лучшими для главного музыкального произведения Анжеро-Судженска.

Музыку для текста написал анжерский композитор, заслуженный работник культуры России Владимир Красильников. Творческий дуэт – В. Красильников и В. Кривенкова – и был по решению жюри объявлен победителем этого конкурса:

В Кузбассе великом, в Сибири широкой
Стоит город наш с непростою судьбой.
С тайги, рудников, от шахтёрских истоков
Был рост его славный, большой, трудовой.

Припев:

Город родной, самый любимый,
Славен в веках ты своими людьми!
Анжеро-Судженск неповторимый
Цвети, развивайся и долго живи!

В единстве с народом ты креп год от года,
Частичка России, нет сердцу милей.
Здесь радуется всё, даже синь небосвода.
Мы родиной малой гордимся своей!

Припев.

Трудом и сегодня тебя прославляем.
Одною семьею здесь дружно живём.
Историю предков мы чтим, сохраняем
И славу по праву тебе мы поём!

Припев...

Однажды сказано, что поэты – счастливые люди. Они воспринимают мир по-особому: обострённо, всеми чувствами, они способны увидеть и показать прекрасное в повседневном, обыденном. Всё это – и о ней, о Вере Александровне.

Вместе с тем, много сил, энергии отдано и журналистике. Когда-то, в конце 1990-х, она собрала воедино свои очерки о людях Анжерки и выпустила небольшую книгу «Не ушло бы тепло из сердец...»

С той поры утекло много воды. И если бы сегодня издать её журналистские работы – вышло бы несколько полноценных томов. Не случайно за добросовестный труд в газете «Наш город» она награждена дипломом Союза журналистов России.

Но это далеко не единственная творческая награда. Например, в 2019 году Вера Александровна участвовала в межрегиональном конкурсе «Чёрное золото России». На него поступило около 200 материалов, в том числе печатных, от 55 редакций средств массовой информации из Кемеровской, Сахалинской, Ростовской областей, Красноярского и Приморского края, а также от республик Бурятия, Хакасия, Коми, Тыва и Якутия.

Совместный материал В. Кривенковой и К. Косовой победил в номинации «Лучший печатный материал о профессии шахтёра».

Вера Александровна дорожит и другими наградами – медалями Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро», «70 лет Кемеровской области».

Ещё есть у неё заслуженная награда – областная медаль «За достойное воспитание детей». Вера Александровна вырастила троих: двух дочерей и сына, – всем дала высшее образование, воспитала достойными людьми.

«Я поняла, что самое главное в жизни – это дети», – твёрдо уверена она. Дети, в свою очередь, подарили ей троих внуков. Так что связь поколений этой семьи продолжается неразрывно.

Вера Кривенкова – активный член городского комитета женщин, участница и организатор многих его мероприятий. Также руководит клубом любителей песен.

И сама порой удивляется: как на всё хватает времени?!

– У меня есть верные подруги. Мы часто общаемся, выезжаем на природу. Они знают, что я всегда выслушаю их, если надо, помогу. Никогда не забуду про старых друзей и найду для них время. И я знаю, что это возвращается сторицей...

– Я счастливый человек, – уверена она. – У меня хорошие дети. И я горжусь ими! У меня – любимая работа. Не знаю, как без неё жить! Не могу жить и без поэзии! Считаю, что всё это прекрасно!

Есть у Веры Александровны и любимое время года:

– Это, конечно, осень. У меня день рождения 1 августа. Август, хоть и считается летним месяцем, но это уже половина пути к осени. А осень, по-моему, очень красива...

«Я забыла, что можно быть слабой,
Тихо ждать исполнения мечты.
Приходилось всё время быть главной
И сжигать за собою мосты,
Чтобы выжить, дойти и вернуться
К тем истокам, что в жизни важны.

Слезы вытерев, вновь улыбнуться,
Отражая удары судьбы.

Ах, как было порой невозможно
Крик души в глубине заглушить.
И брести снова по бездорожью,
Чтобы вновь научиться любить.

Я забыла, что можно быть слабой
Все заботы свои отпустить...
Но встает предо мной слово «надо» –
И вот я уже снова в пути.

Видно, там, наверху, так решили,
И вердикт этот не изменить.
Всё решили и благословили
До конца чашу жизни испить».

«Горчичники» местным бюрократам и казнокрадам от Владимира Аренского

Ветеран кузбасской журналистики Владимир Евгеньевич Аренский пришёл на Кемеровскую студию телевидения сразу после окончания вуза. Выпускник Алма-Атинского государственного университета с дипломом журналиста прибыл в Кемерово по распределению и начал работать на КСТ в ноябре 1963 года.

Вначале он был помощником режиссёра, затем его перевели в музыкальную редакцию. Здесь совместно с Кариной Михайловной Кошелевой он создал немало интересных, популярных, запомнившихся зрителям программ. В их числе – телеспектакли «Птички певчие», «Прекрасная Елена», цикл музыкальных программ «Резонанс», кемеровский выпуск программы для Центрального телевидения СССР «Товарищ песня».

Его творческие труды высоко оценивали профессионалы своего времени, эти передачи были очень любимы жителями области.

Но по-особому многогранно раскрылся талант, проявилось острое журналистское перо Владимира Аренского, когда он стал редактором и бессменным автором знаменитой или рейтинговой, как принято говорить сегодня, программы – сатирического обозрения «Горчичник». В ней он часто выступал и как актёр. И делал это так интересно и своеобразно, что его голос знал весь Кузбасс.

Ветераны Кемеровского ТВ вспоминают: когда «Горчичник» выходил в эфир, улицы кузбасских городов буквально пустели, жители области сидели у своих телевизоров.

«Горчичником» мы называли телевизионное сатирическое обозрение по материалам Кемеровского областного Комитета народного контроля, – рассказывал в одном из интервью Владимир Евгеньевич Аренский. – Сейчас уже не все помнят, что Комитет народного контроля – это был один из органов

системы государственного и общественного контроля в СССР. Он контролировал выполнение государственных планов, расходование средств, соблюдение трудовой дисциплины».

Около 10 миллионов народных контролеров были вовлечены в это массовое движение по всей стране. Общесоюзные, республиканские и местные комитеты народного контроля могли запрашивать у руководителей и должностных лиц необходимую информацию, требовать от них письменные объяснения по поводу вскрытых нарушений, налагать взыскания, денежные начёты. По материалам наиболее важных проверок принимались решения правительства СССР.

«Члены народного контроля вели борьбу с очковтирателями, взяточниками, несунами и с другими традиционными персонажами тележурнала «Горчичник», – вспоминает Аренский. – Идея программы принадлежит Юрию Степановичу Котлярову, собственному корреспонденту газеты «Труд» по Кемеровской области. А название придумал Фёдор Мефодьевич Ягунов, режиссёр КСТ».

Таких критических передач кузбасским зрителям 1960 – начала 1990-х годов явно не хватало. И Аренский с коллегами с удовольствием заполняли эту нишу. 1 апреля 1973 года, к десятилетию «Горчичника», областная газета «Кузбасс» писала: «Шутка ли, десять лет не греть, а жечь, жарить отдельных товарищей за отдельные недостатки...»

Первым режиссёром «Горчичника» стал Фёдор Мефодьевич Ягунов. Постоянными авторами текстов тележурнала были Виктор Яковлевич Руденский, Владимир Александрович Цукров, Юрий Степанович Котляров, Виктор Викторович Болотников, Борис Семёнович Антонов, Илья Яковлевич Ляхов, Валентина Михайловна Минухина, Геннадий Михайлович Митякин. И Владимир Евгеньевич Аренский.

Программа-долгожитель выходила в эфир с 1963-го по 1992 годы.

Очень плодотворно трудился Владимир Евгеньевич и над созданием передач в других жанрах. Он стал автором сценария конкурсных программ «Кто из 16?» и «Молодецкие игры». Работа над ними тоже велась совместно с Ф. М. Ягуновым, который стал их режиссёром-постановщиком.

Первый выпуск «Кто из 16?» прошёл в эфире 27 февраля 1980 года. Это был телеконкурс сельских районов области. Команды молодых селян угольного Кузбасса на экране азартно состязались в силе и ловкости, смекалке и решении умных задач. А ведущей программы была любимица зрителей Галина Сергеевна Скударнова. Телеконкурс продержался в эфире около двух лет.

Галина Сергеевна стала ведущей и популярной передачи «Молодецкие игры», идею которой В. Е. Аренский вновь разработал в творческом союзе с К. М. Кошелевой.

В 1985 году при поддержке областного Совета народных депутатов и Облсовпрофа началось проведение этого телевизионного конкурса в сельских районах Кузбасса. И поскольку телевизионное творчество – дело коллективное, к нему привлекли немало специалистов КСТ. Среди них – художник Михаил Иванович Бакшаев. Ассистентом режиссёра Ф. М. Ягунова стала Марина

Матвеевна Вяткина, телеоператорами – Валерий Андреевич Дунаев, Владимир Фёдорович Чапайкин, Александр Григорьевич Белов, Виктор Иванович Пятикопеечный.

Результат работы созвездия кузбасских телемастеров не просто регулярно выходил в эфир два года подряд. «Молодецкие игры» по достоинству оценили и профессионалы самого высокого класса. Так, передача удостоилась права представлять СССР на Международном фестивале телепрограмм народного творчества «Золотая арфа» в Ирландии (город Голуэй). Правда, для этого конкурса ей сменили название на «Сибирские игры»

Особо нужно отметить цикл музыкальных программ «Резонанс», появившихся на КТС, благодаря несомненному таланту В. Е. Аренского. Первая музыкально-развлекательная передача «Резонанса» вышла в эфир 19 февраля 1973 года. И имела большой успех. Вскоре у программы появились свои постоянные ведущие – артисты Театра оперетты Кузбасса Алла Тараненко и Владимир Титенко.

Передача была востребована и шла в эфире около 10 лет. Достаточно вспомнить, что в 1981 году на Всесоюзном телефестивале молодёжных и развлекательных программ в Кишиневе «Резонанс» стал обладателем третьей премии.

Владимир Евгеньевич Аренский работал на областном государственном телевидении до 1994 года. За это время он создал сотни интересных программ. За ум и талант журналиста и режиссёра не раз отмечали почётными грамотами и благодарственными письмами Кемеровской области. Решением Комитета по телевидению и радиовещанию СССР ему присвоено «Отличник телевидения и радио» – за особые заслуги и высокий вклад в развитие профессии.

После выхода на заслуженный отдых Владимир Евгеньевич ещё несколько лет преподавал журналистику и делился опытом со студентами Кемеровского государственного университета.

Когда в 2010 году при проведении XI областного профессионального творческого конкурса «ТВ-престиж» встал вопрос о претендентах на престижную конкурсную премию «За особый вклад в телевидение Кузбасса», у жюри не было сомнений: премию единогласно присудили ветерану кузбасского телевидения Владимиру Евгеньевичу Аренскому.

А когда 7 июля 2021 года он отмечал 85-летие, мы все присоединились к поздравлениям и пожелали Владимиру Евгеньевичу здоровья и долгих счастливых лет жизни!

Алексей Зверев: «Убежать от радио до конца мне не удалось, да и не хотелось»

– Мечтать о работе на радио я начал тогда, когда впервые в жизни заинтересовался устройством проводного радиоприёмника – такие были в советское время в каждом доме, – делится воспоминаниями детства Алексей Зверев. – У моих родителей в Новокузнецке он был трёхпрограммным. Одна из кнопок выводила на передачу «Театр у микрофона». Я обожал слушать эту программу, слышать голоса ведущих. Восхищался их умением грамотно и красиво произносить фразы.

Но затем эта тема ушла в сторону. Однако, когда я отучился в театральном училище и понял для себя, что не хочу быть актёром, снова вспомнил про радио. Первым радиоканалом, где начал профессионально работать в эфире, стало московское «Радио 7 на семи холмах». И уже «выйти из этой воды» я не смог. С тех пор я болен радио. Считаю, что это – лучшее медиа, которое только может быть!

Я проработал ведущим радиоэфира десять лет. И даже после того, как ушёл из эфира, радио не оставил. Потом была книга о радио. После – работа консультанта по организации работы радиоредакции. И вот до сих пор я связан с радио. Консультирую коммерческие развлекательные радиостанции по вопросам работы творческого персонала и продюсирования...

– В чём секрет популярности людей, которые ежедневно ведут эфир? – переспрашивает он. – Для радиоведущего важен красивый голос, мелодика речи, умение делать паузы, речевая компетентность, отсутствие дефектов дикции – всё это влияет на аудиторию, удерживает её на той или иной радиоволне.

Итак, Алексей Зверев – журналист, радиоведущий, создатель и автор сетевого издания о героях прямого эфира: 2009 году создал сайт «Радиодиджеи России», ставший первым профессиональным российским интернет-ресурсом для сотрудников коммерческих музыкальных радиостанций. В 2013 году сайт переименован в «Радиоведущие.ру» и зарегистрирован в качестве СМИ.

Также он – эксперт по общественным технологиям и социальному проектированию. А ещё – куратор образовательной программы проекта «Практическая риторика: удалённая школа эфирного русского языка». На конференциях делится секретами о технике создания таких специальных программ, как мини шоу на радио: «Как сделать двухминутную программу на любую тему: от русского языка до космоса».

С 1996 по 2006 годы Алексей Владимирович трудился ведущим эфира на популярных радиостанциях Москвы («Радио 7 на семи холмах», «Авторадио», «Ретро FM»). В 2008-м написал учебное пособие для радиожурналистов коммерческих радиостанций «Быть диджеем или Мои любимые 20 секунд!»

Любимым временем диджея было утро. Именно Зверев придумал и выдал в эфир авторские слоганы: «Зверский будильник», «Зверское утро», «Ваше настроение – наш аккомпанемент», «Совсем нестрашная ночь с Алексеем Зверевым».

Именно он создал и вёл популярную эфирную игру SOS («S-мекалка в O-собых S-итуациях»). Работал в эфире всегда под своим именем: «Оно у меня звучное, запоминающееся».

Алексей родился 26 ноября 1971 года в посёлке Листвяги Новокузнецкого района в шахтёрской семье: горное образование имели и его отец, и мама.

– Я сын советского шахтёра и горжусь этим! – подчёркивает Алексей. – Жил в Новокузнецке до 22 лет и могу сказать, что это были счастливые годы. Жили не богато, но денег семье родителей хватало, в частности – на хорошие книги, обучение детей, музыку и спорт. С детства отец часто повторял: «Лучше иметь три третьих разряда, чем один первый». Кому-то это покажется спорным подходом, но сейчас я понимаю, что человек, имеющий разные ресурсы, имеет больше вариантов их сочетаний.

Много умений – это прекрасный старт. Так что всё, чему меня учили мама и папа, горные инженеры (выпускники СМИ), всё, чем я увлекался, в том числе и брейк-данс, – помогло мне в жизни...

Он учился в знаменитой новокузнецкой средней школе № 70 с углублённым изучением музыкальных дисциплин – школе Ильи Оршанского. Занимался в хоровой студии. Буквально жил в образовательном учреждении:

«Мы запоем общались, много читали, бесконечно пили чай (чтобы всем хватило, заваривали кипятильниками его в ведрах), ели бутерброды с варёной колбасой и кабачковой икрой в учительской, слушали умные разговоры педагогов, влюблялись друг в друга и медленно превращались в людей. В школе у меня

были потрясающие учителя. Такого сочетания веры в тебя, доброты и терпения, как в студии «ВИТА», я мало встречал».

Алексей даже предлагает поставить в Новокузнецке памятник директору школы Илье Михайловичу Оршанскому:

– Это уникальный, умнейший педагог-практик, музыкант и философ. Его наследие надо изучать всем, кто хочет заниматься педагогикой. Лучшие учителя школы за долгие годы работы с Оршанским тоже профессионально выросли. Например, мой педагог по фортепиано Ольга Томасовна Сумбатьянц. Вы понимаете, у неё душа – настоящий рентген: не просто обучает, а всё о вас знает, чувствует, всё понимает, счастлива, что вы есть, и никогда не предаст...

Было в детстве Алексея ещё одно серьёзное увлечение – танцы в стиле брейк. Он занимался в студии спортивного танца при Дворце культуры КМК. Именно в этой студии Алексей Зверев познакомился Александром Баландиным: «Позже мы стали частью главной брейк-банды Новокузнецка. Мне кажется, брейк-данс стал ещё более популярным в Новокузнецке после новогоднего «Огонька», который прошёл по Центральному телевидению в ночь с 1986 на 1987 год. ...На экране появился Владимир Пресняков с песней «Чарли» и великолепными танцевальными вставками. Тогда стало окончательно понятно, что брейк-данс в ближайшем будущем станет не только западным культурным явлением, но и советским».

Алексей даже участвовал в районных и городских конкурсах эстрадно-спортивного танца «Брейк-данс».

В общем, рос он нормальным советским пацаном, который читал книжки, не рекомендованные к изучению в школе, слушал «вражеские радиостанции». Последнему увлечению, кстати, он посвятил несколько лет. Году в 1985-м соорудил на крыше новокузнецкого дома № 6 по улице Франкфурта собственную медную антенну длиной метров тридцать, с изоляторами, чтобы не было искажений и помех. С её помощью ему удавалось слушать радиостанции всего мира: «Репертуар моих эфирных увлечений был самый разнообразный: BBC, «Радио Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», NHK из Японии, KFBS с острова Сайпан. Информация самая разнообразная: от политики, музыки до религии».

На этих радиоволнах, ему казалось, любая информация о жизни людей за рубежом была без оттенка пропаганды. Радио заводило эмоционально и творчески: «В то время я снова задумался о том, что хотел бы работать там. Мысли оказались материальными».

В 1989-м Алексей Зверев попал в Новокузнецкий государственный педагогический институт на факультет иностранных языков. Но после третьего курса, в 1992-м, бросил учёбу и уехал в Москву «строить новую жизнь». Поступил в Высшее театральное училище имени М. С. Щепкина.

В одном из интервью новокузнецким СМИ Алексей признался: «Я убежал от кромешного ужаса, который тогда накатывал на Кузню. Я его прямо кожей почувствовал. Ведь так и было в 1990-х. У меня было ощущение, что я заскакиваю в последний вагон. Уехал, страна развалилась, деньги обесценились, вклады сгорели, работы нет, на улицах стреляют.

Отец запил, и через год его не стало. Мать и сестра так и не нашли себя. Там тоже всё печально закончилось. Город я свой люблю. Поэтому пытался вернуться. И не раз. Очень хорошо помню, как в 1995 году, после третьего курса ВТУ, приехал домой на каникулы и пришёл в Новокузнецкий драмтеатр. Спросил у директора: будет ли работа для меня через год? На всю жизнь запомнил его выражение лица и фразу: «Я с радостью вас возьму! Но... не приезжайте сюда, молодой человек». Мы недолго говорили, всё было ясно без комментариев».

На вопрос: а почему выбрал театральный? – отвечает:

– Да просто выбрал интересную жизнь. И немного потому, что с детства играл в школьных постановках: сыграл бога Зевса в очках, оперного Руслана, Федота-стрельца и генерала в сказке Леонида Филатова. В общем, с детства был обаятельным нахалом, а этот образ затягивает. Хотя, признаться, это творчество к профессиональному театру отношения не имело, но тогда меня раззадорило сильно.

Знал, что конкурс большой, что ничего не понимаю в театре, но желание было ядерное. Приготовил к экзаменам девять отрывков из прозы, три стихотворения и две басни. Программа была на любой вкус. Просто не видел препятствий, проходил сквозь стены...

В училище, считает он, ему повезло с преподавателями. Подбор мастеров был просто невероятным:

«Наше всё» курса – Наталья Алексеевна Петрова. Она училась у знаменитой Марии Кнебель, а Кнебель – у Станиславского. Получается, что мы – наследники его актёрской системы по прямой линии... Наталья Васильевна Шаронова, педагог по речи. На вступительном экзамене именно она отстояла меня. Доказала коллегам, что моя манера говорить «на верхах» – это временное явление и её можно исправить, добавить моему звучанию «середины». Странно это вспоминать. Человек, которого не хотели брать в театральный из-за голоса с сипотцой, потом на радио полжизни отработал....

Виктор Иванович Коршунов был очень необычным педагогом. Он говорил о профессии редко и мало, но его замечания входили прямо в мозг. Помню разбор полётов после итогового экзамена на первом курсе. Показался я хорошо, но на экзамене отработал формально, на репетициях было живее. Виктор Иванович подозвал меня к себе. Посмотрел мне в глаза и вдруг как дал оплеуху! У меня мозг вскипел.

Я никогда не был драчуном, но на удары в лицо мы в Кузне реагировали автоматически. Клянусь, еле удержал себя, чтобы не ответить народному артисту СССР. На что он, спокойно глядя мне в глаза, сказал: «Вот, Зверев, молодец. Вижу переживания, живой глаз. Запомни эти ощущения на всю жизнь!» И ведь прав, а за методику – спасибо! Сцена, микрофон, любое творчество – доступны

только наполненным, непрерывно, каждую минуту осознанно существующим людям...

Была в жизни Алексеева ещё одна чудесная встреча – с художественным руководителем Щепки Николаем Ивановичем Анненковым, которому тогда уже было больше ста лет. Говорили, что если он пришёл на занятия по речи, то «к тебе прилетела Синяя птица»: «Мы с ним на занятии плакали, говорили об источнике творческой энергии артиста. Он это называл «мамой» и показывал это место пальцами под пупком. Когда тебе плохо, ты вспоминаешь маму и болит именно там. Да, мы рыдали несколько минут вместе. А затем он спокойно вытер слёзы и ушёл. Но ресурс подключения к своей детской природе у меня остался на всю жизнь».

В 1996-м Алексей закончил ВТУ, которое, кстати, знающие люди называют самым «радийным» театральным институтом. Получил специальность «актёрское искусство». Участвовал в трёх выпускных спектаклях из четырёх. Работать хотел только в Театре Моссовета. Однако не поступил туда, а служить в других театрах не хотел.

В те трудные для страны годы служить в театре или сниматься в кино было сложно. Виной всему – безденежье. А на помощь меценатов или родителей рассчитывать не приходилось. И на этом поиски своего места в жизни у него не закончились...

Профессиональное радио для него «началось» на четвёртом курсе Щепкинского училища, когда студентом подрабатывал в эфире. Вот в итоге Зверев и остановился на профессии радиоведущего. Первые же пробы показали работодателям «Радио 7 на семи холмах», что парень достоин предлагаемого ему места работы. Да он и сам навсегда влюбился в радио:

– Первый самостоятельный эфир помню очень хорошо. 1 апреля 1996 года на «Радио 7». Эфиром это назвать было сложно. Скорее истерика, растянувшаяся на целую ночь. Совершенно не умел владеть ни собой, ни голосом. Говорил вроде бы складно, но человек опытный раскритиковал бы это «творчество» в пух и прах. И был бы прав, кстати, абсолютно. Долгое время я эти записи хранил, но потом уничтожил улики своей беспомощности. Помню, что коллеги поздравляли с первым эфиром. Было очень приятно, хотя большего самоеда, чем я, придумать сложно. Я сердобольных соратников выслушал, понял, что до популярности гораздо большее расстояние, чем я себе представлял, и... остался на радио на добрых десять лет.

Потом были в его творческой судьбе, как мы уже знаем, рабочие студии на «Авторadio», на «Ретро FM». Десятилетие радиоведущий Зверев трудился у микрофона, в прямом эфире.

– Мои друзья шутят: если ты познакомился со Зверевым, то через двадцать минут вы будете говорить о радио, – смеётся он. – Не хочу оправдываться, так и есть. Я до мозга костей радиийный человек, а профессии радиоведущего посвятил в

общей сложности более четверти века. Всегда мечтал открыть в Новокузнецке местное радио, даже делал выездные семинары для «Алекс-радио».

То, чем он занимается сейчас, – тоже сплошное радио. Публичность стала практически нормой в современном мире, подчёркивает Алексей. Современный человек всегда как бы находится «в толпе»: в социальных сетях, в блогах, в мессенджерах. Постоянно общается. Вот этот конфликт в жизни современного человека и сподвигнул его на поиски новых ресурсов для медиа.

Он располагает информацией, что сегодня все навыки и инструменты, помогающие человеку рассказать о себе и мире – речь, письмо, актёрская выразительность, компьютерные технологии – доступны и действуют по хорошо описанным законам. Если знать эти законы, можно не только успешно их использовать в своей жизни, но одновременно и обучать других. У Алексея Зверева это – уже не просто курсы ораторского искусства, риторики радиоведущих. Это синтетическое знание об эффективной коммуникации людей.

«В этом направлении мне интересно думать», – делится Зверев. Он создал серию авторских семинаров по проектированию, журналистике, креативному мышлению, ораторскому искусству, практической риторике. Как лектор, тренер и консультант коммерческих радиостанций, Алексей побывал практически во всех регионах России.

И коллеги очень довольны этими практическими встречами с мастером, как именуют с некоторых пор Зверева. Пример тому – семинар-тренинг для радиоведущих Ямала, который не так давно прошёл в Ноябрьске. Здесь Алексей Владимирович провёл занятия с творческим персоналом радиостанций Ямало-Ненецкого автономного округа. Он вёл образовательную программу для радиийщиков, как эксперт фонда «Эвела», главный редактор портала «Радиоведущие.ру». Заодно принял участие во вручении всероссийской премии «Хрустальный микрофон».

Кстати, несмотря на то, что принято считать официальным российским «радийным Оскаром» известный конкурс «Радиомания», многие радиостанции страны: из Самары, Сургута, Томска, Уфы и других территорий, где есть свои богатые традиции на радио, – с удовольствием присылают свои работы организаторам самой северной радиопремии «Хрустальный микрофон». А Алексей Зверев – один из «самых старых» членов конкурсной комиссии и прослушивает работы этого конкурса с 2012 года.

Образовательную программу для северян и их гостей Зверев решил сделать из серии презентаций «Практическая риторика как инструмент популяризации русского языка», которая была разработана им в 2019 году и поддержана Фондом президентских грантов. Кроме того, программа Алексея Владимировича дополнена новой информацией и записями лучших российских и американских диджеев, а также любопытной статистикой.

Атмосфера в ходе семинара была тёплой, дружеской, что позволило участникам раскрывать свои скрытые таланты. На таких встречах учитель, бывает, не только критикует коллег за «ляпы» в эфире, но и свои эфирные курьёзы вспоминает для разрядки атмосферы в аудитории:

– Вот две самые мои «чудовищные» оговорки в прямом эфире. «Последний шит хер», вместо «Последний хит Шер». Ну, и из раннего, «королевская» оговорка: «ВИА «Красные матки», вместо «ВИА «Красные маки»... Улёт, согласитесь!

На семинаре Алексея Владимировича вспомнили и основы мастерства радиоведущего, узнали и о современных тенденциях любимого дела, – оценивали потом работу консультанта Зверева участники. Особенно полезными оказались представленные им в большом количестве примеры удачных и неудачных эфиров, фонетическая и дыхательная гимнастика, работа над сценарием. Отметили ценный познавательный материал опытного спикера, отличную подачу информации. Внимание коллег на семинаре сохранялось до конца лекций, потому что было очень интересно. Согласитесь, такая оценка дорогого стоит!

– Звучите со счастьем в голосе, коллеги! – напутствовал он их. – Желаю так же, как и сейчас, оставаться преданными русскому языку, а уж русский язык «доведёт» до слушателей, рекламодателей и самых больших профессиональных побед!

На вопрос: бывает ли жизнь после Радио? – у него есть свой ответ:

– Лет 10 назад я бы однозначно ответил – нет. Без радио нет жизни! Ни на Земле, ни на Марсе. Сейчас же отвечу так. Да, конечно, бывает. Однако жить без радио человеку, который по-настоящему болен «эфирной недостаточностью», можно, но... это что-то вроде жизни человека с ограниченными возможностями. Радио – это, как первая любовь, как красивая длинноногая девочка, которой ты носил портфель в школе, как ухоженная пышногрудая учительница, которая тебе снилась в десятом классе. Забыть это чувство эйфории и драйва от пребывания в эфире невозможно. Оно живёт в тебе постоянно и иногда эффектно возвращается желанием бросить всё к ёдрене фене и сделать comeback.

Вообще уйти очень далеко от радио может только тот, кто целенаправленно этого добивается и ищет антибиотики от этой сладкой «заразы». Мол, с глаз долой, из сердца вон! Остальные же возвращаются в мир радио, заходя через другую дверь. Кто-то преподаёт, кто-то становится программным директором, кто-то уходит в продажи и PR. Но всегда находится где-то рядом с радио. У меня лично так и получилось. Убежать до конца не удалось, да и не хотелось. Уверен, без лишней скромности, что кому-то моего голоса по-прежнему в эфире не хватает...

Ещё несколько штрихов к творческому портрету Алексея Владимировича Зверева. С 2005-го по 2015-й годы он трудился в Общественной палате Российской Федерации. С 2015-го по 2017-й – работал в правительстве Московской области. В 2018 году стал заместителем директора благотворительного фонда «Эвела» и начальником отдела интернет-ресурсов и рекламы Технологического университета имени А. А. Леонова, экспертом Фонда независимого радиовещания.

В 2017 году его приняли в Союз журналистов России.

Женат, имеет сына.

Он считает, что работа на Радио (с большой буквы) дала ему очень многое. «Во-первых, – перечисляет Алексей Зверев, – дала потрясающую, незабываемую молодость. Во-вторых, море новых знакомств и друзей. В-третьих, помогла понять самого себя. Ну, и, наконец, это такое количество приобретённых навыков, что сложно все перечислить. Пригодилось в жизни всё! От машинописи до знания иностранных языков и основ маркетинга... Думаю, что можно было бы кое-что в радио-карьере подправить. Заострить, так сказать, выделить, сделать более выпуклым. Можно было бы... Но жалеть мне не о чем. Это точно. Я по-прежнему вместе с Радио и на радио!»

Сергей Черемнов: «Семейной династии шахтёров не получилось»

Ещё в восьмом классе Сергей начал мечтать о профессии журналиста. Писал рассказы, посылал их в редакции газет и журналов, в том числе, в журнал «Крокодил». Однако напечататься всё не удавалось:

«Я любил сочинять и записывать что-нибудь. Пробовал писать рассказы, несколько лет вёл дневник. Как говорится, писал в стол. По вечерам, когда бродил по улице, сочинял сюжеты. Журналистика была мечтой. В десятом классе направил письмо в Томский госуниверситет, дескать, расскажите, как поступить к вам на журфак? А они ответили: может, не стоит в ТГУ, в Кемерове открывается специализация по журналистике... Летом 1973 года, после окончания школы, туда я и поехал».

Сегодня Сергей Иванович Черемнов в профессии почти 50 лет.

Позади работа в городских и областных газетах, на радио и телевидении, многолетний стаж пресс-секретаря губернатора Кузбасса и начальника управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области и заместителя председателя аналогичного комитета администрации Владимирской области.

Автор книг и фотоальбомов пошутил по этому поводу: «Даже не верится! Чувствую себя на сорок пять! Кажется, что всё ещё впереди...»

Сергей родился 12 января 1956 года в Прокопьевске в семье шахтёров. Окончил прокопьевскую среднюю школу № 3.

Его отец Иван Алексеевич Черемнов – по специальности столяр-краснодеревщик – работал подземным электрослесарем на ордена Ленина шахте «Коксовая», потом – строителем в шахтостроительном управлении. Мама Валентина Никаноровна – после окончания горного техникума была газомерщицей, помощником начальника участка вентиляции и техники безопасности всё на той же «Коксовой». Имеет полтора десятка лет подземного стажа. Однако семейной династии шахтёров не получилось...

Между прочим, была ещё одна причина, в которой «виноваты» родители, так как она сблизила Сергея с журналистикой. Когда ему было лет 14, родители подарили фотоаппарат. «Моя первая фотокамера называлась «Чайка-II». Она позволяла делать аж 72 кадра с одной пленки! Я снимал всё подряд, а потом часами просиживал в темной комнате, проявлял и печатал снимки. Это так затягивает! Делал фото друзей и родных, снимал природу. С тех пор так и не расстаюсь с фотоаппаратом».

Первый серьёзный шаг навстречу мечте он сделал, когда в 1973-м поступил на филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Здесь же 5 ноября 1973 года опубликовал первую в жизни заметку – в студенческой газете «Молодой учитель»:

«Над этой небольшой заметкой мы «мучились» троём – я, Женька Худобин и Олег Курочкин – мои одноклассники. Тема была про то, что филфаковцы выиграли у кого-то матч по волейболу. Ну, сочинили мы кое-как информацию, думаем, а как её подписать? Три фамилии для фитюльки из 20-ти строк – многовато. Придумали общий псевдоним «Осеев», где «о» – это Олег, «се» – Сергей, «ев» – Евгений. С тем и пришли в редакцию. Хорошо, что тогдашний редактор нашей многотиражки Людмила Филаткина (впоследствии – известная телеведущая передачи Кемеровского ТВ «Урожайные грядки») лишних вопросов не задавала. Так и вышла в газете эта первая публикация».

А потом редакция студенческой многотиражки стала первым местом творческой работы Сергея, его «журналистскими университетами». Буквально в каждом номере газеты выходили его заметки, статьи, рассказы, «лаконизмы». Немало юмористических рассказов о жизни некоего студента Стёпы Одуванчикова он публиковал в университетской газете под псевдонимом Бен. Остапов.

В 1974 году Кемеровский пединститут получил статус университета, а вместе с КемГУ изменила статус и многотиражка. Она сменила название на «Путь в науку», ушла на Кузбасское телевидение Л. Филаткина. А на её место пришёл раздумчивый Иван Васильевич Якунин. Но главная традиция у «тиражки» осталась: опора на студкоров. И в этой ипостаси студент Черемнов был для редакции порой незаменим.

На третьем курсе, когда перед студентами филфака встаёт выбор – на какую специализацию подать, у Черемнова сомнений не было: на только что открывшуюся специализацию по журналистике. Кстати, занятия здесь проводили такие известные в регионе мэтры журналистики, как Юрий Степанович Котляров, Николай Петрович Доможиров, Евгений Михайлович Пестерев, Евсей Львович Цейтлин и другие.

В 1978 году Сергей окончил университет, и сразу же был принят в газету «Шахтёрская правда» города Прокопьевска, стал корреспондентом отдела промышленности:

«Как сейчас помню первый день работы в «Шахтёрке». Редактор – в отпуске, его обязанности выполнял замредактора Пётр Михайлович Бугаев (впоследствии – редактор областных газет «Комсомолец Кузбасса», «Земляки», замредактора газеты «Кузбасс»). Приняли меня хорошо. А работы было хоть отбавляй! Газета выходила пять раз в неделю, по тиражу была второй городской газетой в области – после Новокузнецка. В каждый номер сотрудник должен сдать не менее двухсот строк материалов. Система – потогонная, но «затягивает» моментально... Приходилось ежедневно бывать на предприятиях, «заводить» себе рабкоров, информаторов на местах, чтобы постоянно быть в гуще и в курсе городских событий».

Первым своим настоящим редактором Сергей считает главного редактора «Шахтёрской правды» Анатолия Ивановича Поздеева. Он умел редактировать, наставлять, защищать своих подчинённых:

«Мой первый серьёзный материал содержал требование о том, чтобы городские шахты перестали загрязнять городскую реку Абу. Анатолий Иванович назвал меня мечтателем, но статью всё же опубликовал. С тех пор прошёл не один десяток лет. Шахт в Прокопьевске не осталось. А родная Аба так и несёт до сих пор свои чёрные воды в Томь...»

На последнем курсе университета Сергей женился. Галина на филфаке шла на курс младше. И оказалась тоже из Прокопьевска. Вскоре у них родился сын Артём, через восемь лет – дочка Леночка. Так и идут они по жизни с Галей, делят поровну и радости, и беды.

С мая 1979 года по ноябрь 1980-го Сергей «тянул лямку» срочной службы в армии, в зенитно-ракетных войсках ПВО. А дома его ждали жена и маленький сынишка: «Я скучал, почти ежедневно писал им письма. Дни службы поэтому тянулись очень долго, кажется, бесконечно.

Но были и там свои маленькие солдатские радости: увидел жизнь города Иркутска, побывал на Байкале. Почти год служил «на точке» под Омском, но иногда вывозили и в город – красивый и просторный и зимой, и летом».

После демобилизации снова вернулся в «Шахтёрку», где его назначили заведующим отделом промышленности редакции. Сергей продолжал осваивать технологию и тонкости производства в угольной, строительной, лёгкой и других

отраслях индустрии, писал репортажи, статьи и корреспонденции об экономике, транспорте, зарисовки о своих земляках. Активно участвовал в областных творческих конкурсах – хотелось признания коллег.

И вот однажды его публикации заметили: Союз журналистов Кузбасса присвоил звание лауреата областного творческого конкурса на лучший материал по экономии ресурсов: «Про меня тогдашнего написал шуточные стихи коллега и большой друг, заведомо партийной жизни газеты Валерий Гужвенко: «Даёшь угля, хоть мелкого, но много! // Воскликнул Черемнов Серёга...». Это – к тому, что газета публикациями сотрудников нашего отдела как-то помогала увеличить угледобычу шахт города».

К слову сказать, Прокопьевск в 1970-1980 годы достиг пика своей угольной славы. И его по праву называли «угольной жемчужиной» Кузбасса. Горняки города добывали по 25 миллионов тонн угля в год. Зимой белый снег не держался здесь и одного дня! А что вы хотите: круглосуточная добыча угля и такая же круглосуточная работа трёхсот городских котельных зимой делали своё дело! Но жители гордились тем, что они – прокопчане: «И нам, прокопчанам, нет дел непосильных!» – сказал однажды поэт.

В 1983-м Сергей Черемнов стал собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. За время этой работы его не раз признавали лучшим по соборовской сети газеты.

«Предложили повышение – в областную газету. Пошёл сразу, хотя и боязно было мне, молодому, среди «зубров» областной журналистики, – вздыхает он, вспоминая. – Здесь в то время работали Александр Гаврилович Зайцев, Григорий Петрович Задорожный, Лев Сергеевич Амбиндер. И многие другие «золотые перья» Кузбасса. Руководил газетой редактор Николай Андреевич Бурый, а соборовским корпусом газеты – его заместитель Анатолий Игнатьевич Бельчик. «Кузбасс» тех лет – это настоящая школа журналистики! Хотя, про соборов шутили: «Проснулся и уже – на работе!». Но я от заданий не отлынивал, освоил портативную печатную машинку «Москва», писал на ней статьи и заметки и отправлял в Кемерово – в редакцию. В те годы редакция часто готовила к печати книги – сборники очерков, разных тематических публикаций. Участвовал и я в выпуске книг о шахтёрах, о регионе...»

А в марте 1985 года Черемнова назначили главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда». Это было время, когда по городским и районным газетам Кузбасса прокатилась целая волна смены редакторских поколений. Сергей стал если не самым молодым редактором муниципального издания в регионе, то точно оказался в свои 29 лет в числе молодых.

«Я долго упирался, не хотел менять соборовскую вольницу на большую ответственность за коллектив, за газету, за её содержание. Редактор «Кузбасса», а тогда уже редактором был Александр Васильевич Трутнев, отправил меня в командировку, «спрятал» от партийных властей. Но кончилось тем, что меня вызвал «на ковер» мудрый человек, секретарь Кемеровского обкома КПСС Пётр Михайлович Дорофеев, сказал: «Хватит прятаться, ты уже не мальчик, так что бери на себя ответственность! Всё у тебя ещё впереди...»

В редакции «Шахтёрки» работали 28 человек. Газета выходила ежедневно по рабочим дням недели. Её тираж в 1986 году вырос в полтора раза: разовый выпуск превышал 70 тысяч экземпляров. Газету выписывали в каждой прокопьевской семье, в каждом учреждении, на каждом предприятии города. Правда, в ту пору в Прокопьевске и проживало-то 300 тысяч человек, нынче же – на треть меньше. «Это были годы увлекательной работы, страну всколыхнула перестройка, – считает Сергей Иванович. – Мы печатали такое, что ещё совсем недавно казалось невозможным! Критиковали парткомы, генеральных директоров, вели журналистские расследования. И я чувствовал поддержку коллектива, поддержку читателей».

А уже в мае 1987 году Сергея вновь перевели, на этот раз – в Кемерово – назначили заведующим сектором печати, радио и телевидения Кемеровского обкома КПСС. Именно на этой работе он хорошо узнал родной регион. Не по одному разу объехал каждый город, каждый район, каждую редакцию газеты и местного радио. Муниципального телевидения тогда ещё не было...

Жарким летом 1989 года Кузбасс переживал знаменитые шахтёрские забастовки. Вместе со всеми Сергей Черемнов понимал, что просто так они не закончатся, власть, да и сама страна основательно «зашатались»...

В Кемерове чумазые горняки сидели на горячем от солнца асфальте на главной площади Советов, прямо перед зданием обкома. Митинги шли бесконечно. Было видно и слышно, как сильно соскучились люди по вольному слову...

Надежду на сохранение и обновление СССР возлагали на последний съезд правящей КПСС, который состоялся в концертном зале Московского Кремля в июле 1990 года. Сергею довелось поработать в пресс-центре этого форума. Он делал специальные радио- и телерепортажи для Кузбасского телевидения и радиовещания. Вместе с коллегой Александром Даньшиным удалось даже взять телеинтервью у генерального секретаря Центрального комитета КПСС М. С. Горбачёва, который, отвечая на вопросы сибиряков, дал слово приехать в Кузбасс к шахтёрам. Слова не сдержал...

Со многими интересными людьми, руководителями страны, правительства СССР, его парламента удалось пообщаться в те жаркие летние дни. Побывал даже на пресс-конференции председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина, ушедшего тогда в оппозицию.

Помнит, что внутренне ему чем-то не понравились оба лидера – ни Горбачёв, ни Ельцин. Но других не было, а страна требовала перемен.

На областном государственном телевидении Кузбасса Сергей делал еженедельную информационно-аналитическую передачу «10 + 20»: «Наша передача занимала в рейтинге программ телевидения Кузбасса третье место. А журналист газеты «Комсомолец Кузбасса» Дмитрий Сагара в одном из газетных телеобзоров раскритиковал её, обозвав «Этот жёлтый телевизор». Хотя, мы старались нести зрителю общечеловеческие принципы добра и трудолюбия».

Но хотелось делать что-то своё, новое в кузбасской журналистике. И вот в 1990 году вместе с журналистами Евгением Красносельским, Александром Даньшиным, Юрием Романовым Черемнов организовал первую в регионе областную независимую телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса» (АИК), где и работал главным редактором. Директором компании был Евгений Михайлович Баранов.

У многих кузбассовцев наверняка остались в памяти позывные и логотип телекомпании «АИК», выходившей в эфир на «третьей кнопке» по субботним вечерам в 1990-е. Казалось, те выпуски «Вечернего телеканала «Для вас» смотрела вся область.

Именно АИК стал пионером эпохи возникновения негосударственных телеканалов в Кузбассе, стал одним из первых в новой России. Информационные выпуски, репортажи, очерки, сюжеты о событиях в регионе, об интересных людях Кузнецкой земли, общественно-политические, музыкально-развлекательные передачи – далеко не полный перечень разноплановых и занимательных проектов АИКа конца XX века. Актёры театра и кино, звёзды шоу-бизнеса, политики и рядовые кузбассовцы были частыми героями и участниками программ АИКа.

«Это было первое в Кузбассе областное независимое телевидение, – с удовольствием вспоминает Сергей. – Наши передачи смотрели в Кемерове, в Новокузнецке, Прокопьевске, Берёзовском и других городах. Я с Евгением Красносельским вёл новости. Да не просто так! Иногда площадкой для ведущих новостей становилась крыша здания обкома партии (нынче – главное здание областной администрации на площади Советов в Кемерове), воды реки Томь, городская аллея. Однажды вели выпуск, сидя верхом на лошадях. Всё делали неформально! Огромная популярность была у и другой нашей программы «Глубинка». Мы выезжали в сельские районы, малые города, «откапывали» там интересных людей, мастеров своего дела, говорили об истории и традициях родного края. А завершались наши программы мультиком и художественным фильмом из советской коллекции. И это смотрели семьями! На областном государственном телевидении завидовали: «Если б нам можно было так...»

К сожалению, как это бывает в творческих коллективах, – через пару лет начались разногласия. И Сергей ушёл из АИКа: «После этого я года два не мог спокойно смотреть телик...»

Он занимался рекламой, маркетингом. Наступил переход к жёсткой рыночной экономике, скачущим ежедневно высоким ценам, бартеру. Каждый выживал в эти годы, как мог...

А в 1994-1996 годы Сергей Черемнов возглавлял пресс-службу нового парламента региона – Законодательного собрания Кузбасса первого созыва. Привычный облсовет был ликвидирован. Создавался новый коллектив аппарата ЗС, и Сергея, как опытного специалиста, позвали сюда работать.

Период становления депутатского корпуса первого созыва ЗС проходил непросто. Председателем ЗС области избрали популярного в регионе политика Амана Тулеева. Сергей Черемнов активно включился в процесс разъяснения населению деятельности нового представительного органа власти.

В этот период он был ещё и автором, и ведущим еженедельной парламентской передачи «Форум» на Кемеровском областном телевидении. Она информировала о работе депутатов областного законодательного органа, о принятых ими законах области.

«Было интересно наблюдать, как менялись на глазах люди вместе со страной. Появлялись новые лидеры, создавался частный бизнес, при этом прямо на глазах резко ухудшалась жизнь простых людей, – рассказывает Черемнов. – Депутаты ЗС в открытую выступили против этого. Разгорелась самая настоящая война между областной исполнительной властью и Законодательным Собранием: срывались сессии, месяцами не платили зарплату депутатам и аппарату ЗС. Как мы это всё пережили?! Часто приходилось бывать в Москве, базарной Москве того времени, где на каждом углу что-то продавали, было огромное количество ларьков и палаток.

Тулеев был членом верхней палаты парламента страны – Совета Федерации. А поскольку я снимал материал для телепередачи «Форум», то он брал меня с собой на сессии Совфеда.

Там я часто общался с губернаторами других регионов, сенаторами, известными российскими политиками. Какой разной казалась мне жизнь России: в московском здании на Большой Дмитровке, где заседает Совет Федерации, было всё, а на московских улицах, в метро – невесело от усталых глаз людей, многочисленных нищих, занятых сбором милостыни».

Потом наступил ещё один короткий, но очень яркий период в его жизни. В 1996-97 годы Сергей работал в Москве руководителем пресс-службы российского Министерства по делам СНГ, где министром назначили Амана Гумировича Тулеева. Особое внимание в этот период Сергей Иванович уделял освещению – в российских СМИ и СМИ ближнего зарубежья – проблем налаживания отношений между нашей страной и странами-членами Союза Независимых Государств, которые ещё недавно были единым СССР:

«Мой кабинет, как и кабинет министра, находился на улице Варварка, дом 7. Рядом с громадной гостиницей «Россия» (её теперь нет на карте Москвы). В двух шагах – Красная площадь. В обеденное время мы частенько навещали её с моим другом и коллегой по работе сибиряком Николаем Самошонковым.

Жили в двухместной комнате общежития Московского института инженеров железнодорожного транспорта на Новослободской. По вечерам и в выходные варили борщ и магазинные пельмени. Иногда ходили в театр Советской Армии или в музей Вооруженных сил. Благо, – жили с ними рядом. Но свободного времени было мало – всё уходило на общение с прессой...»

Надо заметить, что о Министерстве в те годы активно заговорили. Наверное, не было федерального СМИ, где бы не размещали материалы о «министре единения».

Ну, а после того, как в июле 1997 года Президент России Борис Ельцин назначил А. Г.

Тулеева губернатором Кузбасса, Сергей Черемнов вернулся в Кемерово и стал начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области, пресс-секретарём губернатора Кузбасса.

Наступили годы большой, кропотливой работы, ежедневного вороха пресс-релизов, совещаний и заседаний. Были ежедневные, текущие задачи, приходилось решать проблемы и посложнее.

Сергей возглавлял штаб по строительству губернского телерадиоканала (ОГУП «Кузбасс») – в результате созданы телевидение «СТС – Кузбасс» (сейчас это телеканал «Кузбасс Первый») и радио «Кузбасс FM».

«Идея создания губернской радиостанции на коротких волнах (формата FM), которая бы работала на всю область, родилась в ещё в 1998 году. Идея принадлежит Валерию Николаевичу Чиркову, председателю ГТРК «Кузбасс» тех лет, – уточняет Сергей Черемнов. – Она была проста: сделать качественное местное радио с отличной музыкой, интересными новостями, профессиональными ведущими и «хорошим жизненным тонусом». Хотелось построить радиостанцию, которая бы вещала на весь Кузбасс и не зависела бы от Москвы. В штаб строительства вошли связисты, руководство ГТРК «Кузбасс» и областного радиотелепередающего центра, местные специалисты Россвязьнадзора. «Штабили» еженедельно. Область выделила деньги.

И вот в мае 2000 года состоялось открытие первой радиостанции Кузбасс FM – в Кемерове, затем, и в Новокузнецке. В 2005 году Кузбасс FM начал вещать уже на территории всей Кемеровской области. В 2007 году запустили спутниковое вещание нашей FM-радиостанции. А в сентябре 2001 года состоялся запуск первого телепередатчика губернского телевидения. Через короткое время канал «СТС-Кузбасс» тоже начал вещать на всю область...»

Под непосредственным руководством Черемнова в регионе завершился процесс перевода городских и районных газет на современный офсетный способ печати:

«Однажды, в конце 1990-х, ко мне пришёл генеральный директор концерна «Кузбассполиграфиздат» Евгений Николаевич Панов. Говорит: в Кузбассе из 30 муниципальных газет 25 печатаются современным офсетным способом, а пять – на северо-востоке Кузбасса – выпускают по старинке, на «высокой» печати. Как ленинскую «Искру»... Да что мне это объяснять, я же работал в «Шахтёрке», которую мы печатали на офсете. Какой выход? Надо все газеты области перевести на офсет. Но не было денег в нищем в те годы областном бюджете. И Панов предложил интересный вариант: на юге области, в городе Таштаголе, стоит в упаковке новая дорогая офсетная газетная машина. Досталась местным газетчикам по случаю. Но она не востребована, так как местная городская газета «Красная Шория» имеет маленький тираж, и ради неё монтировать и запускать эту машину нерентабельно. Поэтому, таштагольцам выгоднее печатать свою

газету на офсете в Новокузнецке – туда передают набор по интернету, а готовый тираж привозят в Таштагол на электричке. Долго рядили, как забрать у таштагольцев офсетную машину и передать её на север области – в Мариинск. На эту операцию ушло около года. Наконец-то всё получилось. В Мариинске организовали кустовую типографию, и все газеты северо-востока Кузбасса тоже стали печатать здесь, красивым полноцветным офсетным способом».

Управлению по работе со СМИ удалось создать систему социальной защиты и поддержки журналистов и их семей. В Кемерово приезжали пресс-чиновники из соседних регионов, чтобы перенять этот опыт. Система помогала работникам СМИ и их семьям во многих житейских вопросах, вплоть до ипотечных кредитов на покупку и улучшение жилья за счёт областного бюджета по ставке под «ноль» процентов годовых. Журналисты из Кузбасса получили возможность участвовать в российских семинарах за счёт областного бюджета. Журналистские семьи, их дети получили возможность бесплатно отдыхать в России и за её пределами.

Сергей Иванович стал организатором многочисленных региональных конкурсов и семинаров для работников СМИ Кузбасса. Среди них – известные областные конкурсы «Золотое перо Кузбасса», «ТВ-Престиж», «Радио-Престиж»: «До этого, при другом губернаторе, работу с журналистами в регионе как-то запустили, и они чувствовали себя обделёнными, варились в собственном соку. Хотелось объединить сообщество конкретными делами, поощрять профессионалов творческого цеха за хорошую работу...», – объясняет он.

Были бесконечные командировки. Сергей Черемнов постоянно «варился» в гуще событий региона: «В те годы приходилось буквально спать с телефоном в руках. В любой момент суток могли позвонить из любой точки страны, региона или из «первой приёмной»... И ты всегда должен был быть на связи, отвечать на вопросы СМИ, комментировать какие-то события или решения областной власти, принимать оперативные решения».

В тесном контакте с А. Г. Тулеевым С. И. Черемнов отработал без малого 18 лет.

Он до сих пор увлекается фотографией. Был участником многих коллективных фотовыставок, в том числе таких, как «Новый век. Европа, Россия, Кузбасс» (2005 год), «Какими мы были» (2005 год), «Притягательный регион России» (2006 год), «Из дальних странствий возвратясь...» (2006 год), «Акценты» (2012 год), «Город в творческом объективе» (2015 год) и других. Его персональная фотовыставка «Мой город дышит, значит, он живёт» прошла в Кемеровской областной научной библиотеке имени В.Д. Федорова в 2013 году.

Его статьи и фотографии много раз публиковались в центральной и местной печати: газетах «Известия», «Труд», «Российская газета», «Коммерсант», «Ведомости», «Комсомольская правда», журнале «Кузбасс XXI век» и других периодических изданиях страны и зарубежья, в различных альбомах и книгах о Кузбассе.

Сергей Иванович – автор фотоальбомов и книг. В их числе «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Первый народный губернатор», «Овеянные славой дороги в сорок пятый», «Кузбасс – Китай: новые грани сотрудничества», «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и другие». В конце 2015 года вышел из печати сборник его рассказов «На картошку». С 2017-го по 2021 публикуются сборники его повестей и рассказов «Ёршик с ангиной», «Партийный хит сезона», «Сибиряки на Варварке».

Он немало путешествовал. Побывал в ряде стран Европы, Юго-Восточной Азии, во многих городах России.

Особым толчком к путешествиям стала резкая перемена в жизни – в 2015 году перебрался в город Владимир. Его пригласили поработать в администрации Владимирской области – на должности заместителя председателя комитета по работе со СМИ.

«Древний Владимир – это же центр «Золотого кольца России!», – восхищается Сергей Иванович. – Здесь – что ни улица, то древний храм, монастырь или дворец! Мы с супругой на автомобиле ездили в Суздаль, Муром, Александров, Боголюбово, Ярославль, Иваново, Рязань, Плёс, Коломну. Всего и не упомнишь... Всех друзей и знакомых водили в знаменитый храм Покрова на Нерли... Там везде «дышит живая история России». Ни с какими границами не сравнить!»

Вот теперь он раздумывает: может это был лучший отрезок жизни?!

Осенью 2020 года Сергей Черемнов выпустил уникальную электронную книгу-справочник «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса». Она посвящена воспоминаниям о работниках средств массовой информации Кемеровской области, охватывает период начала XX века – два первых десятилетия XXI века. Автору-составителю удалось собрать под одной обложкой имена и биографические данные более 140 человек. Среди них – редакторы российских, региональных и местных СМИ, известные журналисты, внёсшие большой вклад в социально-экономическое и культурное развитие Кузбасса, в формирование корпоративных основ и традиций.

В сборник вошли и имена режиссёров, дикторов, работавших в СМИ литераторов, фотографов, теле- и радиорежиссёров, операторов и людей других профессий, тесно связанных с выходом в свет федеральных, областных, городских и районных газет, журналов, теле- и радиопрограмм. В это справочно-мемуарное издание включены очерки, зарисовки, заметки, мемуары, высказывания, скрупулёзно собранные из различных печатных СМИ и интернет-изданий, или написанные самим автором.

Основой Книги памяти послужили материалы сайта «слово-сочетание.рф», опубликованные с 2013 по 2020 годы. Этот интернет-портал Сергей Иванович задумал давно – ещё во время работы в администрации Кемеровской области. Но реализовать проект удалось только после ухода из АКО. Специальный сайт «слово-сочетание.рф» появился на карте медиа Кузбасса в феврале 2013 года.

Он задумывался, как портал о журналистах и журналистике Кузбасса (не случайно на его главной странице есть сноска-слоган: «Сайт для творческих людей»).

«Перед запуском электронного ресурса мы несколько месяцев обсуждали его концепцию с моим добровольным помощником – техническим разработчиком этого ресурса Ильёй Рожковым, который параллельно готовился к защите дипломного проекта в Кузбасском государственном техническом университете, чтобы стать специалистом по информационным системам и технологиям, – делится подробностями Сергей Иванович. – Как удалось увлечь молодого перспективного специалиста взяться за большое благородное дело? – для меня до сих пор остаётся загадкой. Может быть, одна из причин заключалась в том, что мы с ним – земляки? Я – из Прокопьевска, он – родом из посёлка Трудармейский Прокопьевского района. А может, ореол таинственности и романтики, несмотря ни на что до сих пор окутывающий профессию журналиста, увлёк этого общительного парня, который проникся идеями проекта.

Мы сразу договорились, что одним из главных разделов сайта станет «Книга памяти». Вначале решили включить в неё только страницы «Журналисты Кузбасса – участники Великой Отечественной войны» и «Очерки о журналистах Кузбасса – участниках Великой Отечественной войны».

В великой битве против фашизма – среди более чем 300 тысяч кузбассовцев – участвовали и журналисты, и печатники, корректоры и режиссёры, дикторы и фотографы, – работники разных профессий из типографий, редакций газет и радиовещания (телевидения в те годы ещё не было).

Они сменили перо и микрофон на винтовки и гранаты, на автоматы и штурвалы. С фронта вернулись не все. Но те, кто пришёл домой, в большинстве своём снова занялись любимой профессией. Для некоторых же фронтовиков труд журналиста стал родным уже после войны».

Сегодня в списках кузбасских журналистов-фронтовиков на сайте словосочетание.рф – более 200 имён. В результате поисков их число продолжает расти: установлены фамилии ещё не всех военков, ушедших из нашей области на фронты тех страшных событий.

«Особенным толчком-вскриком, вызывающим к памяти об ушедших коллегах, стала горькая, нежданная весть в первые дни работы нового сайта: 10 марта 2013 года скоропостижно скончался Анатолий Николаевич Паршинцев – талантливый журналист, честный и добрый человек. Творческая судьба не раз сводила меня с этим удивительным, добродушным, жизнерадостным мужиком, – погружается в воспоминания Черемнов. – Когда в 1982 году я начал работать в областной газете «Кузбасс» собственным корреспондентом, одним из первых, кто обратился с просьбой о срочном репортаже с сельских полей, был Толя Паршинцев. Меня всегда восхищали его работоспособность, глубокая осведомлённость о проблемах села и личное знание сотен людей агропромышленной отрасли.

Горестная весть привела к мысли, что сайту не хватает страницы об ушедших в мир иной коллегах. О тех, кого хорошо знал лично, с кем делил профессиональные тяготы и творческие невзгоды, кто учил меня тонкостям профессии и просто уму-разуму. С кем в муках созидательных «съел пуд соли»,

вместе создал сотни заметок, статей, репортажей, теле- и радиопередач. Почувствовал, что я обязан собирать и хранить память о них. Так и родилась на сайте слово-сочетание.рф, в разделе «Книга памяти», ещё одна страница-рубрика «Ушедшие от нас».

Материалами для неё становятся новые и давние публикации о коллегам в газетах и журналах, книгах, на различных сайтах и в соцсетях. Часто в результате поиска сведений о человеке приходится скрупулёзно «бороздить» бескрайние просторы Всемирной паутины, собирая воедино разрозненные, отрывочные факты.

Обязательное – честное условие этих публикаций – ссылка на первоисточник там, где он имеет место быть. Поэтому можно сказать, что у рубрики «Ушедшие от нас» на сайте – коллективный автор:

«За это хочу сказать огромное спасибо всем, кто причастен к этому святому, на мой взгляд, делу!»

Многие материалы сайта об истории и настоящих журналистах региона уникальны. Здесь можно почитать книги кузбасских авторов, познакомиться с информацией Необычной «Книги рекордов Кузбасса», которая регулярно пополняется всё новыми необычными фактами. Вспомнить об ушедших уже от нас известных журналистах, писателях, поэтах, художниках региона.

Кстати, Сергей Иванович давно и скрупулёзно занимается историей кузбасской журналистики. И названная выше книга – далеко не единственное подготовленное им издание, посвящённое этой теме.

Он также был соавтором и главным редактором книг «Журналистика Кузбасса: строки истории» (Кемерово, 2008 г.), о сми Кемеровской области; «Овеянные славой дороги в сорок пятый» (Кемерово, 2010 г.), о журналистах Кузбасса – участниках Великой Отечественной войны.

Сейчас С. И. Черемнов активно работает над серией очерков, которые объединяются в электронные тома серии «Творческие люди».

К слову сказать, все эти и другие электронные и печатные издания Черемнова сегодня можно найти в хранилищах Государственной научной библиотеки Кузбасса имени Василия Дмитриевича Фёдорова, почётным читателем которой является Сергей Иванович. Кроме того, он – заслуженный работник культуры РФ (2007), лауреат премии Кузбасса, награждён орденом «Доблесть Кузбасса», медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса». Имеет и другие награды Кемеровской и Владимирской областей.

Среди общественных наград отметим диплом лауреата VII Всероссийского конкурса «Карьера – 2000» в номинации «Пресс-секретарь».

Как-то он срифмовал такие строчки:

«Человек – чудак.

Понимает? Нет.

Замечает? Да.

А боится? Бед.

Отчего ж тогда

Тихо смотрит вслед?

Понимает? Да.

Замечает? Нет».

«К людям всегда надо относиться очень бережно, – уверен Сергей Иванович. –
Ещё бережнее надо сохранять память о тех, кого уже нет с нами».

Оглавление

Глава 1. Мастер дела

Ипостаси Евгения Красносельского	4
Евгений Сытый: «Я очень счастлив оттого, что в моей жизни случился.....»	58
театр, состоялось кино...»	
Axis mundi или Ось мира Валерия Макаровича Кимеева	79
Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья	104

Глава 2. От истока к истокам

С драматурга Тамары Ян начиналась профессиональная писательская организация Кузбасса	120
Герберт Густавович Генке: «Если звёздам дарована вечность, это значит, – бессмертие есть»	130
Алексей Васильевич Косарь: «...И куда нас только не бросало с авто-, аэро-, желдор- и морвокзалов!»	138
Новокузнецкий журналист Василий Целищев: о людях нельзя писать общими фразами	148
Дело всей жизни прозаика-документалиста Юрия Панова	154
Инна Макарова: большая актриса России из маленького кузбасского города	160

Глава 3. О коллегах по творческому цеху

Анна Шибаева. Рождение редактора	170
Юрий Дмитриевич Баландин: «Газета без ошибки, что девушка без улыбки»	175
Михаил Попрядухин – от последней строки до последнего патрона	180
Валентин Иванович Масленников: от геологии до вдумчивой журналистики ..	187
Творческие вершины журналиста Валерия Францева	192
Виктор Скороходов – инженер, которому везло на хороших людей	198

Глава 4. Время не стоит на месте

Журналист Денис Лизин и его поэтическое амплуа	204
Владимир Александрович Цукров – журналист, педагог, учёный	214
Вера Кривенкова: «За суетой и за работой, друзья, не забывайте жить!»	223
«Горчичники» местным бюрократам и казнокрадам от Владимира Аренского	231
Алексей Зверев: «Убежать от радио до конца мне не удалось, да и не хотелось»	234
Сергей Черемнов: «Семейной династии шахтёров не получилось»	242

Сергей Иванович Черемнов

Творческие люди
(очерки, зарисовки, статьи, эссе)
Книга вторая

Массово-публицистическое издание

(Электронная книга)

Компьютерная вёрстка автора

Редактор Нина Инякина

Создание pdf Илья Рожков

В книге использованы фотоиллюстрации
из личного архива автора и Internet
Подготовлено к публикации 20.07.2022г.

© Черемнов С.И.,
г. Кемерово,
2022 г.